

ГОУ ВПО «Елабужский государственный педагогический университет»

Осипова Людмила Фёдоровна

**Фоносемантические особенности
личных имен в татарском языке**

*Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)*

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Салимов Х.Х.;
научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Галлямов Ф.Г.

Елабуга – 2008

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Фоносемантический аспект языка.....	10
1.1. Проблема взаимосвязи звука и значения.....	10
1.2. Развитие фоносемантики как науки.....	23
1.2.1. Фоносемантические исследования в зарубежном языкознании.....	23
1.2.2. Фоносемантические исследования в отечественном языкознании.....	28
1.2.3. Фоносемантические исследования в тюркологии.....	34
1.2.4. Исследования по фоносемантике в татарском языкознании.....	38
1.3. Аспекты фонетического значения.....	43
1.3.1. Цветовой аспект.....	43
1.3.2. Признаковый аспект.....	45
Выводы по 1 главе.....	53
Глава 2. Актуальные проблемы современной татарской антропонимики в аспекте фоносемантики	54
2. 1. Антропонимическая система языка.....	54
2.2. Антропонимия татарского языка.....	60
2.3. Мотивы имянаречения в татарской антропонимике.....	64
2.4. Теория фоносемантики относительно личных имён.....	66
2.4.1. Соотношение лексического и фонетического значения имён.....	70
2.4.2. Особенности фонетического значения имён XIX – нач. XX века и современных имён.....	74
Выводы по 2 главе.....	83
Глава 3. Фоносемантическая характеристика татарских личных имен в текстовом поле	85
3.1. Литературная антропонимика в исследованиях русских и татарских учёных.....	85
3.2. Имя в художественном тексте.....	88
3.3. Роль звукового облика имен в литературных произведениях.....	96

3.4. Фонетические значения имён литературных персонажей (на материале произведений татарских писателей).....	99
3.5. Психолингвистический эксперимент.....	117
Выводы по 3 главе.....	120
Заключение.....	121
Список использованной литературы.....	125
Приложение.....	139

ВВЕДЕНИЕ

С развитием фоносемантики как науки возрос интерес к звуковой стороне слова. Фоносемантические исследования, получившие научное признание, способствовали появлению такого понятия, как фонетическое значение слова. Под фонетическим значением принято считать символическое значение содержательности звуковой формы. Фонетические значения, имеющие признаковый аспект, раскрывают содержание имени на фоносемантическом уровне. Звуковое оформление слова (благозвучное или неблагозвучное) формирует наше представление об обозначаемом предмете. Особый интерес в этом плане представляют собственные личные имена и имена героев литературных произведений.

Имя – жизненный спутник человека. Каждому из нас интересно, что оно означает и каковы его корни. Благодаря трудам многих учёных, мы можем узнать происхождение и значение имени. Но для любого из нас важно ещё то, как звучит имя. «Помните, что имя человека – это самый сладостный и самый важный для него звук на любом языке», – говорил Дейл Карнеги.

Язык всегда стремится к гармонии, и при выборе имён прослеживается такая тенденция в плане лексического значения и звучания. Чем благозвучнее имя, тем выше вероятность его распространения. В настоящее время при выборе имени учитываются такие факторы, как красота, звучность, лёгкость и ясность произношения.

В произведениях литературы имя играет значительную роль при создании художественного образа. Оно может нести ярко выраженную смысловую нагрузку или же создавать ассоциативный фон звуковым оформлением. В связи с этим возникает необходимость изучения звуковой стороны имени, особенностей его фонетического значения.

Задачи изучения фонетических значений собственных имён ставились перед отечественными исследователями уже несколько десятилетий назад. В.А. Ивашко в книге «Как выбирают имена?» [1988] по фоносемантической характеристике каждого звука вычислил фонетическое значение имени в целом. В его книге содержится небольшой словарь фоносемантического и этимологического значения некоторых личных имён: популярных и редких. А.В. Пузырёвым на основе теории А.П. Журавлёва [Журавлев 1974] составлен «Словарь-справочник фонетического значения русских личных имён», извлечения из которого нашли также отражение в статье «О фонетической мотивированности собственных имён в стихотворной речи» [1984]. В.А. Анисимова в работе «Развитие русской антропонимики в современном русском языке (на примере личных имён)» [2004] применяет фоносемантическую теорию А.П. Журавлёва относительно русской антропонимики, определяя значение всего имени на основе фоносемантических значений звуков.

Актуальность темы стимулируется тем, что в татарском языкознании фонетические значения собственных личных имён рассматривались лишь частично. Х.Х. Салимов в своей работе «Просодическая система татарского языка» [1999], определив семантические оттенки татарских звуков, приводит несколько примеров соответствия фонетического значения имени лексическому. Проблема нашего диссертационного исследования актуализируется необходимостью дальнейшей разработки вопросов о фонетическом значении в антропонимике. Важность такого исследования обусловлена как его научно-теоретической, так и практической значимостью, поскольку на его основе можно сделать некоторые прогнозы относительно дальнейшего функционирования собственных личных имён, а также проводить

анализ художественного произведения, учитывая при характеристике литературного героя фоносемантические особенности имени.

Цель работы – исследование фоносемантических особенностей татарских личных имён.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи исследования:

- систематизировать и обобщить теоретические положения о фоносемантических исследованиях;
- определить фоносемантические особенности татарских личных имён и установить соотношение с их значениями;
- выявить особенности фонетического значения имён конца 19 начала 20 веков и современных имён;
- охарактеризовать фоносемантические особенности имён литературных героев в произведениях татарских писателей.

Предметом исследования является звуковая организация татарских личных имён на фоносемантическом уровне.

Объектом исследования стали имена литературных героев из произведений татарских писателей, имена из словаря татарских личных имён Г.Ф. Саттарова (Саттаров-Муллиле Г.Ф. Татар исемнәре ни сөйли? – Казан, 1998.).

Материалом для исследования послужили также данные загсов г. Елабуги, Набережных Челнов, Альметьевска о наиболее употребительных именах, данные мечети-джамиг г. Альметьевска о наиболее распространенных мусульманских именах.

Методы и приёмы исследования – теоретико-описательный: описаны наиболее значимые исследования, повлиявшие на становление отдельной отрасли языкознания – фоносемантики; сбор материала для практической части работы; психолингвистический анализ; для получения количественных сведений был применён статистический метод; использовался приём

компьютерных вычислений; при анализе полученных результатов применялся сравнительный метод.

Теоретико-методологической основой диссертации послужили труды отечественных и зарубежных исследователей по фоносемантике: В. Гумбольдта, Р. Якобсона, В.В. Левицкого, А.П. Журавлёва, С.В. Воронина и др.; труды отечественных учёных по антропонимике и поэтической ономастике: В.А. Никонова, Т.Ж. Жанузакова, А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетова, Э.Б. Магазаника, М.В. Горбаневского, В.И. Супруна и др.; труды татарских ученых по фонетике: Г.Х. Алпарова, Р.Ф. Шакировой, Х.Х. Салимова, Ф.С. Хакимзянова, по поэтической ономастике: Р.Х. Гарраповой, А.Р. Биктимеровой, В.М. Гариповой-Хасаншиной, Г.Х. Зиннатуллиной и др., по антропонимике: Г.Ф. Саттарова, А.Г. Шайхулова, Х.Ч. Алишиной, Г.Р. Галиуллиной и др.

Научная новизна диссертации. В диссертационном исследовании впервые вычислены фонетические значения личных имён татарского языка. На основе полученных результатов сделаны выводы о фоносемантических особенностях татарских личных имен. Определена роль фонетического значения в именах литературных персонажей и выявлен новый аспект в изучении литературных антропонимов.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в расширении и углублении теоретических воззрений на татарскую просодику, также в возможности продолжения фонетических исследований на стыке смежных наук: психолингвистики, этнолингвистики и др.

Результаты и выводы исследования могут быть использованы в дальнейшем при изучении фоносемантических особенностей языка. Теоретический материал, собранный в работе, может быть использован при разработке спецкурсов по фоносемантике.

Вычисления фонетического значения имен литературных персонажей помогут более полному раскрытию художественных образов произведений и замысла автора.

Полученные в процессе исследования факты и научные выводы являются существенным дополнением к уже имеющимся сведениям о современной антропонимической системе татарского языка и могут служить источником при составлении словаря фонетического значения личных имён.

Результаты исследования могут оказать практическую консультативную помощь для молодых родителей и работников учреждений ЗАГС в выборе имен.

На защиту выносятся следующие положения:

- соответствие значения имени его фоносемантическому восприятию зависит от характерных признаков звуков;
- фонетическая значимость слова является одним из факторов влияния на степень распространённости тех или иных антропонимов;
- звуковая оформленность слова уже содержит в себе определенную информацию, значение. Это способствует тому, что не только лексическое, но и фонетическое значение имени помогает писателю в раскрытии образа героя в художественном произведении;
- в литературной антропонимике отдельным аспектом изучения можно выделить фонетические значения имён персонажей, что позволит определить степень соответствия фонетического облика имени образу персонажа, выявить роль звукового оформления имени в создании образа героя.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в научных журналах «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена» (Санкт-Петербург, 2007), «Вестник Чувашского университета» (Чебоксары, 2007); о результатах исследования докладывалось на Региональной научно-практической конференции «Организация учебно-воспитательного процесса с учетом национально-регионального компонента» (Набережные Челны, 2005), Всероссийских тюркологических конференциях «Языки и литература:

история и современность” (Елабуга, 2004, 2006); Международных научных конференциях «Ономастика Поволжья» (Уфа, 2006; Йошкар-Ола, 2008). По теме исследования опубликовано десять статей.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Глава 1. Фоносемантический аспект языка.

1.1. Проблема взаимосвязи звука и значения.

В современной лингвистике и философии укрепляется взгляд на язык как на систему (структуру) знаков. Широкое обсуждение природы и функции языковых и неязыковых знаковых систем выявило общую тенденцию материалистического определения языкового знака и выдвинуло в качестве важнейших проблем – отношение между знаком и значением (уровнями выражения и содержания) [Волков 1987: 58].

Между звучанием и значением слова может наблюдаться три типа отношений: а) звучание слова соответствует значению; б) звучание слова противоречит значению; в) звучание и значение слова находятся в “нейтральном” отношении. Первый тип положительный, второй – отрицательный, третий – нейтральное отношение между звучанием и значением [Левицкий 1994: 28].

Звуковая оболочка производных, первоосновных слов обычно считается произвольной, немотивированной по отношению к их значению. В связи с этим фонетической форме языковых знаков отказано в содержательности [Журавлёв 1974: 3]. В учебных пособиях по современному русскому литературному языку закрепилось утверждение, что звук не имеет значения: «звук является минимальной незначимой единицей речевого потока. Звук выступает в речи нерасчленённо, как единое целое... сам по себе звук не обладает языковым значением, но косвенно связан со значением: из звуков состоят значимые единицы...» [Русская грамматика 1980: 14].

«Однако на протяжении всей истории лингвистики прослеживается существование идеи о том, что звуки речи содержательны сами по себе, и эта их содержательность соответствует значениям слов. Строго говоря, любая форма содержит в себе некоторую информацию, и в этом смысле бессодержательных форм вообще нет. Но когда говорят о содержательности формы знака, – отмечает А.П. Журавлёв, – то имеют в виду такую её

содержательность, которая сопоставима со значением знака» [Журавлёв 1974: 3].

Соотношение звука и смысла интересовало учёных давно. Идея фонетического значения, или так называемого фонетического символизма, возникла в результате поиска «естественной» связи между значением и звучанием слова.

Ещё в Древней Греции возник знаменитый лингвистический спор о том, как рождаются слова, как даются имена вещам. Одни мыслители древности считали, что имена даются «по соглашению», полностью произвольно, по принципу «как хотим, так и назовем». Другие полагали, что имя каким-то образом выражает сущность предмета, т.е. как бы predetermined для этого предмета заранее, по принципу «каждому – по его свойствам».

Древнегреческий философ Платон выбрал «золотую середину». Да, считает он, мы (коллектив носителей языка) вольны в выборе имени предмета, но это не воля случая, не свобода анархии. Свобода выбора ограничена свойствами предмета и свойствами звуков речи. По мнению Платона, в речи есть звуки быстрые, тонкие, громадные, округлые и т.д. И есть предметы быстрые, тонкие, громадные, округлые и т.д. Так вот, «быстрые» предметы получают имена, включающие «быстрые» звуки; «тонким» предметам подойдут имена с «тонким» звучанием; в состав имён для «громадных» предметов должны входить «громадные» звуки и т.п.

М.В. Ломоносов был уверен, что звуки речи обладают некоторой содержательностью, и даже рекомендовал использовать эти свойства звуков для придания художественным произведениям большей выразительности. Он писал в «Кратком руководстве к красноречию»: «В российском языке, как кажется, частое повторение письмени А способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины... учащение письмени Е, И, Ъ, Ю – к изображению нежности, ласкательства... или малых вещей...» [Журавлёв 1981: 6–8].

Говоря о взаимосвязи звуковой стороны и значения, А.П. Журавлёв отмечает, что каждое явление представляет собой единство содержания и формы. В этом единстве наиболее важным является содержание. Форма есть способ существования содержания, способ его выражения, и содержание стремится приспособить форму к себе для лучшего выполнения ею своих функций, в результате чего устанавливается соответствие между этими сторонами двуединства.

Но существует обширная область исключительно важных для человека явлений, относительно которых почти общепризнан постулат о принципиальном отсутствии такого соответствия. Речь идёт о важнейшем средстве передачи информации в человеческом обществе – о знаковых системах и в том числе о языке. Основатель семиотики Ф. де Соссюр основным свойством языкового знака считал полное отсутствие соответствий между его значением и формой [Журавлёв 1974: 6].

В трудах многих лингвистов мы видим, что отрицается связь между звуками, составляющими слово, и самим словом.

Ф.Ф. Фортунатов в своей работе «Значение звуковой стороны в языке» отмечает: «...значения слов в любом языке по большей части таковы, что между данными звуками слова и тем, что ими обозначается, не существует непосредственной связи; всякий звук речи или всякий комплекс их сам по себе одинаково способен иметь в языке всякие значения... может казаться, будто между данными звуками и тем, что ими обозначается, существует непосредственная по происхождению связь... в действительности же лишь очень немногие слова в языке, и притом не играющие в нём значительной роли, имеют непосредственную по происхождению связь их звуков с обозначаемыми предметами мысли, или, иначе говоря, с ощущениями или представлениями предметов мысли...». Такими словами, по мнению Фортунатова, являются звукоподражательные слова и междометия [Фортунатов 1956: 117-118].

Эту точку зрения разделяет А.А. Реформатский. Попытку установить прямую связь между звуками и смыслом он называет «символикой звуков». «Но так разъяснить можно только звукоподражательные слова...; однако, во-первых, таких слов в языках немного, они редко попадают в основной фонд лексики, и, во-вторых, из наблюдений над звукоподражаниями никак нельзя сделать вывод, что значит [а], [о], [п], [р] и т.п., так как звуки речи, как таковые, не имеют значения и не могут его иметь.

Поэтому языковеды второй половины XIX в. встали на ту точку зрения, что звуки в языке существуют и развиваются сами по себе, а значения – сами по себе; связь звуков и значений ограничивается ассоциацией, т.е. механическим сцеплением» [Реформатский 2001: 211].

Вопросы фонетического символизма и отношений между звучанием и значением слова затрагивались также в работах В. Гумбольдта, А. Шлейхера, Я. Грима, А. Поттебни и других исследователей.

Так, В. Гумбольдт в работе «О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» обращает внимание на возможность звуков выражать определённый смысл: «...звук... своим индивидуальным качеством указывает на качество обозначаемого предмета, так как его индивидуальное качество всегда соответствует свойствам предмета и тем впечатлениям, которые предмет оказывает на восприятие говорящего... Он возникает в груди как трепетный тон, как дыхание самого бытия; помимо языка, он способен выражать боль и радость, отвращение и желание; порождённый жизнью, он вдыхает её в чувство; подобно самому языку, он отражает вместе с обозначаемым объектом и вызываемые им чувства...» [Гумбольдт 1956: 79].

В. Гумбольдт различает три способа обозначения понятий.

Первый способ заключается в непосредственном подражании, когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки в состоянии передать нечленораздельные. Этот способ

обозначения как бы живописный: подобно картине, изображающей зрительный образ предмета, язык воссоздает его слуховой образ.

Второй способ основывается на подражании не непосредственно звуку или предмету, а некоему внутреннему свойству, присущему им обоим. Можно назвать этот способ обозначения понятий символическим. Для обозначения предметов этот способ избирает звуки, которые отчасти сами по себе, отчасти в сравнении с другими звуками рождают для слуха образ, подобно тому, который возникает в глубине души под впечатлением от предмета. Таковы, например, слова: *stehen, stätig, starr* ('стоять', 'постоянный', 'неподвижный'), вызывающие ощущение стабильности. Таким образом, предметы, производящие сходные впечатления, обозначаются преимущественно словами со сходными звуками (ср.: *wehen, Wind, Wolke, warren, Wunsch* ('веять', 'ветер', 'облако', 'спутывать', 'желание')), в каждом из которых отзывается неустойчивое, беспокойное, неясно предстающее перед органами чувств движение, выражаемое звуком *w*, т.е. более твердым вариантом звука *u*, который уже сам по себе гулок и глух. Этот способ обозначения, основанный на определенном значении, заключенном в каждой отдельной букве и в целых разрядах букв, оказал огромное воздействие на способы словообразования. Необходимым следствием отсюда должно быть определенное сходство обозначений во всех языках человеческого рода, так как впечатления, производимые предметами, связаны повсюду более или менее одинаково с одними и теми же звуками.

Третий способ строится на сходстве звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий. Словам со сходными значениями присуще также сходство звуков, но при этом в отличие от рассмотренного ранее способа обозначения не принимается во внимание присущий самим этим звукам характер. Этот способ обозначения понятий, в котором аналогия понятий и звуков в их собственных сферах проводится так, что достигается их полная гармония, можно назвать аналогическим [Гумбольдт 1990: 16-18].

Фердинанд де Соссюр настаивал на произвольности языковых знаков. Соссюр пишет, что означаемое слово не связано никаким внутренним

отношением с последовательностью фонем, выступающих в роли его означающего. Самый выдающийся современный французский лингвист Эмиль Бенвенист в своей работе «О природе языкового знака» возражает Соссюру, утверждая, что «связь между означающим и означаемым отнюдь не произвольна; напротив, она необходима» [Якобсон 1985: 88].

Некоторые французские теоретики (*Bally, Cressot, Delbouille*) категорически отрицают наличие у звука изначального значения, однако допускают, что звуки могут приобретать определенную экспрессивную окраску в поэтическом произведении, будучи организованными специальным способом. Основная их функция – создание звуковой наглядности, воспроизведение звуков природы. В языке же повседневного общения звуки могут вызывать определенные ассоциации, если этому способствует значение слова.

Другие ученые (*Guiraud, Michaud*) полагают, что каждый звук имеет только ему присущее коннотативно-экспрессивное значение. Согласно одной концепции это значение, хотя и не связано с отдельно взятым словом, все же зависит от содержания высказывания в целом и от его тематики [Тимонина 1990: 148-149].

Интерес к проблематике возрождается с новой силой в XX веке, когда связь звука и значения все чаще обнаруживается в дескриптивной (описательной) лексике – звукоподражательных и звукосимволических словах. Этому периоду принадлежат работы Э. Сепира (Сепир 1993), Л. Блумфилда (Блумфилд 1990), Р. Якобсона (Якобсон 1985), С.В. Воронина (Воронин 1969), В.В. Левицкого (Левицкий 1973), А.П. Журавлева (Журавлев 1974), А.Б. Михалева (Михалев 1995).

А.П. Журавлев отмечает, что существуют две точки зрения на причины возникновения символики звуков речи. Одна из них получила название гипотезы первичного звукосимволизма и заключается в том, что символику звуков считают изначальной, первичной по отношению к понятийному значению, полагая, что она возникла под влиянием звуков природы. Этой точки зрения фактически придерживалось подавляющее большинство сторонников

идеи звуко-символизма от Платона и до современных исследователей. Вторая точка зрения получила название гипотезы вторичного звуко-символизма. Идея вторичного звуко-символизма разделяется в основном теми исследователями, которые осторожно относятся к теории фонетического значения и особенно к явлениям фонетической мотивированности языкового знака [Журавлёв 1974: 23].

В.В. Левицкий полагает, что вторичный символизм возникает в результате стремления говорящих обнаружить корреляцию между звучанием слова, развивающимся в соответствии с фонетическими, и значением этого слова и тем самым хотя бы частично устранить произвольность связи между звучанием и значением слова [Левицкий 1989: 124].

В первой четверти XX века в России особый интерес к проблемам звуко-символизма возник у поэтов-символистов, которые пытались интуитивно соотнести отдельные звуки речи с конкретными образами, представлениями, понятиями и чувствами, раскрыть первоначальную семантику и эмоциональную окрашенность слов через составляющие их звуки и проследить проявление звуковой символики в поэтической речи [Журавлёв 1974: 18].

Анализируя исследования фонетического значения, Е.Н. Фадеева отмечает, что русские поэты-символисты – А. Белый, К. Бальмонт, В. Хлебников – неоднократно обращались в своём творчестве к семантике звука и безуспешно старались использовать её во многих поэтических произведениях. Помимо художественного творчества, поэты неоднократно пытались осмыслить явление звукового значения в своих теоретических статьях. Наиболее значимой в этой области является работа А. Белого «Глоссалогия. Поэма о звуке». В ней автор подчёркивает значение звука в языке, поэтической речи, жизни человека, человеческой культуре [Фадеева 2003: 25-26].

Интересную интерпретацию значений звуков даёт К. Бальмонт. В своей работе «Поэзия как волшебство» поэт проводит связь между звуком и его семантикой: «О – звук восторга. У – музыка шумов и вскрик ужаса. Звук

грузный, как туча... Как противоположность грузному У, И – тонкая линия. Я – явное, ясное, яркое» [Бальмонт 1915: 60-64].

Велимир Хлебников в статье «Художники мира!» обращается с призывом создать общий письменный язык, общий для всех народов, так как каждый звук, по его мнению, означает что-то конкретное. Он утверждает, что, например, **В** на всех языках значит вращение одной точки кругом другой или по целому кругу или по части его, дуге, вверх и назад. **Х** значит замкнутую кривую, отделяющую преградой положение одной точки от движения к ней другой (защитная черта) и т.д. Таким образом он дает собственные определения 19-ти согласным звукам [Хлебников 2001: 566-570].

Проблема восприятия звуков и фонетического символизма не может быть безразличной для фонетики и фонетистов. Ещё в 1928 г. этим вопросом начал заниматься известный американский языковед Эдвард Сепир. В 1933 г. его опыты повторил и расширил С. Ньюман. Р. Якобсон, Г.М. Фант и М. Хале в своей работе о звуковых различительных признаках писали о том, что восприятие звуков говорящими подтверждает, что действительно говорящие осознают те звуковые противопоставления, о которых говорят авторы.

Э. Сепир предлагал своим информантам выдуманные им пары слов (слова в каждой паре отличались лишь одним звуком, например, *mil – mal*) и просил оценить их: словам *mil* и *mal*, предположим, давалось произвольное значение “стол” и предлагалось ответить, какой из двух столов больше: *mil* или *mal*. Этот опыт повторялся в разных вариантах, результаты его позволили Сепиру сделать вывод о том, что от 75 до 96% всех опрошенных отдают предпочтение звуку [a] для слов со значением “большой”. Причина этого «скрытого» символизма может быть, по словам Сепира, – акустическая, или кинестетическая, или обе сразу.

Так, возможно, что при произнесении [i] большинство бессознательно чувствует, что язык оттянут кверху нёба и продвинут вперед, поэтому вибрирующий поток воздуха проходит через узкую резонансную камеру. В случае же с [a] язык лежит значительно ниже и оттянут назад, поэтому

вибрирующий поток воздуха проходит уже через более широкую резонансную камеру.

Однако, каково бы ни было объяснение, ясно, что мы здесь имеем дело с достаточно независимым психологическим фактором, который может быть назван «фонетическим символизмом» [Орлова 1966: 144-145].

С. Ньюман, повторив опыт Э. Сепира с противопоставлением «большой – маленький», добавил новое противопоставление: «светлый – тёмный». Так же, как и Э. Сепир, С. Ньюман объясняет восприятие звуков как «большой – маленький» или «светлый – тёмный» такими факторами, как последовательность положения языка при артикуляции и участие голоса (последнее для согласных).

Причём, как пишет С. Ньюман, восприятие звуков как связанных с признаками «большой – маленький» (а также и «светлый – тёмный») нельзя объяснить употребительностью в языке одних звуков только в словах со значением «большой», а других – «маленький». Как показал анализ (Ньюман брал обычные английские слова с ясным значением размера и подсчитывал в них количество тех и других звуков), «маленькие» и «большие» звуки встречаются в живом английском языке равномерно как в словах, обозначающих что-то большое, так и маленькое. Следовательно, здесь дело не в «лингвистических ассоциациях».

Р. Якобсон же, идя совершенно другим путём, с другой целью и используя другие методы, приходит к выводу о том, что у слушателя противопоставление компактности и диффузности, как правило, связано с представлением о размере (отсюда фонетическая символика, использующая противопоставление *большой – маленький*), причём эта связь одинакова для гласных и согласных» [Орлова 1966: 145].

Р. Якобсоном была также сделана попытка научно обосновать связь звука и цвета. Он высказывает мысль об основном различии в восприятии гласных и согласных: гласные вызывают цветовые представления, а согласные – черно-белые. «Среди согласных губные и зубные составили максимум, а небные

минимум бесцветности». Таким образом, контраст светлого и темного создают в основном зубные и губные.

Позднее, в 1960 г., в статье о различительных признаках, написанной совместно с М. Халле и Г. Фантом, Р. Якобсон несколько иначе группирует звуки по восприятию. Контраст светлого и темного он соотносит теперь с противопоставлением «высокий – низкий». К высоким относятся зубные, передне- и средненёбные; к низким – губные и задненёбные. Был проведен такой опыт. Информантам давались два «непонятных слова», одно из которых представляет собой сочетание низких, другое – высоких звуков. Эта пара звукосочетаний построена так, что каждый звук одного звукосочетания отличается от соответствующего звука другого признаком высоты.

Например, дается слово *букоф*; звук, отличающийся от [б] только высоким тоном – [д]; парный к низкому [у] высокий гласный – [и]; [к] и [ч] тоже отличаются высотой тона; такие же пары составляют [о] – [э], [ф] – [с]. Итак, парное слово для *букоф*, отличающееся от него только высотой, – *дичес*. Предлагалось письменно ответить на некоторые вопросы об этих словах: какое из двух данных «незнакомых слов» производит ощущение 1) темного, а какое – светлого; 2) какое – легкости и какое – тяжести; 3) какое – высоты и какое – глубины; 4) какое – ширины и какое – тонкости; 5) какое – грубоватости и какое пронзительности. В результате получен ожидаемый ответ, т.е. слово более высокое по тону связано с представлением светлого, легкого, тонкого, пронзительного [Иванова-Лукьянова 1966: 137-139].

В работе «Звук и значение» Р. Якобсон пишет: «В силу тесной связи между звуками и значением в слове, у говорящих возникает потребность это внешнее отношение дополнить внутренним, смежность дополнить сходством, «рудиментом» изобразительного начала. В нейропсихологии известно явление синестезии: по её законам звуковые противопоставления могут выражать отношения, связанные с музыкальным, цветовым, обонятельным, тактильным и т.д. восприятием. Например, оппозиция высоких и низких фонем может вызвать ассоциацию с противопоставлениями светлый – тёмный, острый –

круглый, тонкий – толстый, лёгкий – массивный, и т.д. Хотя этот «звуковой символизм», как называл его Э. Сепир, который специально занимался данным вопросом, эта внутренняя значимость различительных признаков, и существует в скрытом, неявном виде, она может тут же проявиться, как только возникает соответствие между ней и значением данного слова, нашей эмоциональной или эстетической позицией относительно этого слова; ещё ярче это проявляется в нашем отношении к словам с полярными значениями» [Якобсон 1985: 89].

В качестве примера Якобсон обращается к поэтическому языку, где звук как таковой имеет самостоятельную значимость. Звуковой символизм актуализируется и создаёт нечто вроде аккомпанемента означаемого. Чешские слова *den* «день» и *noc* «ночь», в которых противопоставлены высокая и низкая гласная, легко ассоциируются в поэзии с контрастом полуденного света и ночного мрака.

Заимствуя характеристику высоких и низких, Е.В. Орлова проводит свой эксперимент. По её мнению, «большой – маленький» и «светлый – тёмный» – это не единственный вид ассоциаций, связанных со звуковыми противопоставлениями. Информантам были предложены выдуманные слова, ничего не обозначающие и ничем по возможности не напоминающие знакомые слова русского языка, но эмоционально воспринимаемые как «хорошие» и «плохие». В зависимости от того, как информант оценивал каждое слово (как обозначающее что-то хорошее, доброе, приятное, положительное или как нечто отталкивающее), он проставлял над словом знак «+» (хороший) или «-» (плохой). Кроме того, предлагалось описать образы, возникающие у информантов в связи с данными словами. Результаты эксперимента показали, что слова, в которых много высоких звуков, оцениваются большинством положительно [Орлова 1966: 146-150].

Говоря о проблемах современной теории фонетического символизма, А.П. Журавлёв отмечает, что до возникновения экспериментального направления содержательность звуковой формы слова рассматривалась как лингвистический факт в ряду общих семантических проблем и вопросов,

связанных с происхождением языка. В американском направлении, имеющем бихевиористический уклон, феномен звукового символизма рассматривается в рамках языковых реакций носителей языка и многими исследователями понимается как психологическое явление, имеющее синэстетическую основу. При этом место феномена в ряду лингвистических явлений остаётся неопределённым.

Немецкое направление считает содержательность звуковой формы фонетическим значением, т.е. семантическим явлением. Так, Г. Кронассер полагает, что значение имеют не только слова и предложения, но и отдельные звуки речи, и градация этого значения простирается от аффективного до чисто понятийного. При таком понимании фонетического значения не усматривается принципиальной разницы между ним и другими типами значений, в частности понятийным значением слова, с чем нельзя согласиться [Журавлёв 1974: 22].

Интересные идеи в этом плане высказывает А.Н. Журинский, который считает, что «связь звука со значением может иметь два совершенно разных источника: 1) символизм, основанный на естественной аналогии признаков звука и значения; так идея силы и твердости в любой системе звукового символизма будет передаваться скорее взрывными, чем фрикативными, скорее твердыми, чем мягкими... согласными; связи... такого рода универсальны, хотя и могут слегка модифицироваться в зависимости от числа и соотношения фонем в системе; 2) символизм, основанный на соотношении исконной и заимствованной лексики и резко отличающийся от языка к языку» [Журавлёв 1974: 28].

В 1972 году А.Н. Журинский отмечает актуальность проблемы звукового символизма для африканистики. Занимаясь преимущественно гласными, одним из свидетельств символизма А.Н. Журинский считает сингармонизм, который обнаруживается им в более чем 84% идеофонов (исследуется 1004 идеофона) одного из африканских языков – эве. Тогда как в русском языке обнаруживается следующая фоносемантическая последовательность: /a/

«светлее» и «отчетливее», /y/ и /и/ «меньше», «легче» и «женственнее», /a/ и /о/ «круглее» /и/ [Тамбиева 2003: 20].

«Теория фонетического символизма одна из тех, которые «пленяют» ум. Она обращается к воображению, нравится разуму, давая простое и естественное истолкование вещей, которые иначе казались бы абсолютно спорными, – пишет К. Нироп в статье “Звук и его значение”. – Многое содействует сохранению и возникновению этой теории; одною из наиболее действительных причин является то впечатление, которое создается через артикулирование различных звуковых феноменов». К. Нироп считает, что своею природною окраскою гласные производят довольно разнообразные впечатления; так начальная гласная *i* дает представление чего-то ясного, проникновенного, тогда как при конечном *ou* (лат. *u*) непосредственно чувствуется что-то тяжкое, угрюмое.

Ощущения, производимые артикуляцией гласных и согласных, могут быть использованы при образовании новых слов. По мнению исследователей, современная промышленность, создавая слово «кодак» сознавала очень точно ценность звуковых явлений, удачно выковала чрезвычайно выразительное слово, ясное, краткое, удобное для памяти и произношения, благозвучное по своей конструкции; своими тремя взрывными согласными это слово рисует резкий спуск затвора маленького фотографического аппарата [Нироп 1990: 144].

В.В. Левицкий говорит о фонетической мотивированности слова, которая основана на том, что звуковая структура наименования оказывается в той или иной степени изоморфной структуре обозначаемого предмета или явления. Так, семантика нем. *Zickzack*, судя по толкованию этого слова в словарях, включает такие компоненты, как *scharf* “резкий, острый”, *Knick* “изгиб”, *hin – her* “туда-сюда”, что соответствует фонетической структуре слова, в котором противопоставление краткого верхнего [i] краткому нижнему [a], находящихся в одинаковом окружении, символизирует резко изломанную линию. Нередко такого рода изоморфизм (ср. рум. *mic* “маленький”, русск. огромный) носит неявный, скрытый характер, ощущается носителями языка интуитивно и может

быть обнаружен лишь с помощью специальных экспериментов [Левицкий 1994: 27].

В свое время А.П. Журавлев создал шкалу, по которой вычислил психоэмоциональное значение всех звуков русского языка. Согласно А.П. Журавлёву, звук – значимая единица языка, обладающая определённым фонетическим значением. «Единицы низшего, фонетического уровня по традиционному представлению никаким значением не обладают. Но если понимать содержательность языковой формы как символическое значение, то возникает возможность считать символику звуков речи значимостью фонетической формы, или фонетическим значением» [Журавлёв 1974: 31].

Таким образом, ссылаясь на вышеперечисленные исследования, можно сказать, что каждый звук обладает определённым фонетическим значением, имеющим признаковый характер.

1.2. Развитие фоносемантики как науки.

1.2.1. Фоносемантические исследования в зарубежном языкознании.

Звуковой символизм как нечто, «лежащее за пределами науки», должен был – чтобы обрести право на признание – представить неоспоримые доказательства существования произвольной связи между звуком и смыслом. Этим было обусловлено основное направление поисков на начальном этапе исследования звукового символизма – получение и накопление фактического материала, который мог бы служить фундаментом для дальнейших теоретических построений [Левицкий 1994: 26].

«Лингвистическая» методика изучения звукосимволизма сводилась обычно к поиску групп слов со «сходными» звучаниями и «сходными» значениями. Именно таким образом подходили к изучению звукового символизма М. Опитц, Ф. Цезен, Ш. де Бросс, И.Р. Шоттель, а затем Лейбниц, В. Гумбольдт, В. Вундт, О. Есперсен и др.

Большинство европейских работ посвящено изучению символических свойств звука /i/.

Так, О. Есперсен собрал слова со значением «маленький» из 12 языков (подавляющее большинство собранных им примеров составляли слова английского языка). Недостатком работы О. Есперсена, как и других работ, написанных с тех же позиций, был односторонний подход к отбору и анализу фактов: Есперсен собирал только те слова со значением «маленький, незначительный», которые включали в свое звучание фонему /i/. Впечатляющая на первый взгляд картина связи звучания /i/ и понятия «маленький» легко опровергалась фактами из тех же языков: ср., например, англ. *small* «маленький» и англ. *big* «большой». Разумеется, наличие подобного рода фактов учитывал и сам О. Есперсен, сделавший оговорку о том, что он не считает, что звук /i/ связан только с понятием «маленький» или что понятие «маленький» связано только со звуком /i/. Тем не менее доказать таким образом существование звуко-символизма (то есть достоверную связь определённых понятий и определённых звучаний) было трудно.

Определённый итог европейским исследованиям звуко-символизма лингвистическими средствами подвел Е. Фенц.

Е. Фенц исходит из тех же принципиальных позиций, с которых подходили к проблеме звуко-символизма его предшественники. Он пытается обнаружить в списках слов типа *Ecke, Winkel, Kinn, Kiel, Hacke, Knie, Gelenk, Kehre, Kurve, kontra, Kap* общие фонетические (звук /k/) и семантические («резкое изменение направления») свойства. Однако Е. Фенц, как и О. Есперсен, вынужден признать, что подобный подход к изучению звуко-символизма имеет серьёзные недостатки: подбор слов и устанавливаемая исследователем «общность» значений этих слов носят крайне субъективный характер [Левицкий, Стернин 1989: 156-157].

Научная постановка проблемы фонетического символизма стала возможной лишь с появлением объективных психолингвистических методов исследования семантических явлений. Среди первых экспериментальных

исследований звуко-символизма наиболее известна работа Э. Сепира. Он предъявлял информантам пары лишённых смысла звукосочетаний, различающихся лишь одним звуком (mil – mal и т.п.), и, сообщив, что этими словами называются большой и маленький предметы, предлагал «угадать», какое из слов какой предмет обозначает. Собрав большой материал, Э. Сепир обнаружил, что информанты совершенно чётко связывают звук [i] с представлением о чём-то маленьком, а [a] – с большим. В 30-х годах эксперименты подобного рода проводились С.С. Ньюманом, С. Цуру, Г. Альпортом, и существование феномена фонетического символизма неизменно подтверждалось [Журавлёв 1974: 19-20].

Проанализировав значительные фоносемантические исследования в языках мира, Тамбиева Ж.М. приводит целый ряд гипотез зарубежных и отечественных лингвистов. Так, например, в 1957 году Дж. Фёрс отмечает соответствие между положением определённых гласных и содержанием контекста их использования. Очевидно использование различных гласных для указания на ближний и дальний объекты, а также маленькие и большие вещи: в таких последовательностях слов, как stick, stuck, stock или flick, flake, fluke, несомненно, присутствует нечто большее, нежели лексическая дифференциация. Д. Фёрс находит термин для описываемой функции гласных – «фоноэстетическая».

В 1971 году к теме избирательности гласных обращается Р. Вескотт, утверждая наличие прямой связи между употреблением гласного [i] и незначительными размерами денотатов. В случаях вроде little и big, впрочем крайне редких, очевидно противопоставление начальных согласных, а не гласных.

В 1975 году голландский лингвист С. Гонда отмечает способность фреквентативов в английском и современном малайском языках указывать на повторяемость или многократность действия.

Д. Вестерман отмечает, что, несмотря на долгое сопротивление попыткам установить отношение между звуком и значением, «подобные отношения

действительно существуют»; и при определенных условиях это можно доказать.

В. Скаличка отмечает большое количество исконных звукоподражаний в словаре венгерского этимолога З. Гомбоца. Это такие созданные в процессе языкового развития на почве подражания действительности и известные во всех языках слова, «в которых звучание слова само по себе выражает понятие, заключенное в слове. Обнаруживается также «множество слов, которые выражают движение и передают это посредством своего фонетического состава» – то есть звуко-символизм слов. В работе также присутствует функциональная дифференциация особенностей гласных и согласных в венгерском языке [Тамбиева 2003: 20-24].

В настоящее время в западной психолингвистике и языкознании существуют четыре основных направления, занимающиеся проблемами фонетического значения.

Основатели немецкого направления (Г. Кронассер, А. Зиберер, Г. Хильмер и др.) считают содержательность звуковой формы семантическим явлением. Американское направление (А. Блек, К.Б. Литтл, А. Горовиц, Л. Блумфилд, Р. Браун) имеет бихевиористический уклон. Фоносемантика рассматривается в его рамках как психологическое направление и феномен восприятия.

Представители французской школы (Ш. Балли, М. Граммон, Д. Массон) считают фонетическое значение как психологическим, так и лингвистическим явлением. Первым, кто попытался научно обосновать существование экспрессивно-коннотативного значения у отдельно взятого звука и разработать объективные критерии его определения, стал М. Граммон. М. Граммон считает, что в психике человека существует связь между звучанием и смыслом, каждый звук что-то означает. На основании акустических характеристик звуков он составляет их классификацию и определяет экспрессивное значение. Показав значение каждого звука в парадигме, М. Граммон подчеркивает, что экспрессивно окрашенным он является в потенции и для его актуализации

нужна соотнесенность с определенным контекстом. Анализируя стихи, М. Граммон показывает, как происходит конкретизация коннотативного значения звука в зависимости от его синтагматики (сочетаемости с другими звуками) и смысла высказывания. Так, скопление прерывных согласных способно выражать такие различные чувства, как беспощадную иронию и сарказм, гнев или же колебание, внутреннее волнение. Группы непрерывных согласных создают эффект нежности, мягкости, истомы, а включение в стих светлых гласных производит впечатление легкого, хрупкого [Тимонина 1990: 150-152].

Английская фоносемантическая школа, представителями которой являются А. Фрелих, Х. Марчанд, Л.П. Смит, Д.Р. Фёрс, Ф. Хаусхолдер, в своих исследованиях уделяет большое внимание двум проблемам современной фоносемантики. Первым направлением, интересующим английских психолингвистов, является изучение звукоподражательных слов и их фоносемантического статуса. В качестве второго объекта изучения является анализ фонетического значения фонем – устойчивых звукосочетаний, находящихся внутри и на стыке различных морфем [Воронин 1982: 8-12].

В зарубежной психолингвистике было экспериментально доказано существование фонетического значения и фонетических ассоциаций. Отмечена значимость фонетического значения в развитии языков. Также было признано, что звуки обладают экспрессивным и символическим значением. Вводится термин «фонетическое значение», а также термин «цветовой аспект фонетического значения», описывается явление фоносемантического поля [Фадеева 2004: 28].

Не ослабевает интерес к звукоизобразительности языка и в XXI веке. Количество работ по фоносемантике только за последние годы превышает 30. Среди них: Anderson E. R. (2001), Beeman W. O. (2001), Bergin B. K. (2001), Emerson R. H. (2001), Goh, R. B. H. (2001), Henri A. C. (2001), Herlofsky, W. J. (2001), Loretta I. (2001), Lotfi A. R. (2001), Magnus M. (2001), Werner, W. G. (2001), Emerson R. H. (2002), Koike, S., Whissel C. (2002), Magnus M. (2003). Интерес к проблеме базируется на высокой продуктивности

звукоизобразительной парадигмы, открывающей широкие перспективы для этимологических, лексико-семантических и психолингвистических исследований языков [Тамбиева 2003: 5-6].

1.2.2. Фоносемантические исследования в отечественном языкознании.

Фоносемантика родилась на стыке лингвистики и психологии. Безусловно, говоря о подобном восприятии фоносемантики, нельзя не упомянуть имени крупнейшего русского лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ, который придавал особое значение психичности языка. В его понимании “психично не то, что является сознательным, а то, что может быть осознано как представление, понятие или группа представлений и понятий”. В связи с категорией психичности И.А. Бодуэн де Куртенэ, одним из первых в ряду фонетистов, заговорил о необходимости разделения фонетики и психофонетики. Выделяя три отдельные, самостоятельные стороны жизни языка: фонетическую, морфологическую и семасиологическую, И.А. Бодуэн де Куртенэ тем не менее настаивал на обязательном тесном их взаимодействии. Фонетические идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ всегда учитывали психофонетический аспект сущности звучания. [Б. де Куртенэ 1963].

В советском языкознании вопросы фонетического символизма долгое время вообще не рассматривались.

Результаты первых экспериментальных исследований были освещены в двух небольших работах Г.Н. Ивановой-Лукьяновой и Е.В. Орловой (в кн.: Развитие фонетики современного русского языка. – М., 1966), и хотя их эксперименты нельзя признать вполне удачными, сам факт постановки необычной для советского языкознания проблемы является несомненной заслугой этих исследователей.

Интересная экспериментальная работа по выявлению и измерению символики звуков была проведена А.С. Штерн, применившей для обработки результатов специальные статистические методы.

Экспериментальные, сравнительно-сопоставимые и статистические методы использует в изучении звуко-символизма Е.А. Гурджиева [Журавлёв 1974: 21].

В середине XX века появляется ряд работ, которые существенно повлияли на становление фоносемантики как отдельной отрасли языкознания. Огромная роль в разработке данного вопроса в нашей стране принадлежит таким русским лингвистам, как А.П. Журавлёв, С.В. Воронин, В.В. Левицкий и др.

Особенно основательными и по материалу, и по методам проведения разнообразных экспериментов, и по способам обработки экспериментальных данных представляются исследования В.В. Левицкого, вносящие серьезный вклад в развитие теории звуко-символизма.

Наибольшего успеха в изучении фоносемантики достиг А.П. Журавлёв. Его теоретическое обоснование фоно-символизма является одним из лучших описаний данного явления в отечественной и зарубежной лингвистике. В своих исследованиях он доказал сам факт существования фонетического значения, указал его специфику, дал ему чёткое определение, описал его структуру. В монографии А.П. Журавлева «Фонетическое значение» (1974г.) излагаются результаты изучения символического значения звуков речи экспериментальным психометрическим методом. Измерена символика всех звуков русского языка, построена модель фонетического значения, разработаны программы автоматического анализа функционирования этого аспекта значения в поэтических текстах и вычисления фонетического значения слова. Проведены сопоставления оценок символики русских звуков носителями разных языков.

Специфика фонетического значения заключается в следующем:

- Фонетическое значение нельзя охарактеризовать путём указания денотата, так как он в данном случае отсутствует. Единственный

возможный путь описания звуковой символики – перечисление оценочных признаков.

- Фонетическое значение имеет признаковый характер. Признаки в применении к звукам речи нельзя понимать буквально.
- Фонетическое значение не осознаётся носителем языка.
- Фонетическое значение не может быть истолковано отдельным носителем языка.

Позже теорию А.П. Журавлева развивает Л.Н. Санжаров: «Фонетическое значение, в отличие от лексического и грамматического, носит коннотативный характер, обозначая цвет, различные виды оценки, эмоции. В связи с этим существует строгая зависимость между фонетическим значением и той коннотацией, которую выражает звук. Поэтому, признавая звук знаком, считаем, что он не условлен и не произволен» [Санжаров 1996: 4].

Большое значение имеет работа С.В. Воронина «Основы фоносемантики». В его монографии кратко излагаются в свете современных системологических воззрений основы разработанной автором новой интегративной («стыковой») научной дисциплины языковедческого цикла – фоносемантики. Рассматриваются, в частности: принципы фоносемантики (в том числе важнейший для фоносемантики принцип произвольности, мотивированности языкового знака); психофизиологические основания звукоизобразительности; звуко-символизм в грамматике и в тексте; генезис языкового знака и языка в целом; категории фоносемантики; фоносемантические законы и закономерности (фоносемантические универсалии); элементы фоносемантической типологии; эвристические возможности фоносемантики.

С.В. Ворониным была основана фоносемантическая школа, в русле которой (совместно с профессорами Ю.А. Сорокиным (Москва) и А.В. Пузыревым (Пенза)) проводились конференции, публиковались сборники докладов и статей, коллективные монографии.

Таким образом, многовековая история развития этой проблемы увенчалась успехом: возникла вполне оформившаяся отрасль в языкознании – фоносемантика. В 1990 году термин «фоносемантика» впервые появляется в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», где указывается, что фоносемантика изучает «звукоизобразительную систему языка с пространственных и временных позиций» [Лингв. энцикл. сл. 1990: 166].

По мнению С.В. Воронина, общенаучными предпосылками возникновения фоносемантики служат два важнейших фактора, характеризующих науку новейшего времени в целом, – возникновение интегративных наук и распространение системного подхода. Логико-методологическими предпосылками возникновения фоносемантики служат такие факторы, как теоретическая допустимость предмета фоносемантики, его целесообразность и уникальность. Для утверждения фоносемантики как самостоятельной науки имелись и собственно лингвистические предпосылки – многочисленные исследования ономастопеи (звукоподражательных слов) и звуко-символизма; в ряде моментов фоносемантика объективно уже существовала и «строила себя», и её предмет уже представлял собою в определенной степени развитый научный предмет. Зарождающаяся фоносемантика утверждала себя на стыке фонетики, семантики и лексикологии [Воронин 1990: 7].

О.Д. Кулешова подразделяет фоносемантические исследования на два основных направления:

- 1) типологическое исследование звуко-символической лексики;
- 2) экспериментальное исследование фонетической содержательности речевой деятельности.

В рамках первого направления (Гурджиева, Воронин) была убедительно доказана универсальность феномена звуко-символизма и установлена различная степень его значимости и актуализированности в разных языках. Исследования в рамках этого направления выявили необходимость экспериментальной проверки реальности существования звуко-символизма и в процессе речевой

деятельности. Среди работ, посвященных типологическому исследованию звуко-символической лексики, следует отметить работы Т.Х. Койбаевой «Опыт фоносемантической типологии английского и осетинского языков» (1987), Л.Ф. Лихомановой «Звуко-символические обозначения колебательных движений в английском языке» (1985), Е.И. Кузнецовой, С.В. Воронина «Символизм английских обозначений понятия округлого» (1981).

В рамках второго направления предпринимались попытки «измерить» фонетическую содержательность звукобукв русского языка (Штерн, Журавлёв). Полученные интересные и убедительные данные «спровоцировали» появление и других работ, в которых исследовались звукобуквы других языков (немецкого – Петрухин 1978; польского – Журавлёв 1983), а также работ, ориентированных на изучение фонетической содержательности текстов [Кулешова 1990: 120-121].

Фоносемантика представляет собой учение, в котором звук интерпретируется в качестве мотивированного языкового знака. Одной из главных задач фоносемантиста является – интерпретировать семантику звука, учитывая способ и место его артикуляции. Место артикуляции имеет принципиальное значение для идеофонов, так как гипотетически именно оно служит источником символизации признаков в процессе номинации. То есть, в фоносемантике в качестве фонетической основы выступает способность звука быть произнесенным в определенной области и услышанным, а за фонологическую основу берется способность дифференцировать значение, не обладая им. Синтезируя в себе интерпретации явлений двух уровней – фонетического и фонологического – «звук» в фоносемантике представляет собой явление нового, более высокого уровня абстракции после фонемы [Тамбиева 2003: 33].

Согласно А.В. Пузырёву, стилистически и семантически значимой может стать фонетическая единица – звук, группа звуков, слогов, фонетическое слово и т.п. – сама по себе, безотносительно к окружению другими фонетическими единицами, и соотносимая с другими однопорядковыми единицами лишь в

парадигматическом, ассоциативном плане. Сказанное полностью применимо и к единицам более высокого, например, лексического яруса.

А.В. Пузырёв выделяет следующие фоносемантические средства: звуковой (фонетический) символизм, оноματοпья (звукоподражание), паронимическая аттракция, рифма.

Теория фонетического символизма, заключающаяся в определённом соответствии между звуковым составом и значением языковой единицы, получила убедительные доказательства со стороны экспериментальной психологии и типологического языковедения, а также в специальных исследованиях мотивированности языкового знака.

Ономаптопья (звукоподражание). Этот вид фоносемантических средств может рассматриваться как частное проявление – правда, наиболее яркое и очевидное – звукового символизма: звуковое оформление звукоподражательных слов имеет своей целью как раз выражение определенного смысла.

Паронимическая аттракция – явление прежде всего синтагматического порядка, поскольку суть этого приема заключается в совместном употреблении близкозвучных слов, в стилистически маркированном взаимодействии таких слов. В научной литературе отмечалось, что паронимическая аттракция – стилистический прием, выполняющий множество функций: 1) создания эффекта аллитерации; 2) точной рифмовки; 3) организации внутренней рифмы строки; 4) противопоставления; 5) уточнения; 6) создания комического эффекта; 7) средства создания художественного образа и т.д. [Пузырёв 1990: 52-55].

Таким образом, фоносемантика – новая наука языковедческого цикла, имеющая своим предметом звукоизобразительную (т.е. звукоподражательную, или оноματοпозитическую, и звукосимволическую) систему языка, изучаемую в пантопохронии (т.е. с позиций пространственных и временных) [Воронин 1990: 5].

1.2.3. Фоносемантические исследования в тюркологии.

В тюркологии вопросы символического значения звуков нашли отражение в исследованиях, посвященных изучению подражательных слов.

В казахском языке в синхронном плане фонетические и морфологические особенности подражательной лексики описаны А.И. Искаковым, Ш.Ш. Сарыбаевым, Б.Ш. Катембаевой. С.Р. Ибраев в своей диссертации при анализе звуковой структуры применил субъективный и экспериментально-фонетический методы. А.Т. Кайдаров проанализировал подражательные слова в их звукоподражательных и образоподражательных разновидностях с помощью метода поморфемного членения, основное внимание направив на раскрытие процесса морфологического развития звукоизобразительных форм от простого к сложному. К.Ш. Хусаинов на материале казахского и других тюркских языков рассматривает вопросы звукосимволизма, а также номинативный и этимологический аспекты звукоизбирательных слов [Хусаинов 1988].

Значительную склонность словообразования к оноματοпозэтическим воспроизведениям в алтайских языках (тюркском, казахском, киргизском, монгольском, калмыцком, манчжурском и др.) выявляет Г.И. Рамстедт [Рамстедт 1990]. Оноματοпозэтические слова чувашского языка получили наиболее полное освещение в работе Н.И. Ашмарина “О морфологических категориях подражаний в чувашском языке” (1928), где подробно даны все сведения как об основах звуко- и образоподражательных слов, так и о морфологических формантах, образующих различные словообразовательные формы этих слов.

Звукоизобразительные слова в тюркских языках имеют ряд специфических моментов. Поскольку данная категория слов является обозначением реально существующих в объективной действительности денотатов, т.е. конкретных звуков природы, производимых человеком и животными, то морфологический анализ помимо выделения корневых и аффиксальных морфем должен быть направлен на выявление той связи, которая существует между денотатом и его обозначением. По мнению К.Ш.

Хусаинова, средством обозначения такого своеобразного денотата, как и любого другого, в языке может служить фонема, материально реализованная в форме звуков, качественно и количественно ограниченная в каждом языке. Сам факт того, что материально выраженный звук речи может служить основой для обозначения такого денотата, каким является естественный звук, уже говорит о том, что между ними вполне возможна конкретная связь.

Вместе с тем при морфологическом анализе необходимо учитывать, что звуковой состав подражательных слов в целом подчиняется фонетическим закономерностям каждого отдельно взятого языка, а структура соответствует давно сформировавшимся моделям. К.Ш. Хусаинов утверждает, что, несмотря на это, в звукоизобразительных словах казахского языка, как и любого другого, проявляется определенная системность, обусловленная связью подражательной формы с природным, естественным звучанием [Хусаинов 1988: 28-29].

Такую системность обнаруживает также Г.И. Рамstedт. Например, возникновению тюркск. слова *ир-* ‘пить’, монг. *иw-* (то же) способствовал звук, различаемый при питье. Множество имен, в особенности – наименований зверей, птиц, насекомых и т.д. во всех языках обязано своим происхождением склонности человека к подражанию. Глаголы, которые своей звуковой структурой должны производить желаемое впечатление, по своему числу значительно превосходят эти имена. Некоторые древние глаголы, не имеющие ни ясных словообразующих суффиксов, ни других групповых примет, могут, однако же, быть по своему происхождению ономатопоэтическими, например: тюркск. *tik-*, монг. *ĉiki-*, тюркск. *ĉar-*, монг. *ĉarĉi-* ‘шлепать, хлопать’; тюркск. *ĉoq-*, *toq-*, *soq-*, монг. *ĉoki-* ‘толкать, бодать’ и т.д. Форманты, существующие для образования производных форм простейших звукоподражательных глаголов, в монгольском и тюркском языках в большинстве своем одни и те же, а потому могут считаться достоянием, унаследованным из древнего языка. Например, *-ra-* : тюркск. *ĉuŋra-* ‘блестеть’, *jalyra-* ‘блестеть’, *ĉiŋrā-k* ‘резкий’, *joltura-* ‘блестеть’, *külrā-* ‘бултыхаться’, *jiltire-* ‘мерцать’, *bükrā-* ‘кланяться’,

titire- ‘дрожать’, čičire- ‘дрожать’, möŋ-rä- (монг. mö-re) ‘роптать, ворчать’ [Рамстедт 1990: 107].

Факты единства и дифференцированности звукоизобразительной функции анлаута корневых морфем типа СГС приводит К.Ш. Хусаинов. Например, в случае с фрикативными *с, ш* и аффрикатой *ч*: каз. *шыр*; кирг. *чыр* подр. щебетанию птиц; каз. *сар, шар*; туркм. *жар, шар*; як. *сар, чар*; узб., тув., кирг. *шар* подр. журчанию, бурлению, шуму потока воды; каз. *сак, шак* подр. резкому, отрывистому, шелкающему или трескучему звуку; кирг. *шак* подр. резкому отрывистому звуку; узб. *чак*- ‘колотить, дробить; чиркать’, *шак* подр. треску, шелканью; тув. *шак*- ‘чиркать (спичкой), высекать кресалом огонь’ и т.д. Эти соответствия наблюдаются и в звукоизобразительно нейтральных словах не только современных языков, но и в древнетюркском.

С точки зрения фоносемантики, глухие фрикативные *с* и *ш* относятся к одному психоакустическому фонемотипу, вследствие чего выполняют одну и ту же звукоизобразительную функцию и взаимозаменяемы. Глухая аффриката *ч*, характерная для анлаута в киргизском, узбекском, туркменском и других тюркских языках, в казахском встречаются лишь диалектально и поэтому глухой фрикативный фонемотип, отражающий указанные звуки, включает два элемента. Типизация звукоизобразительной функции рассматриваемых элементов возможна как на общетюркском уровне, так и в отдельно взятом языке. При этом в каждом из тюркских языков сходные в акустико-артикулярном отношении согласные анлаута могут передавать те или иные семантические оттенки [Хусаинов 1988: 34-35].

Разные авторы выделяют разные объекты обозначения звукоименных слов. В качестве таких объектов чаще всего выступают: движение (с учетом его характера и скорости), форма предметов, свет, душевное состояние, размер, удаленность, звуковые явления речевого аппарата и т.д. Значит, при определении объектов звукоименной номинации наиболее последовательным является сенсорный принцип. Придерживаясь его, К.Ш. Хусаинов рассматривает звукоименные обозначения в казахском

языке, сопоставляя фоносемантические особенности и семантическое развитие со сходными формами в ряде генетически близких и отдаленных языков.

Например, **жал** – подр. блеску, сверканию. В казахском языке от данного корня образуются: *жалп ет-* ‘сверкнуть, блеснуть; распластаться, плюхнуться; выразить подобострашие, услужничать’; *жалтылда-* ‘сверкать, блестеть, пылать, гореть ярким пламенем; лебезить, заискивать’; *жалтылда-* ‘поблескивать, переливаться, сверкать’; *жалт қара-* ‘моментально взглянуть, резко оглянуться’ и т.д.

Со звуко-символическим корнем *жал-* /*йал-* фонетически и семантически очень близок *жыл-/йыл-*, встречающийся почти во всех тюркских языках. Ср.: каз. *жылт-жылт ет-*, *жылтылда-*, *жылтыра-* ‘блестеть, сверкать, сиять, мелькать, поблескивать’, *жылты-* ‘сверкать, мелькать, показаться’, *жылт* ‘мигание, блеск, мерцание’, *жылтыр* ‘сверкающий, блестящий, сияющий; скользкий, хитрый, продажный’, *жылтылда-* ‘скользить, выскальзывать; юлить, быть в постоянном движении; подхалимничать, угодничать’; кирг. *жылт* подр. слово, выражающее мгновенное и неожиданное действие, *жылтак* ‘поблескивающий’; туркм. *йылп-йылп* подр. мигающим огонькам, *йылтылда-* ‘сиять от радости, сверкать, блестеть (о глазах), озираться по сторонам’, *йылдыз* ‘звезда’, *йылдыра-* ‘мерцать’; узб. *йилтилла-*, *йилтира-* ‘блестеть, поблескивать, сверкать, мерцать’, *йилт-йилт* подр. сверканию, блеску, мерцанию и т.д.

К.Ш. Хусаинов приходит к выводу, что в семантическом плане различие звуко-символических корней *жал* и *жыл* заключается в том, что первый обозначает более яркое, а второй – менее яркое сверкание. Вертикальная вариативность здесь, как и в случае со звукоподражательными словами, выступает в качестве семантически дифференцирующего признака [Хусаинов 1988: 142, 149-150].

В современном казахском языке встречается ряд корней и основ с одной, двумя и более лабиальными фонемами (лабиальные в широком смысле, т.е. включающие как собственно лабиальные, так и лабиализованные [p], [b], [w], [m], [u], [ü], [o], [ö] и т.д. Например: *борби-* ‘набухать, разбухать’, *бунақ*

‘сплетение, кольцеобразное утолщение’, *домалақ* ‘круглый, шарообразный’, *дон* ‘мяч’, *дудар* ‘кудрявый’, *кубі* ‘кадушка, бочонок’ и т.д. Таких слов, обозначающих названия округлых, шарообразных, выпуклых, выпяченных предметов и связанных с ними движений и действий, более ста. Причину фонетического и семантического сходства наименований округлых, шарообразных, выпуклых и т.п. предметов, а также наличие одного или нескольких лабиальных в их корневой морфеме исследователи видят в звуковом жесте органов рта, по возможности изображающем округлую форму предмета.

Таким образом, на основании анализа результатов исследований ряда ученых и сопоставления материалов по лексике казахского и других родственных и неродственных языков К.Ш. Хусаинов заключает, что применяемые исследователями разнообразные (в основном экспериментальные) методы помогают выявить феномен звукосимволизма, имеющий универсальный характер. В определенной части слов казахского языка довольно четко обнаруживается звукосимволическое обозначение понятий «большой», «маленький», «блестящий», «яркий», «выпуклый», «округлый» и др. В основе такого обозначения лежат ощущения разных модальностей, реализованные артикуляторными особенностями звукосимволических элементов [Хусаинов 1988: 153-155, 160].

1.2.4. Исследования по фоносемантике в татарском языкознании.

Экспериментальное изучение фонетики тюркских языков начинается трудами профессора В.А. Богородицкого и Г.Шарафа по татарскому языку. В.А. Богородицким с помощью экспериментально-графических приборов получены сведения, какие недоступны невооруженному наблюдению, как например, о длительности элементов слова в сотых долях секунды; о движении тона и амплитуды по отдельным звонким элементам и т.п. [Богородицкий 1896].

Г.Шараф, говоря о длительности гласных татарского языка, исходит от продолжительности вибрационных движений голосовых связок, обуславливающих звонкий (голосовой характер этих звуков). Более полный анализ длительности гласного в различных положениях дан на примере гласного *a*. Экспериментальные данные показали, что, например, в односложных словах гласный *a* в абсолютном начале дает или одинаковую длительность, или несколько большую длительность, чем в словах, начинающихся с взрывного согласного [Шараф 1928: 10].

Изучению звукового строя татарского языка посвящены также работы У.Ш. Байчуры. В его трудах гласные татарского языка изучались методами рентгенографии, палатографии, кимографии и спектрографии [Байчура 1953].

По мнению У.Ш. Байчуры, психологическая ассоциация также играет известную роль в выделении фонем данного языка. «Звук, выделенный как фонема в одной части лексического или грамматического материала языка, осознается носителями и, будучи физически определенным звуком, своей обособленности, своей потенциальной возможности быть связанным со смыслом не теряет ни в каком положении, в том числе и в аффиксах тюркских языков» [Байчура 1953: 16].

Ещё в 1925 году известным татарским лингвистом Г. Алпаровым была высказана мысль о том, что между звучанием слова и фонетической структурой этого слова есть некоторая связь, например, большие, крупные вещи обычно произносятся твёрдыми звуками, а слова, обозначающие маленькие и мелкие вещи – мягкими звуками.

В 90-е годы доктор филологических наук, профессор Х.Х. Салимов, приняв за основу методику А.П. Журавлёва и других отечественных лингвистов, провёл эксперименты на материале татарского языка. Эксперимент состоял из двух этапов:

1 этап – оценка звуков. Аудиторы оценивали звуки татарского языка по пятибальной системе по пятнадцати признакам, типа “хороший – плохой”, “большой – маленький”, грубый – нежный” и т.п. Например, “очень хороший –

1”, “хороший – 2”, “средний – 3”, “плохой – 4”, “очень плохой – 5”. В эксперименте участвовало около ста аудиторов. Экспериментатор давал аудиторам одну из шкал и поочередно предъявлял звуки. Аудиторы записывали звук и ставили ему оценку по шкале. Звуки предъявлялись довольно быстро, чтобы информанты не успевали раздумывать логические обоснования и ставили первые пришедшие в голову оценки. Получено примерно 60000 ответов. По этим ответам была вычислена средняя оценка каждого звука, составлена таблица фонетической значимости татарских звуков.

Результаты эксперимента показали, что многие татарские звуки имеют определённые семантические оттенки, точнее, фонетические значения. Например, [а] – “хороший”, “большой”, “красивый”, “светлый”, “сильный”, “храбрый”, “гладкий”, “длинный”; [ж] и [к] – “грубый”, “грустный”, “отталкивающий”, “тёмный”, “шероховатый”, “сложный”, “тяжёлый”, “медлительный”. Некоторые признаки характерны целому ряду звуков. Например, признак “гладкий” характерен всем гласным, для заднерядных гласных характерным является ещё и признак “большой”. Или, например, “красивые” звуки – [а], [и], [з], [м], [р], [с], [е], [л], [н]; а “отталкивающие” – [к], [ш], [ц], [х], [’]. Была вычислена также частотность употребления звуков. Например, самый частотный звук – [а], коэффициент употребления которого равен 11,2; а менее употребляемые звуки – [’], [ж], [щ], [ы], коэффициенты которых равны 0,01.

2 этап – определение соотношений фонетической значимости со значением слова, т.е. выяснение того, есть ли какая-нибудь связь между звучанием и значением слова.

Результаты вычислений фонетической значимости слов позволили сделать следующие выводы:

- В татарском языке довольно много слов, фонетическое значение которых очень близко или даже совпадает с лексическим значением. Например, фонетическое значение слова *нәфис* ‘изящный’: что-то «хорошее», «нежное»,

«красивое», «светлое», «гладкое», «лёгкое»; слово *агач* ‘дерево’ – что-то «тяжёлое», «грубое», «тёмное», «шероховатое», «злое» и т.п.

- В историческом плане слова, фонетическое значение которых совершенно не подходит к лексическому, или выпадают из лексики, или приобретают другое значение, больше подходящее к фонетическому. Например, слово *чырай* ‘лицо (с оттенком неприязни)’ когда-то имело нейтральное значение ‘лицо’ или даже с некоторым положительным оттенком, но поскольку это слово имеет фонетическое значение «грубое», «тяжёлое», «некрасивое», «злое», в настоящее время употребляется в значении ‘неприятное человеческое лицо’, а для выражения значения ‘человеческое лицо’ с нейтральным и с некоторым положительным оттенком заменено словом *йөз*, фонетические значения которого: «лёгкое», «нежное», «гладкое», «мягкое».

По мнению Х.Х. Салимова, основой фонетической значимости звуков служат также просодические характеристики звуков, такие, как длительность, интенсивность и особенно просодический тембр, т.е. спектральные характеристики звуков [Салимов 1999: 46-50].

Исследованиям возникновения смысла слов, попыткам постижения тайн звуков речи, слов и мышления посвящены работы Г.Ф. Шайхиева. Он рассматривает проблемы взаимосвязи звукового состава слов и смыслового содержания информации. “Всем же ясно, что мы в процессе эволюции (или по воле Бога!), – пишет Г. Шайхиев, – как-то, каким-то чутьем, интуицией выбрали эти звуки из бесчисленного количества в природе и притом так, что результат выбора оказался почти одинаковым как по количеству, так и по содержанию для разных народов. Такая дружная общность в речи наводит на мысль о существовании какой-то разумной причины, влияющей на выбор народов. Без сомнения, в смыслах этих звуков речи есть какая-то природная особенность” [Шайхиев 1997: 13].

В работе Г.Ф. Шайхиева “Физическая лингвистика или происхождение языка” представлены смыслы звуков речи, природа слога, слова, предложения, вопросы смыслообразования.

По мнению автора, любой язык – живое, развивающееся образование. А любое живое имеет свою “молекулу ДНК”, хранящая всю генетическую информацию развития. Исключив звуки речи из живого содержания языков, тем самым лишили их генетической базы, и их развитие было передано воле случайностей.

Г.Ф. Шайхиев в своей работе приводит положение В. Хлебникова: “Вся полнота языка должна быть разложена на основные единицы “азбучных истин”, и тогда для звуко-веществ может быть построено что-то вроде закона Менделеева...”. Такой закон найден Шайхиевым, и он действительно созвучен с работой Д. Менделеева, и спущен на просторы мышления под названием “Периодическая система звуков речи”. Как считает автор, такое совпадение не дань великому закону, а реально обнаруженное свойство в смыслах азбуки [Шайхиев 2002: 19].

По нашему мнению, данная работа может быть подвергнута резкой критике, так как здесь нет разграничения между понятиями *звук* и *буква*. Обнаруживая сходные свойства «в смыслах азбуки», или буквах, он подверг систематизации сходные по смыслу звуки речи. Тогда как между звуком и буквой в большинстве случаев нет закрепленного соответствия: один и тот же звук может обозначаться разными буквами, одна и та же буква может обозначать разные звуки.

Скорее всего, автор имел в виду «звукобуквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы» [Журавлев 1974: 36].

В данном случае, подвергая систематизации сходные по смыслу звуки речи, необходимо добавить, какими буквами они представлены. Например, звуки речи, выражающие объемность, просторность, представлены буквами *о*,

ф; звуки речи, выражающие внутреннее состояние, представлены буквами **а, я, ь** и т.д.

Г.Ф. Шайхиев, группируя звуки речи по смысловому сходству, приходит к выводу, что они выражают вполне конкретные образы из окружающей среды [Шайхиев 1997: 30].

Таким образом, краткий обзор научных работ, рассмотренных в данном параграфе, убеждает в том, что ученых ещё с античных времен интересовал вопрос о взаимосвязи звука и значения. Исследования по этой проблеме наибольший размах приобрели в современном языкознании. Хотя вопрос не исчерпан до конца, все же мы можем утверждать, что окончательный ответ дан: звуки речи обладают значением, только у каждого ученого своя трактовка проблемы. Продолжающиеся исследования в этой области способствует дальнейшему развитию фоносемантики как науки.

1.3. Аспекты фонетического значения.

1.3.1. Цветовой аспект.

Своеобразный аспект символики звуков речи представляют собой звуко-цветовые соответствия.

По мнению Р.О. Якобсона, чем свободнее, легче артикулируется звук, тем ярче он окрашен. Так, самый широкий гласный звук [а] является вершиной вокализма, самым ярким по цвету звуком. Большинство испытуемых Р.О. Якобсона определило этот звук как красный. И, наоборот, задненебные согласные, требующие максимального напряжения голосовых связок, являющиеся вершиной консонантизма, определяются как самые нейтральные в цветовом отношении звуки. Позже Р.О. Якобсон повторяет этот же вывод, давая характеристику компактным (задненебным) и диффузным фонемам (губным и зубным). Компактные же фонемы в большинстве случаев связываются с цветами, максимально удаленными от оси «белый – черный».

Контраст между высокими и низкими фонемами, по его мнению, связывается с различием «белый – черный», «желтый – синий», «зеленый – красный» [Иванова-Лукьянова 1966: 142].

А.П. Журавлёв попытался установить характер звуко-цветовых соответствий для русских гласных. Информантам поочередно предъявлялись гласные ряда: *э, о, ы, у, и, а*. Предлагалось указать цвет очередного звука. Чаще всего для *а* называли красный цвет и его оттенки, для *и* – синий или голубой, для *ы* – тёмные цвета (коричневый, тёмно-синий, тёмно-зелёный), для *о* – светлые (светло-жёлтый, розовый, голубой) [Журавлёв 1974: 51].

Гласные и согласные ведут себя по-разному в отношении звукоцвета. Л.Н. Санжаров, классифицируя согласные звуки, придерживается мнения, что они создают чёрно-белый фон: зубные – светлый, губные и заднеязычные – тёмный. Соотношение числа этих звуков рождает светло-серый, серый и темно-серый фон.

Гласные – цветные звуки. Л.Н. Санжаров высказывает также мысль о национальном характере звукоцвета. Им был проведен эксперимент на основе гласных звуков украинского и русского языков. Результаты показали, что, например, [а] носителями украинского языка оценивается как светло-красный, носителями русского языка – густо-красный; на украинском языке [о] – желто-белый, на русском – светло-желтый, белый; [и] на украинском – желто-белоголубой, на русском – синий.

Таким образом, Л.Н. Санжаров подтверждает общее утверждение, что звуки речи имеют цветовую окраску, что цвет звука специфичен в разных языках: «Даже такие близкородственные языки, как русский и украинский, имеют свои особенности в звукоцвете. Это связано с тем, что каждый язык имеет свою форму национально-языкового мышления, имеет свои особенности в характере отражения окружающего мира» [Санжаров 1996: 25].

1.3.2. Признаковый аспект.

Велимир Хлебников в статье «Художники мира» одним из первых четко выделяет признаковый аспект фонетического значения и дает собственные определения 19-ти согласным звукам русского языка. «По своей сути, это была одна из первых попыток классифицировать согласные, на основании имеющегося у них признакового аспекта фонетического значения» [Фадеева 2003: 25-26].

В традиционной фонетике звуковая система языка изучается с точки зрения четырех аспектов: физиолого-артикуляционного, акустического, функционального и социального. В фоносемантике физиолого-артикуляционная классификация рассматривается как методическая (она особо значима при усвоении говорящим артикуляционной базы языка), внешняя по отношению к существу языка, так как она не дает представления о качестве производимого звука, и поэтому нефонетическая. Подлинно фонетической может быть только акустическая классификация, потому что только она раскрывает физическую природу каждого звука (высоту, силу, долготу и тембр), что позволяет понять, как эта природа отражается в звучании стиха.

В отечественном языкознании акустическая классификация подробно впервые была описана лингвистом М.В. Пановым. В ней представлены девять групп звуков: вокальные / невокальные; консонантные / неконсонантные; высокие / низкие; компактные / диффузные; дизные / недизные; бемольные / небемольные; прерванные / непрерывные; резкие / нерезкие; звонкие / глухие [Панов 1967].

Акустический аспект изучения звуков тесно связан с социальным аспектом. Каждый звук представляет собой единицу какого-то смысла. Он обладает особым значением – фонетическим. Звук способен воздействовать на психику человека, вызывать в его душе эмоциональный отклик.

С точки зрения акустической классификации звуки представляют собой дихотомическую систему. В этой системе отражены и смысловые возможности звуков.

Особенность акустической классификации заключается в том, что в ней каждый из представленных признаков охватывает все звуки речи, то есть звуки представляют собой оппозицию по какому-либо признаку [Фадеева 2004: 38].

Наиболее четко прослеживается связь акустики звука и содержания в теории А.П. Журавлева.

А.П. Журавлёв приводит 25 оценочных признаков, имеющих антонимичные пары:

1. Хороший – плохой	21. Длинный – короткий
2. Большой – маленький	22. Храбрый – трусливый
3. Нежный – грубый	23. Добрый – злой
4. Женственный – мужественный	24. Могучий – хилый
5. Светлый – темный	25. Подвижный – медлительный
6. Активный – пассивный	
7. Простой – сложный	
8. Сильный – слабый	
9. Горячий – холодный	
10. Быстрый – медленный	
11. Красивый – отталкивающий	
12. Гладкий – шероховатый	
13. Лёгкий – тяжелый	
14. Весёлый – грустный	
15. Надежный – опасный	
16. Величественный – низменный	
17. Яркий – тусклый	
18. Округлый – угловатый	
19. Радостный – печальный	
20. Громкий – тихий	

Эти признаки задают шкалу. Каждый звук оценивался информантами по этим 25 признакам. Информантам задавалась шкала и поочередно предъявлялись звуки. Предлагалось приписать каждому звуку одну из оценок шкалы. Например, для шкалы «светлый – темный» информанты определяют, какой кажется данный звук. Если звук «очень светлый», приписывают оценку 1; если «очень темный», приписывают оценку 5; если кажется ни «светлым», ни «темным», ставят оценку 3. Было собрано более 100 тыс. ответов информантов. С помощью статистической обработки данных удалось вычислить символическое значение русских звуков по 25 признаковым шкалам. Например, звук *a* характеризуется как «хороший» (1,5), «большой» (1,8), «мужественный» (3,7), «светлый» (2,2), «величественный» (2,0), «яркий» (2,0); звук *p* – «большой» (2,1), «грубый» (4,6), «мужественный» (4,7), «активный» (2,0), «сильный» (1,3), «угловатый» (4,0); звук *и* – «хороший» (1,7), «нежный» (1,8), «женственный» (1,9), «светлый» (2,0), «красивый» (2,0) и т.д.

Число, полученное при помощи специальных вычислений, указывает место на пятиранговой шкале и может быть интерпретировано в признаках, задающих шкалу. Зоны шкалы изображены условно на рис. 1.

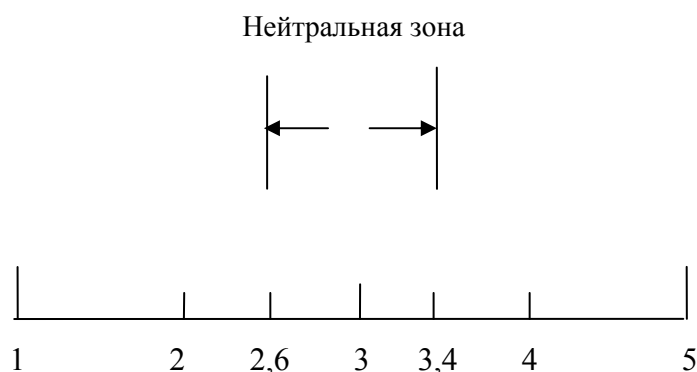

Рис. 1

Нейтральная зона каждой шкалы расположена в пределах от 2,65 до 3,35. Если оценка больше 2,65 и меньше 3,35, то по данной шкале фонетическое значение не проявляется (получает характеристику «никакой»). При оценке 2,6

и меньше для характеристики фонетического значения выбирается признак, задающий шкалу; при оценке 3,4 и больше выбирается антонимичный признак. Чем резче отклонение от нейтральной зоны, тем ярче фонетическое значение звука [Журавлев 1974: 38-50].

Л. Н. Санжаров в книге «Современная фонетика» определяет у звуков семантико-коннотативные признаки, которые делит на положительные, отрицательные и переходные.

Положительные признаки: красивый, светлый, нежный, радостный, возвышенный, бодрый, яркий и др.

Отрицательные признаки: суровый, темный, тяжелый, тоскливый, угрюмый, устрашающий, зловещий.

Переходные признаки: стремительный, медлительный, тихий, внезапный.

Каждый звук речи обладает какими-то из этих признаков. Например, *у* – печальный, темный, тоскливый, угрюмый; *ы* – сильный, медлительный, суровый, темный, тяжелый, угрюмый, устрашающий, зловещий; *з'* – светлый, радостный, бодрый, яркий, стремительный [Санжаров 2000].

В книге В.П. Морозова «Тайны вокальной речи» отмечается, что есть сильные и слабые гласные. Например, наиболее сильными оказались гласные [а, э, о], в то время как [и, у] были значительно слабее [Морозов 1967: 34].

Таким образом, исследования по фоносемантике доказывают, что звук – это значимая единица и его значение носит коннотативный характер.

Имея данные о символическом значении отдельных звуков и частотность их употребления, можно вычислить фонетическое значение слова.

Для вычисления фонетической значимости слов в нашей работе была использована компьютерная программа NameSense, разработанная на основе теории А.П. Журавлева [Журавлев 1974] и данных по фонетической значимости татарских звуков [Салимов 1999].

Для вычислений фонетической значимости нами были взяты 16 признаков.

Разработчик программы (рис.2) – инженер Якупов Р.И.

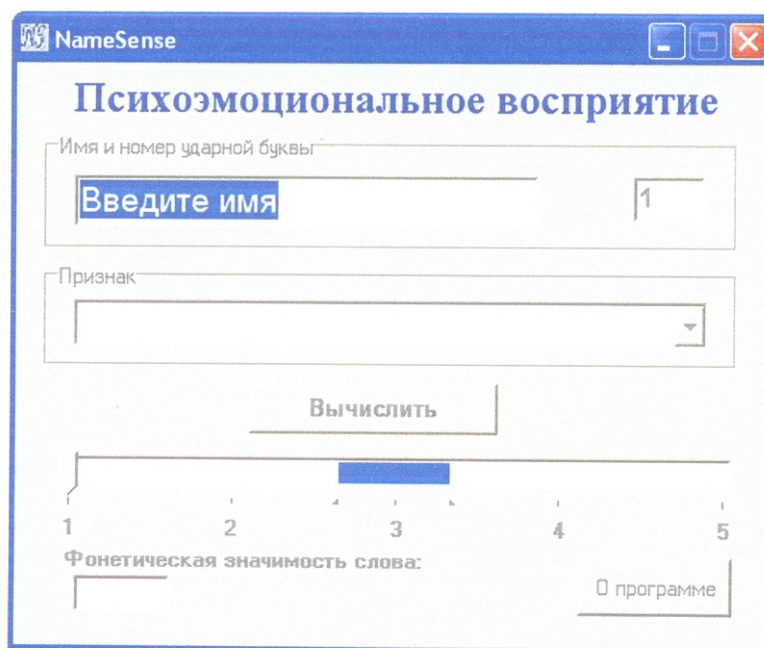

Рис. 2

Вычисления проводятся по следующим формулам.

Если частотность любого (*i-того*) звука обозначить как P_i , а максимальную частотность звука в данном слове как P_{max} , то коэффициент, учитывающий разницу частотностей звуков слова (k_i), можно вычислить как отношение:

$$k_i = \frac{P_{max}}{P_i} .$$

Учитывая место каждого звука в слове, определим коэффициент: для первого звука k_i увеличим в 4 раза:

$$k_i = 4 \cdot \frac{P_{max}}{P_i} ,$$

а для ударного $k_{уд}$ – в 2 раза:

$$k_{уд} = 2 \cdot \frac{P_{max}}{P_{уд}} .$$

Окончательная формула расчета фонетической значимости слова:

$$F = \frac{\sum f_i \cdot k_i}{\sum k_i} ,$$

где F – фонетическая значимость слова; f_i – фонетическая значимость очередного (*i-того*) звука слова; k_i – коэффициент для очередного (*i-того*) звука; \sum – знак суммы [Журавлев 1981: 40–41]

Частотность звуков берется из таблицы №1, фонетическая значимость звуков (f_i) – из таблицы №3.

1 нче таблица

Татар авазларының кулланылыш активлыгы

[a]	11,2	[б]	3,4	[Ғ]	1,7	[ē]	0,3
[ә]	7,1	[к]	2,8	[п]	1,5	[ф]	0,3
[н]	6,8	[д]	2,7	[ң]	1,5	[h]	0,3
[р]	6,4	[у]	2,7	[о]	1,4	[ō]	0,2
[л]	6,1	[қ]	2,5	[ч]	1,4	[ц]	0,05
[ы]	6	[м]	2,5	[г]	1,3	[в]	0,04
[e]	5,9	[с]	2,4	[ө]	1	[ʻ]	0,01
[т]	5	[ү]	2,2	[w]	0,8	[ж]	0,01
[и]	4	[ш]	1,9	[x]	0,6	[щ]	0,01
[й]	3,8	[з]	1,8	[ж]	0,5	[̄ы]	0,01

Таблица №3

	Яхшы начар	Зур кечкенө	Нефис тупас	Кайнар салкын	Күңелле кайгылы	Магур Ямьсез	Якты карангы	Көчле зөгыйфь	Тиз акрын	Багыр куркак
[а]	1,5	1,0	3,0	2,7	2,6	1,9	1,6	1,5	3,1	3,3
[ә]	1,8	2,6	1,6	2,3	2,2	1,7	1,4	2,7	3,2	2,6
[е]	2,4	3,2	2,2	3,0	3,4	3,0	2,3	3,3	2,6	3,0
[ё]	2,6	2,6	2,6	3,0	2,3	2,6	1,9	3,3	3,3	2,8
[и]	1,4	2,5	1,7	2,5	2,1	1,4	1,4	2,9	2,8	2,6
[о]	2,2	1,6	3,2	3,1	3,0	2,6	2,8	2,0	3,5	2,9
[ö]	2,2	2,3	3,1	3,2	2,9	2,7	2,7	2,4	3,7	2,7
[ы]	2,9	2,4	3,0	3,3	3,4	2,9	2,9	2,9	2,8	3,0
[Ы]	2,4	2,3	3,1	3,7	3,2	3,3	3,1	2,2	3,0	3,1
[ө]	2,3	2,7	2,2	2,6	2,7	2,4	1,7	3,1	2,6	3,1
[у]	2,0	1,5	2,9	2,8	3,3	3,1	3,0	1,7	3,6	3,2
[ү]	2,3	2,5	2,2	2,8	2,6	2,6	1,7	2,7	3,3	2,4
я	2,0	2,0	2,4	2,3	2,1	1,7	1,8	2,2	4,0	2,7
ю	2,0	1,8	2,0	2,3	2,5	1,9	2,7	2,6	3,6	2,4
[б]	2,6	2,8	3,1	2,8	3,0	2,8	3,1	2,6	2,6	3,2
[в]	2,7	3,0	3,0	3,0	2,7	2,4	2,8	2,6	2,5	2,8
[г]	2,3	3,3	3,1	2,8	3,0	2,6	3,2	2,6	2,5	2,9
[w]	3,4	3,1	2,9	2,9	3,3	3,2	3,3	3,0	3,0	2,9
[f]	3,5	3,2	4,2	3,4	3,6	4,0	4,2	2,2	3,4	3,8
[ж]	3,0	2,9	3,9	3,2	3,7	3,8	3,9	1,8	3,2	3,9
[к]	2,4	3,0	2,5	3,0	2,7	2,5	3,0	3,0	2,3	2,7
[қ]	3,4	2,9	4,1	3,7	3,4	3,8	3,9	2,1	3,1	3,4
[з]	2,2	3,2	2,7	2,9	2,5	2,3	2,4	2,5	2,2	2,9
[ч]	2,6	3,3	3,1	2,4	2,6	2,8	2,8	2,7	2,2	2,8
[м]	2,0	2,8	2,9	3,1	2,9	2,3	3,0	3,0	2,4	2,8
[п]	2,9	3,6	3,2	3,3	3,0	3,1	3,7	3,1	1,9	3,2
[р]	2,0	2,6	3,4	3,8	3,0	2,2	3,4	1,7	2,5	2,7
[с]	2,2	3,3	2,6	3,0	2,9	2,4	2,5	3,0	2,5	2,8
[т]	2,5	3,2	3,3	3,2	3,2	3,0	3,4	2,8	1,9	2,7
[ф]	2,3	2,9	2,7	2,8	2,7	3,1	3,1	3,3	2,4	2,6
[х]	2,6	3,2	4,0	3,3	3,2	3,2	3,8	2,8	2,6	3,2
[ц]	3,2	3,8	3,9	3,4	3,1	3,6	3,8	3,0	2,0	2,8
[ж]	2,7	3,6	2,8	2,2	2,9	2,6	2,6	3,0	2,8	2,5
[ш]	2,2	2,5	3,4	3,0	3,1	3,8	3,7	2,6	3,5	3,7
[н]	3,3	3,7	3,2	3,0	4,0	3,0	3,3	3,3	3,0	3,9
[h]	3,2	3,7	2,7	3,2	2,4	2,8	2,7	3,2	2,8	2,0
[']	3,6	3,8	3,3	3,5	3,6	3,8	3,2	3,2	2,3	3,6
[й]	3,0	3,3	2,8	3,0	2,3	3,1	2,6	3,3	2,5	2,7
[ш]	2,8	3,1	3,0	3,5	3,0	3,3	3,5	2,6	3,1	3,1
[л]	1,6	2,8	2,5	3,2	2,7	2,0	2,8	2,9	2,6	2,7
[д]	2,7	3,2	3,0	3,0	2,6	2,7	3,4	2,8	2,7	2,9
[н]	2,0	3,2	2,5	3,0	2,7	2,1	3,1	3,0	2,6	2,9

Рассмотрим пример.

Вычисление фонетической значимости имени Лэйлэ [лэйлэ] по шкале
“красивый – отталкивающий”

Звуки	Исходные данные		Промежуточные результаты вычислений		
	f_i	P_i	$\frac{P_{max}}{P_i}$	k_i	$f_i k_i$
л	1,9	6,1	1,16	4,64	8,82
э	1,7	7,1	1	1	1,7
й	3,1	3,8	1,87	1,87	5,80
л	1,9	6,1	1,16	1,16	2,2
э	1,7	7,1	1	2	3,4
Σ				10,67	21,92

$$F = \frac{21,92}{10,67} = 2,1$$

Значит, фонетическая значимость слова [лэйлэ] оценивается признаком “красивый” (рис. 3).

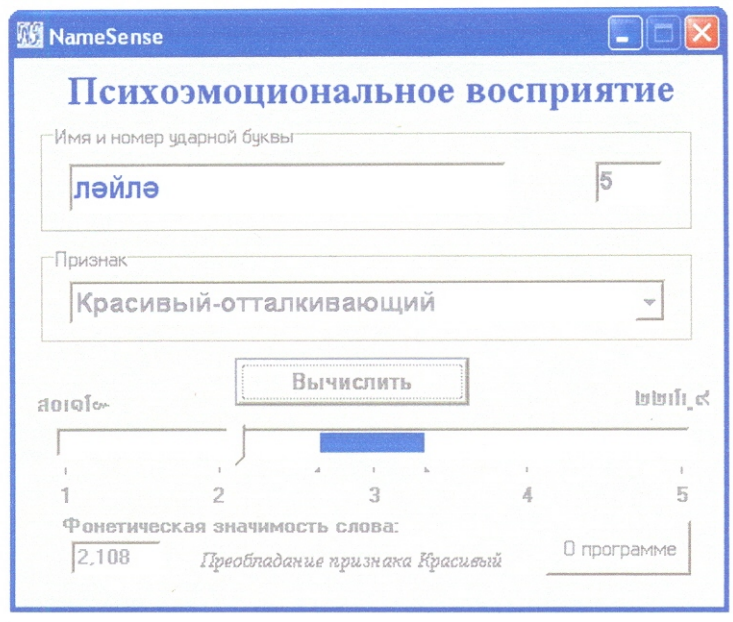

Рис. 3

Таким образом, программа NameSense позволяет выстроить рисунок психозонального восприятия имени по различным шкалам.

Выводы по I главе.

Одним из важнейших проблем лингвистики является отношение между знаком и значением. Вопросы соотношения уровня выражения и содержания рассматривались ещё с античных времен. Одни мыслители считали, что имена даются полностью произвольно. Другие полагали, что имя каким-то образом выражает сущность предмета. Языковеды второй половины XIX в. встали на ту точку зрения, что звуки в языке существуют и развиваются сами по себе, а значения – сами по себе. Интерес к проблематике возрождается с новой силой в XX веке.

Исследуя взаимосвязь звуков и значений, ученые пришли к выводу, что звуки речи обладают некоторой содержательностью. Каждое слово представляет собой единство содержания и формы. Звуковое оформление слова, будучи внешней формой, способно отразить само содержание. Значит, слово имеет не только лексическое значение, но и фонетическое, которое интерпретируется характерными признаками.

Появление в середине XX века ряда работ, посвященных изучению символического значения звуков речи экспериментальным психометрическим методом, существенно повлияло на становление фоносемантики как отдельной отрасли языкознания.

Фоносемантика представляет собой учение, в котором звук интерпретируется в качестве мотивированного языкового знака.

Под фонетическим значением принято считать символику звуков речи. Зная фоносимволическое значение отдельных звуков, можно вычислить фонетическое значение всего слова. Фонетическое значение имеет признаковый характер. Признаки характеризуют содержательность звуковой формы слова.

Глава 2. Актуальные проблемы современной татарской антропонимики в аспекте фоносемантики.

2. 1. Антропонимическая система языка.

Система личных имён представляет собой результат длительного, многовекового развития. Имена людей – часть истории народа. Учёные установили, что в именах отражаются быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты. «При этом имена у каждого народа связаны и с развитием производительных сил, – считает М.В. Горбаневский. – Чтобы у данного народа, например у русских, татар или, скажем, аварцев, какое-либо имя появилось и начало употребляться, нужны определённые культурно-исторические условия. Поэтому-то оказывается, что почти все имена людей несут на себе яркий отпечаток соответствующей эпохи. Общим законом для всех языков, несмотря на чрезвычайную пестроту личных имён и несхожесть принципов именования, является то, что личные имена имели все люди во все времена и во всех цивилизациях» [Горбаневский 1987: 112].

Наука, изучающая личные имена, фамилии и прозвища людей, называется антропонимикой (от греч. *anthropos* – «человек» и *онума* – «имя»).

“Имя человеку необходимо только в обществе и для общества. Обществу не безразлично имя каждого. Поэтому понятен интерес к личным именам”, – отмечает один из родоначальников антропонимики В.А. Никонов [Никонов 1970: 33].

Потребность в создании имени для членов своего сообщества, в номинации окружающих географических объектов, предметов и явлений является изначально присущей человеку, рождается вместе с языком, сознанием и их социальной реализацией [Супрун 2006: 92].

Факторы, которые оказывают постоянное влияние на создание антропонимических единиц, с течением времени и в результате смены общественно-исторических формаций изменяются, оказывая большое влияние

на мотивы имянаречения, в результате которого традиционные мотивы дополняются новыми [Хазиева 2006: 102].

По поводу перспектив развития современной системы антропонимов И.В. Бестужев-Лада говорит о существовании двух противоположных точек зрения. Согласно одной из них, в многомиллиардном обществе далёкого будущего фамильное имя вообще не в состоянии будет выполнять различительную функцию и отомрёт. Останется только личное имя, рассчитанное на узкий круг знакомых, а фамилию заменит номер.

Другая, более распространённая точка зрения сводится к тому, что современная система сохранится навсегда в силу традиций [Бестужев-Лада 1970: 31].

Имятворчество сопровождает человека всю его жизнь, позволяя ему ориентироваться в реальном и виртуальном хронотопе. Человечество обладает ономастическим континуумом, храня в общественном сознании накопленный тысячелетиями набор имён и постоянно пополняя его новыми единицами [Супрун 2006: 92].

Современной наукой установлено, что уже начиная с каменного века люди имели имена. По крайней мере у коренных австралийцев на мезолитической стадии развития личное имя уже являлось центром сложной системы образов и табу [Ивашко 1988: 21].

В книге “Как выбирают имена” (1988г) В.А. Ивашко останавливается на функциях имён. Одна из функций – выделительная, которая возникла из потребности выделять отдельного человека из группы ему подобных. Вера в реальную возможность передать через слово те качества, свойства, которые выражены в его значении, постепенно породила пожелательную функцию имени.

В качестве примеров В.А. Ивашко приводит следующие имена: *Ила* (*топор*) назвали мальчика-папуаса, чтобы он был таким же крепким, острым, воинственным, как топор; *Булат* (*сорт стали*) – это имя-пожелание известно у многих народов Азии. Булатная сталь ценилась в древности очень высоко,

клинки из неё были прочными, гибкими, острыми. Эти качества и хотели передать родители, нарекая своего сына Булатом.

Таковы и древнерусские имена: *Добрыня, Владислав, Ярослав, Всеволод, Владимир и т.д.*

Киргизы дают такие имена-пожелания, как *Бай-болсун (пусть будет богатым)*, маришцы – *Пай барды (да будет богат)*, *Ураз-бахты (счастье пришло)* и др. [Ивашко 1988: 29].

В.А. Никонов по этому поводу пишет: “Назвать имя – значит тотчас вызвать в сознании мысль о том, кто назван. Для употребляющих имя оно настолько сливается с самим называемым человеком, что на ранних ступенях развития даже отождествляли имя и человека. У некоторых народностей Северной Сибири сохранилась вера в то, что имя и душа едины, поэтому родившимся дают имена только умерших родственников. У одного из племён Новой Гвинеи обычна “охота за именами”: нападают на соседнее племя и перед тем, как убить человека, требуют: “Имя! Скажи своё имя!” Объяснение – “имён не хватает!”. По их представлениям, сколько имён, столько душ. Люди видели необходимость имени, но не понимали, что его власть создана ими самими, поэтому и приписывали имени сверхъестественную силу. Отсюда и табу (запрет произносить имя могущественного существа), отсюда и суеверные замены своего имени, чтобы враги, зная настоящее имя, не повредили ему” [Никонов 1970: 33].

Позже сформировалось мнение о том, что через имя человека можно передать новорождённому качества этого человека, его характер, его судьбу. Как отмечали этнографы прошлого века, белорусы были убеждены, что если дать новорождённому имя известных в данной местности плохих людей (пьяниц, воров и т.п.), то и ребёнок будет таким же плохим. Значит, нужно давать имена только хороших людей. Так постепенно возникла и окрепла традиция наречения “в честь кого-либо”. Эта традиция жива и популярна даже в наши дни. Конкретно она выражается в наречении именами популярных

литературных и киногероев, артистов кино, эстрады, спортсменов и др. [Ивашко 1988: 31].

А.Н. Антышев, А.Ф. Азнабаева указывают на то, что в настоящее время сохраняется интерес к именам-оберегам, которые, по древним народным представлениям, обладают магической силой, влияющей на судьбу человека.

Обычаи наречения ребенка защитным именем сходны у разных народов. Например, у якутов и у башкир с целью предохранить новорожденного от болезни и смерти, обмануть «злых духов» вместо полученного при рождении имени (оно становилось запретным) давали прозвище, которое употреблялось как имя (чаще всего это были «некрасивые» слова).

В башкирских семьях в 20-е гг. XX в., когда свирепствовал голод, чтобы ребенок рос здоровым, совершался обряд мнимой покупки: матери «продают» её ребенка с улицы через окно. В таком случае ребенка нарекали именем (структурно представляющим собой повелительное наклонение глагола в единственном числе) *Гатыбал* (*Сатвал*) < букв. «выкупи». Ныне данный мужской оним представлен в антропонимическом корпусе Башкортостана, но он весьма редкостен. Такой же обычай был и у русских, о чем свидетельствуют имена *Найден*, *Продан*, *Куплен* [Антышев, Азнабаева 2006: 18-19].

В тюркских языках существует группа «каменных» имен и имен от названий металлов: *Алтын* (и как мужское, и как женское), *Бриллиант* (женское), *Рубин* (мужское), *Ташибика*, *Динара* (перс. «золотая или серебряная монета»), имена с компонентом «тимер» (железо): *Тимербек*, *Тимергали*, *Тимерхан*. Они являются символом богатства, могущества и силы.

В современном башкирском антропонимиконе продуктивен компонент «иш» (напарник, друг, товарищ), который традиционно истолковывается как оберег; если предыдущие дети не выживали, последующего ребенка старались назвать мужскими именами: *Ишбулат*, *Ишдаulet*, *Ишмухамет*, *Ишхан* или женским *Ишибика* [Антышев, Азнабаева 2006: 21].

В языках различных народов имеются ономастические варианты-эвфемизмы. Например, в бурятской антропонимии один из типов

ономастических вариантов-эвфемизмов основан на фонологическом отталкивании: *Жаб-Яб, Сэрэн-Нэрэн, Тагар-Ташар*. Такое явление следует, видимо, отнести к особому рода фонологическому варьированию имён. Наиболее частым субститутом в бурятских ономастических вариантах-эвфемизмах является среднеязычный согласный *й*. В абсолютном начале он заменяет почти все согласные бурятского языка: *Банзарагша – Янзарагша, Вампил-Ямпил, Гоншоог-Ёншоог и др.*

Частота употребления *й* в абсолютном начале слов в качестве субститута согласных или протезы, видимо, обусловлена прежде всего тем, что фонема *й* в начале слова и в абсолютном начале слова в монгольских языках встречается редко. Это создает меньше возможностей для образования имён, омонимичных апеллятивам.

Способ фонетического отталкивания используется главным образом при замене иноязычных имён, утративших этимологические связи с апеллятивной лексикой. Примеры типа *Ёмбо* от *Гомбо* (ср. апеллятив *ембоггор* «выпуклый») или *Паршан – Яр (шан)* (ср. *яра* «язва, болячка») можно толковать как прозвищные эвфемизмы, в которых отражены физические характеристики человека [Динганорбоева, Митрошкина 1982: 128-129].

Многие в наше время склонны верить в зависимость характера и судьбы человека от его имени. Проблемам взаимосвязи имени с характером, судьбой человека посвящены работы П. Флоренского, А. Лосева, Б. Хигира. По их мнению, имя несет в себе информацию о характере и даже судьбе человека. Например, Б. Хигир отмечает, что мужчины с именем Владислав трудолюбивы, у них сильно развито чувство ответственности и порядочности. А везение сопутствует спокойному и усидчивому Денису. Знающий себе цену Никита не терпит ничьего превосходства. Татьяны представляются натурами властными и чрезмерно самоуверенными [Хигир 2003: 5].

Т.Н. Долотова в статье «Имя собственное в интерпретации носителей языка» приводит следующие суждения респондентов: «Несмотря на то, что в современном обществе «упразднена» смысловая нагрузка имени, но мы всё

равно стремимся к истолкованию собственных имён и ищем соответствия его характеристических черт и присущих человеку (его обладателю) качеств»; «Мне хотелось, чтобы имя моего ребёнка было не набором абстрактных звуков либо данью моде. Мне хотелось, чтобы его имя отождествлялось с человеком, чтобы через него он осознал себя и чтобы звучание его имени способно было вызвать доброе отношение к нему» [Долотова 2006: 45].

В статье “Факторы, определяющие выбор личных имён” Л.И. Баранникова, З.А. Данилова, Н.П. Чернова утверждают, что проблема выявления факторов, определяющих выбор личных имён, может решаться лишь в социально-лингвистическом плане с учётом исторического развития языка и исторических изменений в жизни его носителей. В результате своих исследований они пришли к выводу, что, например, в 15-17 вв. решающая роль принадлежала социальному фактору, действие которого проявилось в ряде особенностей. У представителей господствующих классов отсутствовали старорусские имена, тогда как в крестьянской среде они составляли 14%. Для представителей разных социальных прослоек был характерен различный круг наиболее употребительных имён.

В современных условиях социальный фактор сохраняется, но значение его становится меньшим и в его проявлении происходят существенные изменения. Влияние социального фактора сказывается прежде всего в различиях между именованием города и деревни. По данным исследователей, в 30-е годы XX в. эти отличия проступали отчётливо, а к середине века эта разница явно стирается.

Вторым проявлением действия социального фактора оказывается зависимость выбора имён от образовательного уровня родителей. Хотя к 50-м годам эти различия также сглаживаются. По словам исследователей, удивительная однородность современного именника подтверждает, что современная мода на имена – общественная мода, в которой проявляется общественный, а не индивидуальный вкус [Баранникова 1970: 177-180].

2.2. Антропонимия татарского языка.

В каждом национальном языке большое место занимают имена и фамилии, исторически связанные с этим языковым коллективом.

“Изучение антропонимии невозможно вне истории народа, поэтому закономерно сопоставление имён и фамилий определённых исторических периодов, выделяемых в жизни общества. Только переломные моменты в жизни общества, – заключает В.Д. Бондалетов, – позволяют нам наблюдать фундаментальную перестройку именика” [Бондалетов 1983: 148].

А.Г. Шайхулов, рассматривая башкирские и татарские антропонимы, образованные в доисламский период, выделяет следующие лексико-тематические группы:

- имена-посвящения, в которую входят антропонимы, связанные с культом неба и явлениями природы (*Айсылу, Кояш*); имена, в основе которых – вера в магическую силу слова (*Начар, Хөрт*); антропонимы, в основе которых лежат названия различных животных, птиц, а также названия растительного мира (*Бәбкә, Көнбагыш*);
- имена-описательные, в основе которых идея прошения, ожидания ребенка, физические данные ребенка, порядок рождения в семье, социальное положение, род деятельности (*Ишкилде, Каракуз, Алтыбай, Тимерче*);
- имена-пожелания, в основу которых заложены различные пожелания, например, пожелание долгих лет жизни, здоровья ребенку, пожелание власти, богатства и т.д. (*Айтимер, Баесын, Байбулды*) [Шайхулов 1983].

В статье В. Хангильдина “Татар халкының исем-фамилияләре” (“Имена и фамилии татарского народа”) отражён процесс пополнения татарского именика в результате влияния других народов в разные исторические периоды.

В. Хангильдин отмечает, что из-за различных изменений имена и фамилии нашего народа потеряли связь с древними источниками. Занимавшие когда-то огромное место имена *Тимеркәй, Айбулат, Бикбулат, Идегәй, Байгилде, Абыз, Акчура, Байчура, Таибулат, Иибулат, Бикташ, Миңлекәй, Бикә, Миңсылу,*

можно сказать, исчезли. Некоторые из таких сохранились только в фамилиях (Булатов, Бикбулатов, Хангильдин, Акчурин, Ишбулатов, Байчурин и др.).

На различных исторических этапах народ входит в экономические, политические и культурные отношения с другими государствами и народами. В этом процессе большие изменения происходят также с нашими именами и фамилиями. Язык начинает пестреть именами и фамилиями, свойственными другим народам.

В IX веке наши предки – болгары – принимают ислам. Это событие, по истечению времени, оказывает влияние не только на идеологию, традиции и обычаи, но и на имена. Религиозные деятели начинают заменять бывшие в обиходе исконно татарские имена на арабские. В итоге появляются сотни таких имён, как *Гали, Госман, Эбубәкер, Зөләйха, Шәриф, Шәрифә, Кәрим, Кәримә, Габдулла, Хәйрулла, Вәлиулла, Гайнетдин, Шәмсетдин, Хәсетдин, Габдрахман, Габдрәхим, Габделхак, Шәмсенур, Хәмзә, Закир, Зәкәрия, Мәхмүт* и др. В период Казанского ханства этот процесс усиливается. В этот период укрепляются связи с Ираном и к нам проникают персидские имена (*Сәхибгәрәй, Шаһгали, Абруй, Диләрә, Дилбәр* и др.).

В период укрепления связей с среднеазиатскими странами татарские купцы, побывавшие там, и татарские шакирды, обучавшиеся в этих странах, привозят имена, в составе которых имеется слово “жан” (душа). В татарский язык добавляются такие имена, как *Рәхимжан, Сабиржан, Габдуллажан, Әхмәтжан, Рушан, Бәһрам, Рөстәм* и др.

В конце XIX нач. XX вв. с усилением культурной взаимосвязи татарского народа с Турцией к нам проникают турецкие варианты арабских имён: *Рифкат, Талгать, Рәмзия, Шамил, Наил, Фоат, Әнвәр, Фәрида, Хәлида, Хәמידә* и др.

До советского периода в связи с сильной пропагандой религии и национальной обособленностью татары не перенимали имён, свойственных русским и западноевропейским народам. В советское время такое ограничение исчезло. Вследствие этого количество татарских имён увеличилось за счёт имён,

свойственных и русским, и народам Западной Европы. В настоящее время можно встретить имена, восходящие к различным национальным источникам: *Альфред, Эдуард, Луиза, Римма, Венера, Рафаэль, Роза* и др. [Хангильдин 1971: 175-176].

Такую закономерность мы видим и в других языках. “...если мы проанализируем весь русский именник, все личные имена, которые распространены сейчас у русских, то установим парадоксальный (на первый взгляд!) факт: большинство русских личных имён по своему происхождению не исконно русские. Все эти Елены и Ирины, Марины и Татьяны, Галины и Натальи, Михаилы и Александры, Сергейи и Леониды, Василии и Андреи, десятки других имён с точки зрения своей истории, своего происхождения к русскому языку никакого отношения не имеют” [Горбаневский 1987: 113].

В именнике немецкого языка, например, исконно немецкие имена преобладали приблизительно до XII века. Затем их стали вытеснять заимствованные антропонимы [Назаров 2005: 21].

Наличие разных источников служит причиной безграничного разнообразия фонетического и грамматического строения имён и фамилий. Это обстоятельство затрудняет работу по нормированию литературного языка при создании единых правил строения, произношения и написания. Поэтому наш литературный язык на сегодняшний день страдает от излишней пестроты в практическом применении имён и фамилий, от различия в произношении и написании. Например, *Габдулла – Абдулла – Антулла – Гантулла*. Как видно, здесь много фонетических расхождений [Хангильдин 1971: 176].

Такое же явление мы наблюдаем и в русском языке. Фонетические варианты антропонимов возникли по причине того, что имя, кроме канонической (календарной) формы, имело и разговорную, возникшую в процессе усвоения народом слова, в котором звуки сочетались по законам, не свойственным русскому языку. Так В.А. Чернов, проанализировав имена собственные с точки зрения семантики, структуры, функционирования, а также отражения грамматических и фонетических законов русского языка XVII века в

«Житии протопопа Аввакума», обнаружил, что наряду с канонической формой *Агриппина* существовала разговорная форма *Аграфена/Огрофена*. «Ввиду значительного расхождения в звучании их трудно идентифицировать, – пишет В.А. Чернов. – Однако в сознании людей XVII века они отождествлялись» [Чернов 1975: 129].

Но среди татарских имён и фамилий есть такие, которые не поддаются фонетическим изменениям. Это такие имена, как *Дамир – Дамира, Айсылу, Азат, Марат, Нур, Нурия* и др. [Хангильдин 1971: 176].

У крещеных татар после принятия христианства получили распространение русские собственные имена. При освоении русских имён произошло приспособление их к татарскому произношению, т.е. они претерпели значительные фонетические изменения как в области гласных, так и согласных звуков. Например, мужские имена: *Геруш – Григорий, Никуш – Никита, Бэчкэ - Василий*; женские имена: *Кәтүш – Екатерина, Санук – Александра, Палукай – Пелагея* и др. Такие особенности личных имён наблюдаются и в других диалектах и говорах татарского языка, например, в говорах пермских татар, в говорах мишарского диалекта, в диалектах сибирских татар. Исследователи отмечают большую типологическую общность имён крещеных татар с древними болгаро-татарскими именами.

В настоящее время в обиходе крещеных татар появляются легкие, красиво звучащие русские или интернациональные имена, которые произносятся правильно. Например: *Клара, Рита, Роза, Аня, Зоя, Таня, Маша, Артур, Эдуард, Алик, Лена, Альберт, Ильмира, Ирина, Славик, Тамара, Венера* и другие [Баязитова 1989: 66-71].

Начиная с 80-х годов XX века, у татар начинают активно употребляться среди женских имён такие, как *Айсылу, Айгөл, Айназ, Алия, Гөлназ, Гөлишат, Лилия, Миләүшә, Чултан* и др., среди мужских: *Айнур, Айдар, Айрат, Булат, Ирек, Илшат, Илнур, Илдар, Рөстәм, Фәрит* и другие. Большинство из них простые по звучанию, красивые по значению, современные национальные имена [Саттаров 1998: 29].

2.3. Мотивы имянаречения в татарской антропонимике.

Родился ребёнок. На свет пришёл новый человек. В семье прибавились новая отрада, радость и счастье. Вместе с этим только родившийся ребёнок доставляет родителям новые хлопоты: какое дать ребёнку имя. Этот вопрос мучает каждого родителя, его бабушек – дедушек, родных, так как имя даётся человеку один раз, и оно становится жизненным спутником. Каждый человек так привыкает к своему имени, что оно становится самым близким и дорогим словом родного языка [Саттаров 1989: 3].

Дейл Карнеги писал: «Помните, что имя человека – это самый сладостный и самый важный для него звук на любом языке» [Карнеги 1995: 85].

Ф. Фасиев в статье «Исемнәр дәнъясына сәяхәт» («Путешествие в мир имён») пишет, что родители, как известно, не бывают безразличны к выбору имени. Они исходят из своего вкуса, мыслей и соображений. Если не устраивают уже имеющиеся имена, придумывают новые, используя существующие слова. *Гөлгенә*, *Илнур* («вечный цветок», «луч страны») – сколько любви к ребёнку в этих именах! Значит, кроме объективных сторон родители учитывают и свои субъективные взгляды, чувства. Родители хотят видеть в детях, естественно, только хорошие качества: красоту, смелость, патриотизм – и дают имена с такими значениями: *Илсәяр* («любящая Родину»), *Илбатыр* («герой Родины») и др. (но самое главное – воспитать детей такими).

Из чего же следует исходить при выборе имени?

Ф.Фасиев называет два принципа: 1) избегать случайных имён, не следовать слепо моде; 2) имя должно быть простым, скромным и красивым по звучанию [Фасиев 1966: 144].

В прошлом у татар имена новорожденным давались только мутлами, которые усиленно пропагандировали ислам и мусульманские имена. В результате распространилось много сложных по строению и произношению имён.

В. Хангильдин приводит следующие примеры таких имён: *Габделэтыйф, Зэйрелбэнат, Сэйфелмөлек, Хисаметдин, Гайнелбэян, Хөпбетдин, Мөхәммәтрәхим, Габделгалләм, Фәтхелислам* и др. Но несмотря на это, сторонники ислама и знающие арабский язык продолжали пропагандировать такие имена среди народа [Хангильдин 1971: 177].

Первым забил тревогу Г.Тукай, который выступил против использования арабских имён, имеющих чисто религиозное значение. Нарекая детей такими именами, как *Гыйбадулла, Әхмәдулла, Рәхмәтулла* и т.п., уже этим лишаем их самостоятельности, превращая в рабов божьих. В татарском языке много арабских имен, не имеющих религиозного значения: *Тәлгать, Фатих, Рифкать* [Тукай 1985: 195-196].

Изменение быта, культурного и общеобразовательного уровня населения оказывает заметное влияние на мотивы выбора и способы наречения имени ребёнку, способствует выработке новых критериев оценки имён [Ураксин 1970: 183].

В XX веке под влиянием первой русской революции в татарской антропонимии возникла и стала развиваться демократическая, прогрессивная тенденция, проявлявшаяся в возобновлении обычая давать новорождённым традиционные татарские личные имена, а также арабские и персидские имена нерелигиозного содержания [Саттаров 1986: 302].

Новая жизнь вносит и имена с новым смыслом: *Азат, Ирек, Алмаз, Алсу, Аяз, Гөлишат, Илгизәр, Илишат, Фанил, Фания* и др. Из арабских и персидских имён активно используются только простые, красивые по звучанию и открытые по смыслу: *Булат, Вәкил, Галим, Газиз, Гөлчирә, Искәндәр, Камил, Кадрия, Наиля, Нурия, Раушан, Самат, Шамил, Фәрид* и др. [Фәсиев 1966: 140].

А.В. Сулова, А.В. Суперанская, говоря о русских именах, отмечают: «В настоящее время состав нашего будущего именика вырисовывается довольно чётко. Наряду с известными и широко распространёнными именами, отдельные молодые семьи начинают обращаться к богатству старых, а также

некоторых новых и иноязычных имён. Эти имена, отобранные молодыми людьми нашего времени, с полным основанием можно считать красивыми, так как они свободно и сознательно выбраны грамотными людьми со вкусом, присущим молодым людям нашего времени» [Сулова, Суперанская 1978: 180].

Г.С. Хазиева в статье «Современные мотивы имянаречения в татарской антропонимике» говорит об именах, семантика которых связана с физической, психологической, нравственной и т.д. характеристикой человека, различными пожеланиями, посвящениями. Они обусловлены требованиями жизни общества, его традициями, устоями, национальной самобытностью и самосознанием. Но при выборе ребёнку имени родители руководствуются семантикой имени в последнюю очередь, а на первый план выдвигаются другие мотивы называния. По словам Г.С. Хазиевой, факты эвфонии на современном этапе развития татарской антропонимии являются одним из существенных мотивов выбора имени, где на первый план выходит звуковой облик имени собственного [Хазиева 2006: 103].

2.4. Теория фоносемантики относительно личных имён.

«Распространено убеждение, что одни имена благозвучны, другие неблагозвучны» [Никонов 1970: 37].

В книге «Ищем имя» В.А. Никонов задаётся вопросом: «Какие же имена нужны? Конечно, красивые! Легко сказать. Те, кто выбирал имена Баядера или Гений, были уверены, что нашли очень красивые. Да и само понятие красоты ещё не бесспорно. Скажем скромней: хотим имена хорошие. Но как отличить хорошее от плохого? Это совсем не так просто» [Никонов 1988: 128].

Л.В. Успенский в своей книге «Ты и твоё имя» говорит о том, что же требуется от имени: «От него требуется немало. Прежде всего оно должно быть

не слишком длинным и трудным. Вам не удастся сделать именами такие слова, как «электрификация» или «тригонометрия», даже если они благозвучны и преисполнены высокого значения. Во-вторых, имя обязано звучать красиво, быть изящным по своей форме [Успенский 1972: 93-94].

Звуковой облик имени был предметом многих исследований по антропонимике. Согласно этим работам, фонетическое звучание имён включает такие понятия, как звучность, музыкальность, которые достигаются преобладанием высоких звуков над низкими, наличием определённых гласных, большим числом сонорных согласных. Существует предположение, что фонетическая оболочка имени обладает фонемами дистрибутирующими с различной частотностью, теоретико-практической базой которой является теория фоносимволизма. Под фоносимволизмом (звукосимволизмом, символикой звука) понимается «непроизвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемыми в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата (мотивом)» [Языкознание 1998: 166].

По результатам исследований В.А. Никонова, у татар Казани (без национально-смешанных семей) среди рождённых в 1967 году заняли места в десятке самых частых имён: у мальчиков Альберт (4-е место), Эдуард (10-е место), у девочек – Эльмира (5-е место), Эльвира (7-е).

Почему же столь привлекательными оказались эти имена? Никонов считает, что здесь огромную роль сыграл звуковой облик имён: инициальные э, свехобилие сонорных, особенно *p* и *л*, удвоение согласных, позиция *p* и *л* перед согласными [Никонов 1970: 38]

Такого же мнения придерживаются Л.И. Баранникова, З.А. Данилова, Н.П. Чернева: «С фонетической стороны имеют значение прежде всего особенности возникающих звуковых сочетаний, что может проявляться как в негативном (стремление избежать трудных, неблагозвучных сочетаний: Амвросий, Вероциан, Евфросиния), так и в позитивном (тяга к звучным именам с большим количеством сонорных звуков: Елена, Ирина, Вера, Валентина,

Галина, Людмила, Лариса, Марина, Светлана)» [Баранникова, Данилова, Чернева 1970: 181].

Г.С. Хазиева, исследуя современные мотивы имянаречения в татарской антропонимике, провела анализ 40 наиболее употребительных татарских мужских личных имён, в результате которого были выявлены частотные сонорные <м>, <н>, <р>, <л> и шумные <с>, <т>. «Наиболее частотные фонемы в татарских мужских личных именах составляют звуковую оболочку имени и не являются случайным набором, а показывают связь с психологическим воздействием некоторых звуков на участников процесса имянаречения [Хазиева 2006: 103].

Б. Хигир утверждает, что под воздействием звуков, из которых состоит наше имя, формируется характер каждого из нас. Если имя звучит мягко, певуче, то и характер обычно складывается мягкий, покладистый. В случаях, когда ребенка называют твердым именем, то и вырастает он, как правило, с твердым характером, сильной волей [Хигир 2003: 9].

В.А. Ивашко по фоносимволической характеристике каждого звука вычислил фонетическое значение имени в целом. В его книге «Как выбирают имена?» содержится небольшой словарь фоносимволического и этимологического значения некоторых личных имён: популярных и редких. Но автор подчёркивает: «Следует помнить и о том, что в конкретных ситуациях выбора личного имени новорождённому фоносимволические характеристики редко играют решающую роль. Поэтому ориентироваться только на них при выборе имён вряд ли стоит. Необходимо учитывать и все остальные факторы» [Ивашко 1988: 191].

В.А. Анисимова в канд. диссертации на тему: «Развитие русской антропонимки в современном русском языке (на примере личных имён)» применяет фоносемантическую теорию А.П. Журавлёва относительно антропонимики. Зная фоносимволические значения звуков, можно определить и значение всего имени. Для работы с данной теорией ею были отобраны десять самых распространенных мужских и женских имён и десять редко

употребляемых, для них рассмотрены значения звуков и установлены общие значения имён в свете данной теории [Анисимова 2004: 36-48].

В татарской лингвистике фонетические значения слов нашли отражение в докторской диссертации профессора Х.Х. Салимова: «Просодическая система татарского языка». По данным исследования, самый активный согласный, встречающийся в инициале и мужских, и женских личных имён, это – [l], причина, видимо, во множестве положительных фонетических значений этого звука. Мужские имена, начинающиеся на [r] или включающие в себя звук [r], среди современных популярных мужских антропонимов составляют около 80%; а среди женских имён таким активным звуком является [l]: эти антропонимы (начинающиеся на этот звук) составляют около 70% всех популярных женских имён. Одна из причин активности этих звуков, наверное, и в фонетических значениях [r] («храброе», «сильное», «быстрое», «хорошее», «весёлое») и [l] («красивое», «хорошее», «изящное», «простое», «храброе») [Салимов 1999: 49].

Для выявления соответствия фонетического значения имени внешним характеристикам человека профессором Х.Х. Салимовым был проведён эксперимент по угадыванию имени неизвестного человека по его портрету. На вопрос «Кто из этих девушек *Лэйлә*, кто – *Нурания*?» «Кто из этих парней *Илгиз*, а кто – *Хэйдар*?» 78-90% аудиторов более красивую, стройную девушку называли *Лэйлә*, парня с мягкими чертами лица назвали *Илгиз*, а второго, усатого парня с грубоватым лицом – *Хэйдар*. Эксперимент показал, что аудиторы называют их именами, у которых фонетическое значение соответствующих звуков больше подходит к внешним данным или к названным чертам характера неизвестного [Салимов 1999: 50].

В данной главе мы предприняли попытку

- вычислить фонетические значения имён и сопоставить их с лексическими значениями;
- выявить особенности фонетического значения имён конца 19 начала 20 веков и современных имён.

Вычисления проводились с помощью специальной компьютерной программы NameSense, указанной в первой главе нашей работы.

2.4.1. Соотношение лексического и фонетического значения имён.

С давних пор наш народ относился с большой ответственностью к подбору имени. Старались давать имена, форма которых соответствовала бы содержанию, с определённым смыслом, благозвучное, с лёгким и ясным произношением.

Такие красивые и мелодичные женские имена, как *Зифа*, *Зөлфия*, *Айсылу*, *Миңсылу*, *Галиябану*, *Гөлниса*, *Алсу*, *Әлфия* вошли в произведения литературы и искусства. Красивое звучание этих имён соответствует внутреннему содержанию, т.е. тому, что они обозначают. В «Словаре татарских имён» Г.Ф. Саттарова читаем, что имя *Зифа* значит красивая, стройная; *Зөлфия* – кудрявая, симпатичная, красивая; *Айсылу* – красивая, как луна и т.п. [Сатаров 1981]. А каковы же фонетические значения этих имён? Есть ли соответствие между лексическим и фонетическим значением?

Для эксперимента возьмём 10 мужских и 10 женских имён. Мужские имена: *Арслан*, *Батырша*, *Хантимер*, *Илгиз*, *Мансур*, *Рәхим*, *Аяз*, *Илназ*, *Илнур*, *Айнур*. Женские имена: *Зифа*, *Айсылу*, *Миңсылу*, *Галиябану*, *Зөлфия*, *Зөһрә*, *Лилия*, *Миләүшә*, *Чәчкә*, *Сафназ*.

С помощью компьютерной программы NameSense вычислим фонетическую значимость данных имен. Результаты вычислений приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Признаки	Мужские имена									
	[арслан]	[багырша]	[хантимэр]	[илгиз]	[мансур]	[рэхим]	[айаз]	[илназ]	[илнур]	[айнур]
Хороший – плохой	1,8	2,4	2,5	1,8	2,0	2,2	2,1	1,7	1,7	2,1
Большой – маленький	2,3	2,5	3,1	2,9	2,5	2,9	2,4	2,6	2,2	1,9
Нежный – грубый	2,8	3,2	3,7	2,3	2,9	3,3	2,8	2,2	2,3	2,9
Горячий – холодный	3,0	3,0	3,3	2,7	3,0	3,2	2,8	2,7	2,8	2,9
Весёлый – грустный	2,8	3,0	3,1	2,4	3,0	2,9	2,5	2,3	2,6	2,9
Красивый – отталкивающий	2,1	2,9	3,0	1,9	2,5	2,6	2,3	1,8	2,1	2,7
Светлый – тёмный	2,4	3,1	3,6	2,1	2,9	3,2	2,1	1,9	2,3	2,7
Сильный – слабый	2,3	2,5	2,8	2,8	2,6	2,6	2,3	2,7	2,4	2,0
Быстрый – медленный	2,8	2,8	2,6	2,6	2,7	2,6	2,6	2,6	3,0	3,1
Храбрый – трусливый	2,1	2,2	2,8	2,9	2,5	2,6	2,3	2,8	2,6	2,1
Гладкий – шероховатый	2,3	3,0	3,5	2,4	2,6	3,3	2,2	2,0	1,9	2,0
Простой – сложный	2,2	2,5	3,6	2,2	2,5	3,2	2,6	2,1	2,4	2,8
Длинный – короткий	2,6	2,5	3,3	2,7	2,9	3,1	2,6	2,5	2,4	2,3
Лёгкий – тяжёлый	3,1	3,3	2,8	2,4	2,8	2,7	3,3	2,7	2,7	3,2
Добрый – злой	3,6	3,7	2,9	2,8	3,1	3,0	3,5	3,0	3,1	3,6
Подвижный – вялый	3,0	3,2	3,1	2,7	2,9	2,9	3,0	2,8	2,8	3,1

В таблице красным цветом обозначено значение, соответствующее признаку, задающему шкалу; синий цвет соответствует антонимичному признаку.

Признаки	Женские имена									
	[зифа]	[айсылу]	[минсылу]	[галийэбану]	[зөлфийэ]	[зөһрә]	[лилийэ]	[миләүшә]	[чәчкә]	[сафназ]
Хороший – плохой	2,2	2,1	2,2	2,8	2,2	2,7	1,8	2,4	2,5	2,2
Большой – маленький	2,9	2,2	2,7	2,7	3,0	3,3	2,8	2,8	3,2	3,0
Нежный – грубый	2,7	2,8	2,8	3,5	2,6	2,6	2,2	2,7	2,9	2,7
Горячий – холодный	2,8	2,9	3,0	3,1	2,8	3,0	2,9	2,9	2,4	2,9
Весёлый – грустный	2,6	2,9	3,1	3,2	2,6	2,5	2,4	2,9	2,6	2,7
Красивый – отталкивающий	2,7	2,7	2,5	3,3	2,6	2,5	2,0	2,6	2,7	2,8
Светлый – тёмный	2,7	2,6	2,9	3,4	2,6	2,4	2,2	2,9	2,7	2,8
Сильный – слабый	2,9	2,3	2,8	2,3	3,0	2,9	2,9	2,9	2,7	3,1
Быстрый – медленный	2,4	3,0	2,8	3,2	2,4	2,6	2,7	2,8	2,3	2,5
Храбрый – трусливый	3,0	2,5	2,9	2,3	3,2	3,5	3,1	2,9	3,1	3,1
Гладкий – шероховатый	2,9	1,9	2,7	3,3	2,7	2,8	1,9	2,7	3,0	2,9
Простой – сложный	2,8	2,5	2,4	3,2	2,6	3,0	2,0	2,7	3,0	2,5
Длинный – короткий	3,0	2,4	3,0	2,8	2,9	3,0	2,7	2,7	3,1	3,2
Лёгкий – тяжёлый	2,6	3,1	2,8	3,3	2,5	2,7	2,2	2,6	2,8	2,5
Добрый – злой	2,8	3,4	3,1	3,2	2,6	2,1	2,7	2,8	3,0	2,8
Подвижный – вялый	2,7	3,0	3,1	3,4	2,8	2,5	2,7	2,9	2,8	2,7

Вычисления показали, что по психоэмоциональному восприятию имя *Батырша* “хорошее”, “большое”, “сильное”, “храброе”, но в то же время и “злое”. В фонетическом значении имени *Арслан* проявляются те же признаки, но кроме этого оно ещё “красивое” и “светлое”. Согласно данным, приведенным в книге Г.Ф. Саттарова «Словарь татарских имён» имя *Арслан* древнетюркского происхождения и в переводе означает ‘лев’. Как видно, значение этого имени соответствует своей фонетической форме. Имя *Батырша* образовано соединением двух слов: батыр + шаһ и в переводе с персидского

означает ‘смелый господин’. Лексическое значение и фонетическая оформленность этого слова тоже совпадают. В имени *Хантимер* [*хантимэр*], состоящей из двух компонентов: хан + тимер (‘железо’), проявляются такие отрицательные признаки, как “грубый”, “сложный”, “темный”, которые могут подойти к лексическому содержанию имени.

Имена: *Илгиз* [*илгиз*], *Мансур* [*мансур*], *Рэхим* [*рэхим*], *Илназ* [*илназ*], *Илнур* [*илнур*] – имеют только положительные признаки, т.е. психоэмоциональное восприятие данных имен соответствует внутреннему содержанию. В имени *Илназ* второй компонент – “наз”, что означает нежность. По шкале «нежный – грубый» оно имеет фонетическую значимость “нежный” (2,2). Такое же соответствие мы видим в имени *Илнур*. Здесь присутствует компонент “нур” (“луч”). По шкале «светлый – темный» проявляется признак “светлый” (2,3). В имени *Айнур* тоже есть этот компонент, но в данном случае по шкале «светлый – темный» фонетическая значимость слова приобретает нейтральную оценку, а также по шкале «добрый – злой» проявляется признак “злой” (3,6). На преобладание отрицательного признака по данной шкале повлиял начальный звук [*a*], имеющий коэффициент 4,3, который в абсолютном начале слова учетверяется. Как видно из таблицы 1, отрицательный признак по этой шкале проявляется также в именах *Арслан* и *Аяз*.

В женских именах такую закономерность мы наблюдаем в имени *Айсылу* [*айсылу*], где из-за начального звука [*a*] коэффициент фонетической значимости по шкале «добрый – злой» составляет 3,4. В остальных женских именах в большинстве случаев проявились такие признаки, как “хороший”, “нежный”, “красивый”, “светлый”, соответствующие лексическим значениям. И только в имени *Галиябану* [*галийэбану*] среди положительных признаков “сильный”, “храбрый” обнаружился отрицательный – “грубый”, “темный”, “вялый”. Здесь на проявление отрицательных признаков оказал влияние звук [*g*], который по психоэмоциональному восприятию “плохой”, “грубый”, “отталкивающий”, “темный”, “сложный”, “тяжелый”.

Исходя из вышеизложенного, можем сказать, что фонетическая значимость “грубый”, “плохой”, “отталкивающий” и т.п. проявляется в словах, содержащих звуки с соответствующими фонетическими значениями. И наоборот, слово имеет положительную фонетическую значимость, если в нем преобладают звуки с положительной оценкой. В татарском языке это такие звуки, как [ə], [и], [ү], [з], [к], [л], [м], [н].

Таким образом, соответствие лексического значения фонетическому зависит от характерных особенностей звуков.

2.4.2. Особенности фонетического значения имён XIX – нач. XX веков и современных имён.

Общеизвестно, что с развитием общества, с появлением новых культурных ценностей изменяется и словарный состав языка. Многие из слов прочно входят в жизнь, составляя активный словарный запас, другие из активного переходят в пассивный. То же самое можно сказать об именах людей. Если в прошлом веке были одни антропонимы, то сейчас – совершенно другие. Вышли из употребления не только имена с тем или иным лексическим значением, но также изменилась фонетическая форма слов.

В формировании татарской антропонимической системы большую роль сыграла исламская религия. Несмотря на то, что после официального принятия Ислама начинают проникать арабские и персидские имена, к 17 веку они ещё не входят в активное употребление. Это подтверждают надгробные камни, книги переписи и другие письменные источники. В 18 веке под влиянием исламской религии арабские и персидские имена среди татар получают большое распространение. Известно несколько имён пророка Мухаммеда: *Мехаммат*, *Әхмәт*, *Мәхмүт*, *Хәмит*. Путём присоединения к этим именам арабских и персидских антрополексем образовались составные имена, которые тоже были заимствованы татарским языком. Или же к этим именам

добавлялись болгаро-татарские антропокомпоненты, что привело также к образованию новых имён, получивших широкое распространение. Например, *Мөхәммәтбакир, Мөхәммәтзакир, Мөхәммәтҗан, Нурмөхәммәт, Әхмәтбакир, Әхмәтвали, Мәхмүтгали* и др.

Эпитеты, которыми наделяли религиозные служители пророка Мухаммеда, с течением времени превращались в собственные имена: *Рәсуулла* (“Аллаһының илчесе” – “посланник Бога”), *Нәбиулла* (“Аллаһының пәйгамбәре” – “божйй пророк”), *Кәрим* (“юмарт”, “мәрхәмәтле” – “щедрый”, “милосердный”), *Вәси* (“яклаучы” – “защитник”), *Лотфулла* (“Аллаһ мәрхәмәтле” – “Бог милостивый”), *Нигъмәтулла* (“Аллаһ бүләге” – “Божий дар”) и др.

Под влиянием религии большое распространение получили имена отца пророка Мухаммеда (*Габдулла*), матери (*Әминә*), братьев (*Габбас, Хәмзә*), жён (*Хәдичә, Гайшә, Сафия, Мәймүна, Әммехәбибә, Хафаза*), дочерей (*Зәйнәп, Рокыя, Фатыйма*) и других родственников [Саттаров 1998: 19-23].

В.Хангильдин отмечает, что в большинство арабских имён входит компонент “дин” (религия) или имя Аллаха. Это такие имена, как *Мифтахетдин, Имамәтдин, Габделхаликъ, Габделрәхим, Байнулла* [Хангильдин 1971: 177].

Возьмем несколько татарских имен, распространённых в конце XIX начале XX веков: *Габдулла, Габдрахман, Хәсәншиа, Фәсхетдин, Хисаметдин, Хәдичә, Гайшә, Рабига, Зөләйха* и др. Это имена арабского происхождения, семантика которых в основном связана с религиозными понятиями и представлениями.

Результаты вычислений отражены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Признаки	Мужские имена									
	[Ғабдулла]	[Ғабдрахман]	[лотфулла]	[хәсәнша]	[ниғмәтулла]	[нурмөхәммәт]	[рәхмәтулла]	[фәсхәддин]	[фәхрәддин]	[хисәмәддин]
Хороший – плохой	2,9	2,8	2,1	2,5	2,2	2,2	2,2	2,3	2,3	2,5
Большой – маленький	2,8	3,0	2,6	3,1	2,7	2,9	2,7	2,9	2,9	3,1
Нежный – грубый	3,7	3,8	2,8	3,8	2,9	3,0	3,3	2,8	2,8	3,6
Горячий – холодный	3,2	3,3	2,9	3,2	3,0	3,0	3,2	2,9	2,9	3,2
Весёлый – грустный	3,3	3,2	2,8	3,1	2,9	2,9	3,0	2,7	2,7	3,0
Красивый – отталкивающий	3,4	3,3	2,8	3,1	2,6	2,6	2,7	3,0	3,0	2,9
Светлый – тёмный	3,6	3,7	3,0	3,6	3,0	2,9	3,2	3,1	3,1	3,4
Сильный – слабый	2,3	2,5	2,9	2,8	2,6	2,8	2,5	3,2	3,2	2,8
Быстрый – медленный	3,2	3,0	2,7	2,7	2,9	2,6	2,7	2,5	2,5	2,6
Храбрый – трусливый	2,0	2,3	2,9	2,8	2,4	2,9	2,4	3,3	3,3	2,8
Гладкий – шероховатый	3,6	3,7	2,5	3,5	2,7	2,8	3,1	3,0	3,0	3,4
Простой – сложный	3,4	3,5	2,6	3,6	2,7	2,7	3,1	2,9	3,0	3,4
Длинный – короткий	3,0	3,2	3,0	3,2	2,8	2,8	3,0	3,1	3,1	3,2
Лёгкий – тяжёлый	3,4	3,2	2,6	2,8	3,0	2,6	2,8	2,4	2,4	2,8
Добрый – злой	3,3	3,2	3,0	2,9	3,1	2,6	3,1	2,7	2,7	2,9
Подвижный – вялый	3,5	3,4	2,7	3,2	3,1	3,0	3,0	2,7	2,7	3,1

Таблица 4

Признаки	Женские имена									
	[хәдичә]	[ғәйшә]	[рабига]	[ғәффифә]	[зәләйха]	[зәбәйдә]	[мәфтуха]	[гәлжамал]	[факиһә]	[хәмдәниса]
Хороший – плохой	2,5	3,1	2,4	2,6	2,3	2,3	2,3	2,3	2,5	2,5
Большой – маленький	3,2	3,0	2,6	2,9	3,0	3,0	2,8	3,2	3,0	3,1
Нежный – грубый	3,7	3,7	3,3	3,0	3,0	2,5	3,0	2,9	2,7	3,7
Горячий – холодный	3,1	3,2	3,2	2,9	3,0	2,8	3,0	2,6	2,9	3,2
Весёлый – грустный	3,0	3,3	3,0	2,9	2,8	2,5	2,9	2,9	2,6	3,1
Красивый – отталкивающий	3,0	3,6	2,7	3,2	2,6	2,4	2,9	2,5	3,0	3,0
Светлый – тёмный	3,5	3,7	3,1	3,3	2,7	2,3	3,2	2,7	3,0	3,5
Сильный – слабый	2,8	2,4	2,1	3,0	2,7	2,7	3,0	2,8	3,3	2,8
Быстрый – медленный	2,6	3,3	2,9	2,7	2,5	2,5	2,5	2,6	2,5	2,6
Храбрый – трусливый	2,9	2,4	1,9	3,1	2,9	2,9	3,0	2,9	3,5	2,8
Гладкий – шероховатый	3,5	3,9	3,4	3,3	2,8	2,6	3,0	3,3	3,0	3,4
Простой – сложный	3,6	3,4	2,9	3,1	2,9	2,4	3,0	2,4	3,0	3,5
Длинный – короткий	3,2	3,0	2,9	3,0	2,9	2,8	3,1	3,1	3,1	3,2
Лёгкий – тяжёлый	2,8	3,3	3,2	2,6	2,8	2,7	2,6	2,3	2,4	2,8
Добрый – злой	2,9	3,0	3,6	2,8	2,7	2,5	2,9	2,7	2,5	2,9
Подвижный – вялый	3,1	3,6	3,2	2,9	3,0	2,9	2,8	2,8	2,5	3,1

Как видно из таблицы 3, в мужских именах отрицательные признаки проявились в четырех из десяти исследуемых. Имена *Габдулла* [габдулла], *Габдрахман* [габдрахман] получили характеристики “грубый”, “темный”, “шероховатый”, “сложный” из-за грубого по восприятию начального звука [g], в именах *Хәсәнша* [хәсәнша], *Хисаметдин* [хисамәддин] сыграл роль звук [x].

Остальные имена по психоэмоциональному восприятию характеризуются как положительные.

В женских именах (таблица 4) отрицательные характеристики получили *Хәдичә [хәдичә]*, *Гайшә [гәйшә]*, *Рабиға [рабиға]*, *Хәмдениса [хәмдәниса]*, хотя в этих именах есть также и положительные признаки, в том числе и признак “хороший”. Как “красивые” воспринимаются имена *Зөләйха [зөләйха]*, *Зөбәйдә [зөбәйдә]*, *Гөлжәмал [гөлжәмал]*.

В проанализированных именах процентное соотношение отрицательных и положительных признаков следующее:

Признаки	В мужских именах	В женских именах
Положительные	18,8%	24,4%
Отрицательные	12,5%	10%

Фонетические значения вышеуказанных имён сопоставим со звуковой содержательностью современных. В настоящее время вновь возрос интерес к религии. Многие молодые татарские семьи придерживаются исламских канонов и при выборе ребёнку имени отдают предпочтение арабским именам. Такие имена, помимо смысловых компонентов, связанных с религией, содержат и эмоционально-оценочный элемент. Например, *Хабиб* – «любимый», *Гадель* – «справедливый», *Камиля* – «совершенная», *Карима* – «щедрая, уважаемая» и др.

По данным мечети-джамиг имени Ризаэддина Фахреддина г. Альметьевска, в настоящее время в мусульманских семьях пользуются популярностью следующие имена: среди мужских – *Камил, Гадел, Динар, Рамазан, Ибраһим, Мәлик, Хәбир, Халил, Булат, Әмин*; среди женских – *Камилә, Кәримә, Адилә, Ляйля, Айгөл, Әминә, Мәликә, Ләйсән, Динә, Галия*. Из них 9 из 10 – арабского происхождения (как среди мужских, так и среди женских имён). Вычислим фонетические значения этих имён.

Результаты вычислений отражены в таблицах 5 и 6.

Таблица 5

Признаки	Мужские имена									
	[камил]	[булат]	[хэбир]	[ибраһим]	[ғәдәл]	[динар]	[рамазан]	[әмин]	[мәлик]	[хәлил]
Хороший – плохой	2,7	2,3	2,5	2,6	3,1	2,4	2,0	1,7	1,9	2,5
Большой – маленький	2,8	2,5	3,1	3,2	3,2	2,9	2,6	2,7	2,8	3,1
Нежный – грубый	3,4	3,0	3,8	2,5	3,7	2,9	3,0	2,0	2,5	3,7
Горячий – холодный	3,3	2,9	3,2	3,0	3,3	3,0	3,2	2,6	2,9	3,2
Весёлый – грустный	3,0	3,0	3,1	2,4	3,4	2,6	2,8	2,4	2,7	3,1
Красивый – отталкивающий	3,0	2,7	3,0	2,4	3,6	2,4	2,2	1,8	2,1	3,0
Светлый – тёмный	3,2	3,0	3,6	2,4	3,7	3,0	2,7	2,0	2,6	3,6
Сильный – слабый	2,4	2,4	2,8	3,0	2,4	2,6	2,2	2,9	3,0	2,8
Быстрый – медленный	2,9	2,8	2,6	2,8	3,2	2,7	2,5	2,8	2,5	2,6
Храбрый – трусливый	2,4	2,3	2,8	3,7	2,2	2,2	1,9	3,3	2,8	2,8
Гладкий – шероховатый	3,2	2,5	3,5	2,6	3,9	2,9	3,0	2,0	2,6	3,5
Простой – сложный	3,2	2,4	3,6	2,9	3,4	2,8	2,7	1,8	2,2	3,6
Длинный – короткий	3,1	2,8	3,2	3,0	3,2	3,3	2,9	2,4	2,9	3,2
Лёгкий – тяжёлый	3,1	3,1	2,8	2,6	3,4	3,3	3,0	2,3	2,4	2,7
Добрый – злой	3,7	3,5	2,9	2,2	3,1	3,3	3,5	2,3	2,8	2,9
Подвижный – вялый	3,1	3,1	3,1	2,3	3,5	2,9	2,9	2,7	2,7	3,1

Таблица 6

Признаки	Женские имена									
	[қамилә]	[қәримә]	[ләйлә]	[мәслимә]	[әминә]	[мәликә]	[әдилә]	[динә]	[ләйсән]	[ғалийә]
Хороший – плохой	2,7	2,1	1,9	2,0	1,8	1,9	1,9	2,4	2,0	3,0
Большой – маленький	2,8	2,8	2,8	2,8	2,7	2,8	2,7	3,0	3,0	3,0
Нежный – грубый	3,3	2,4	2,3	2,5	2,0	2,5	2,0	2,6	2,4	3,6
Горячий – холодный	3,3	2,9	2,9	2,9	2,6	2,9	2,6	2,9	2,9	3,2
Весёлый – грустный	3,0	2,6	2,5	2,8	2,4	2,7	2,3	2,5	2,6	3,2
Красивый – отталкивающий	3,0	2,2	2,1	2,2	1,8	2,1	1,9	2,4	2,2	3,4
Светлый – тёмный	3,2	2,6	2,4	2,4	1,9	2,6	2,0	2,9	2,4	3,5
Сильный – слабый	2,4	2,9	2,9	3,0	2,8	2,9	2,8	2,8	2,9	2,4
Быстрый – медленный	3,0	2,5	2,8	2,6	2,9	2,6	3,0	2,8	2,7	3,2
Храбрый – трусливый	2,4	2,6	3,1	3,2	3,4	2,9	3,2	2,5	3,1	2,4
Гладкий – шероховатый	3,2	2,8	2,0	2,4	1,9	2,6	1,9	2,8	2,3	3,7
Простой – сложный	3,1	2,3	2,0	2,0	1,8	2,2	1,6	2,7	2,0	3,3
Длинный – короткий	3,1	2,9	2,8	2,7	2,3	2,9	2,4	3,2	3,0	3,0
Лёгкий – тяжёлый	3,0	2,2	2,2	2,4	2,2	2,4	2,4	3,1	2,3	3,2
Добрый – злой	3,5	2,5	2,6	2,5	2,0	2,6	2,1	2,9	2,6	3,0
Подвижный – вялый	3,1	2,7	2,7	2,8	2,7	2,7	2,7	2,8	2,7	3,5

Как видно из таблиц, в данных именах отрицательные признаки проявились в тех случаях, когда начальными звуками являются в основном “грубые”, “темные”, “шероховатые” звуки [к], [ғ], [р], [х]. Например, [гәдәл] – “грубое”, “отталкивающее”, “темное”, “тяжелое”, “вялое”, но в то же время оно характеризуется как “храброе” и “сильное”. Такие же признаки имеет и имя [ғалийә]. Остальные женские имена в основном характеризуются как “красивые”, “нежные”, “светлые”.

Процентное соотношение признаков в этих именах следующее:

Признаки	В мужских именах	В женских именах
Положительные	33,1%	48,1%
Отрицательные	12,5%	4,4%

По данным загов г. Елабуги, Набережных Челнов и Альметьевска, самые популярные среди татар мужские и женские имена: *Алия, Алинэ, Диларэ, Эльмира, Гөлнара, Гөлназ, Рамил, Тимур, Алмаз, Азат, Айдар, Илнар, Илдар, Руслан и др.* Для эксперимента возьмём 10 мужских и 10 женских имён, вычислим их фонетические значения.

Результаты вычислений отражены в таблицах 7 и 8.

Таблица 7

Признаки	Имена									
	[азат]	[айрат]	[алмаз]	[артур]	[илдар]	[илнар]	[наил]	[тимур]	[рамил]	[руслан]
Хороший – плохой	2,0	2,1	1,9	2,0	1,7	1,5	1,7	2,1	1,8	2,0
Большой – маленький	2,3	2,1	2,4	1,8	2,5	2,4	2,7	2,5	2,6	2,5
Нежный – грубый	2,9	3,1	2,8	3,1	2,3	2,2	2,2	2,9	2,7	2,9
Горячий – холодный	2,9	3,0	2,9	3,0	2,8	2,8	2,8	3,0	3,2	3,2
Весёлый – грустный	2,6	2,7	2,6	3,1	2,4	2,4	2,5	3,1	2,7	3,0
Красивый – отталкивающий	2,2	2,4	2,1	2,6	1,8	1,7	1,8	2,7	2,0	2,4
Светлый – тёмный	2,2	2,4	2,3	2,8	2,1	1,9	2,3	3,0	2,6	2,9
Сильный – слабый	2,1	2,2	2,3	1,8	2,6	2,6	2,9	2,4	2,4	2,2
Быстрый – медленный	2,5	2,7	2,6	3,1	2,8	2,8	2,7	2,7	2,6	2,8
Храбрый – трусливый	2,3	2,2	2,2	1,8	2,7	2,8	2,8	2,5	2,3	2,0
Гладкий – шероховатый	2,3	2,2	2,3	2,2	2,1	1,9	2,3	2,5	2,8	2,8
Простой – сложный	2,6	2,6	2,5	2,9	2,2	2,0	2,1	2,8	2,4	2,6
Длинный – короткий	2,6	2,7	2,6	2,3	2,6	2,4	2,6	3,0	2,9	2,9
Лёгкий – тяжёлый	3,5	3,4	3,2	3,4	2,7	2,6	2,7	3,1	2,6	2,9
Добрый – злой	3,6	3,9	3,4	3,8	3,1	3,1	3,0	3,4	3,4	3,5
Подвижный – вялый	3,0	3,0	3,0	3,1	2,7	2,7	2,8	2,9	2,7	2,9

Таблица 8

Признаки	Имена									
	[алинэ]	[алийэ]	[дилерэ]	[илимира]	[гелнара]	[гелназ]	[айгел]	[алсу]	[гүзэл]	[ризидэ]
Хороший – плохой	1,6	1,9	2,3	1,6	2,2	2,2	2,2	1,9	2,2	2,0
Большой – маленький	2,2	2,3	3,0	2,5	3,0	3,1	2,7	2,0	3,2	2,8
Нежный – грубый	2,3	2,4	2,6	2,2	2,9	2,8	2,5	2,8	2,9	2,6
Горячий – холодный	2,7	2,7	2,9	2,8	2,9	2,8	2,7	2,9	2,8	3,0
Весёлый – грустный	2,4	2,4	2,5	2,4	2,9	2,9	2,7	3,0	2,8	2,5
Красивый – отталкивающий	1,8	2,0	2,3	1,7	2,5	2,5	2,4	2,6	2,5	2,1
Светлый – тёмный	1,9	1,9	2,8	2,0	2,8	2,7	2,1	2,6	2,8	2,5
Сильный – слабый	2,4	2,6	2,7	2,7	2,6	2,7	2,8	2,1	2,6	2,4
Быстрый – медленный	2,9	2,9	2,8	2,7	2,6	2,5	2,6	3,1	2,6	2,6
Храбрый – трусливый	2,7	2,9	2,5	2,9	2,6	2,7	3,3	2,2	2,6	2,4
Гладкий – шероховатый	1,6	1,7	2,7	2,0	3,2	3,2	2,2	1,8	3,3	2,8
Простой – сложный	2,0	2,1	2,6	2,0	2,4	2,4	2,0	2,5	2,4	2,6
Длинный – короткий	2,1	2,3	3,1	2,5	2,9	2,9	2,3	2,2	3,1	2,9
Лёгкий – тяжёлый	2,8	2,7	3,0	2,5	2,2	2,2	2,2	3,1	2,1	2,8
Добрый – злой	2,9	2,9	2,9	3,0	2,8	2,7	2,3	3,5	2,6	3,0
Подвижный – вялый	2,9	2,8	2,8	2,7	3,0	2,9	3,0	3,1	2,8	2,8

Как видно из таблицы 7, в современных мужских именах преобладают положительные признаки. Признак “хороший” проявился во всех именах. Отрицательные характеристики проявились по шкалам «лёгкий – тяжёлый», «добрый – злой» только в тех именах, где имеются в абсолютном начале слова звуки [a] и [p].

В женских именах (таблица 8) из десяти исследованных только в имени *Алсу* [алсу] проявился отрицательный признак – “злой”. По остальным шкалам данное имя также получает положительную характеристику. Все проанализированные современные женские имена по шкалам «хороший –

плохой», «красивый – отталкивающий» имеют признаки “хороший”, “красивый”.

Процентное соотношение положительных и отрицательных признаков следующее:

Признаки	В мужских именах	В женских именах
Положительные	53,8%	52,5%
Отрицательные	6,3%	0,6%

Таким образом, в фонетическом значении татарских личных имен преобладают положительные признаки, т.е. по психоэмоциональному восприятию многие татарские личные имена характеризуются как хорошие, нежные, красивые, светлые и т.п. Значит, фонетическая значимость слова может являться одной из причин распространенности тех или иных антропонимов.

Выводы по II главе.

Антропонимическая система любого языка фиксирует социально-историческое, этнографическое и культурное состояние народа и представляет собой результат длительного развития. С изменениями общественной жизни меняются мотивы выбора имен. В настоящее время одним из главных факторов, влияющих на выбор имен, является его благозвучие. Простые и краткие, звучные и легкопроизносимые имена получают большое распространение. Фонетическая ассоциация имени и лексическое значение могут совпадать или быть противоположны. Соответствие лексического значения фонетическому зависит от характерных особенностей звуков.

Большинство татарских личных имен состоят из звуков, имеющих по психоэмоциональному восприятию положительную оценку.

Имена с положительными фонетическими значениями получают большую степень распространенности. В связи с этим можно сделать вывод о том, что содержательность звуковой формы является одним из факторов влияния на степень распространенности имен.

Глава 3. Фоносемантическая характеристика татарских личных имен в текстовом поле.

3.1. Литературная антропонимика в исследованиях русских и татарских учёных.

Имена собственные в художественных произведениях находят отражение в трудах лингвистов и литературоведов. Изучив исследования в этой области, В.А. Никонов пришёл к выводу, что библиография русских работ об именах литературных персонажей включает больше 300 заглавий. Среди них – 14 работ об антропонимах у Достоевского, 15 – у Гоголя, 18 – у Чехова. Они пестры – от фиксации изолированного факта до широких сопоставлений, от удручающе сходных школьных выписок до смелых догадок; различно и понимание самих задач исследования, неравномерен и охват материала. Особенно много написано о так называемых говорящих, значащих, знаменательных или смысловых именах [Никонов 1974: 234, 238].

Различные аспекты поэтической ономастики отражены в трудах В.А. Никонова, Э.Б. Магазаника, М.В. Карпенко, В.Н. Михайлова, О.И. Фоняковой, Л.И. Андреевой, М.В. Горбаневского и др.

Э.Б. Магазаник в работе «Ономастика, или «Говорящие имена» в литературе» (1978) исследует художественно-поэтические функции имён собственных в литературе. Преимущественное внимание в работе сосредоточено на выявлении кроющегося в глубинных пластах образно-поэтического строя произведения не очевидного, но весьма важного смысла имени, всей системы его поэтико-ассоциативных отношений. “Обыгрывание в литературе характеристического «значения» собственных имён с прозрачной основой (корень) нарицательного значения – и, следовательно, восприятие их читателем как «значащих» – основывается как раз на ассоциации с прозвищем, с первоначальным становлением собственного имени”, – считает Э.Б. Магазаник [Магазаник 1978: 47].

М.В. Карпенко говорит о важности для литературоведения того раздела антропонимики, который занимается именами персонажей художественного

произведения. Четвертый раздел программы спецкурса М.В. Карпенко “Русская антропонимика” (1970) посвящен изучению литературной антропонимии.

“Литературная антропонимия – самый изученный (или, точнее, самый изучаемый) участок отечественной науки о личных именах, – говорит он. – Однако очень многие, в том числе и фундаментальные, основные стороны литературной антропонимии не проанализированы, подчас даже еще и не обнаружены. В чем специфика литературной антропонимии и ее отличие от антропонимии общенародной, что следует включать в понятие литературной антропонимии, то есть все или не все имеющиеся в художественном произведении имена являются литературными антропонимами; каковы функции литературных антропонимов и всегда ли они выполняют в художественном произведении какие-либо стилистические функции? Эти и многие другие вопросы обычно получают лишь неточные ответы или совсем остаются без ответов”. М.В. Карпенко отмечает важность литературной антропонимии, поскольку проникновение в сущность имени персонажа значительно содействует раскрытию самого сокровенного смысла, идейного замысла произведения [Карпенко 1970: 14-15].

О.И. Фонякова в учебном пособии “Имя собственное в художественном тексте” (1990) выделяет существенные признаки литературной ономастики, говорит о формировании в настоящее время нового раздела лексической семантики – ономастической семасиологии, предметом которой служит теория, типология и структура ономастических значений всех разделов имен собственных в их отличии от имен нарицательных [Фонякова 1990].

Среди множества работ профессора М.В. Горбаневского по топонимике и антропонимике можно выделить исследования собственных имён в художественной литературе. В книге “Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды” рассматривается широкий круг вопросов, связанных с выбором, употреблением, смысловой нагрузкой, ассоциативным фоном разнообразных имён собственных на страницах художественной прозы, а также в поэзии. Основное внимание уделено антропонимам (именам,

фамилиям, отчествам, прозвищам персонажей) и топонимам (названиям географических объектов). В качестве конкретного объекта исследования привлекаются тексты произведений А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, А.М. Горького, М.А. Шолохова, К.Г. Паустовского и некоторых других русских и советских писателей.

Например, он пишет, что Н.В. Гоголь, А.Н. Островский и некоторые другие русские писатели нередко прибегали к особой “зашифровке” ассоциаций, которые должны были вызываться фамилиями персонажей, используя диалектные, областные слова. Некоторые исследователи считают, что в основу фамилии Хлестаков положено диалектное слово хлест – наглец, нахал. Островский, скорее всего, использовал для образования фамилии Подхалюзин областное слово подхалюза, синоним общенародных слов пройдоха, плут, а для фамилии Лыняев – диалектный глагол лынять, т.е. отлынивать, уклоняться от дела, лениться.

Говоря об имени Татьяна из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», Горбаневский отмечает, что оно несет яркую социальную характеристику. Согласно исследованиям В.А. Никонова, имя Татьяна жило поначалу преимущественно в дворянской среде. Но уже к концу XVIII – началу XIX века оно стало широко употребляться в крестьянских и купеческих семьях. Семья Лариных, придерживавшаяся старых традиций («Они хранили в жизни мирной Привычки милой старины»...), могла даже в начале XIX века дать своей дочери имя Татьяна, которое в дворянских семьях встречалось к тому времени уже всё реже и реже [Горбаневский 1988: 5].

Среди множества работ по поэтической ономастике, в том числе литературной антропонимике, можно выделить статьи об антропонимике отдельных писателей (и отдельных их произведений). Например, статьи Л.И. Андреевой «Персонажи А.Н. Островского об именах собственных» (1973), Л.С. Кавтаськина «Языческие и христианские имена в мордовской народной поэзии» (1976), Н.А. Кожевниковой «Заметки о собственных именах в прозе А.

Белого» (1981), Н.С. Малофеевой, Д.Б. Масленникова «Имена собственные в стихотворениях Иосифа Бродского» (2006) и др.

В современном татарском языкознании начало развитию поэтической ономастики было положено Г.Ф. Саттаровым. Его работа посвящена анализу антропонимов и топонимов в произведениях Г.Ибрагимова. В настоящее время поэтическая ономастика в татарском языкознании является актуальной и активно исследуемой отраслью ономастики. За последние годы защищены кандидатские диссертации Р.Х. Гарраповой «Поэтическая ономастика прозы Мухаммата Магдеева» (2000), А.Р. Биктимеровой «Лингвистическая и ономастическая поэтика татарских народных песен» (2002), В.М. Гариповой–Хасаншиной «Поэтическая ономастика прозы Гумера Баширова» (2004), Г.Х. Зиннатуллиной «Поэтическая ономастика прозы Амирхана Еники» (2005), Л.М. Хамитовой «Поэтический ономастикон в татарских детских стихотворениях (на материале художественных текстов Ш.Галиева и Р. Миңнуллина)» (2007).

В настоящее время не иссякает интерес исследователей к проблемам особенностей функционирования имен собственных в произведениях художественной литературы.

3.2. Имя в художественном тексте.

Любое имя собственное живёт в разных формах речевой деятельности человека – устно-речевой, разговорной, письменно-официальной, письменно-научной и др. Одной из таких форм, одной из живых и мощных речевых стихий, поддерживающих жизнь имён и названий или же дающих им жизнь, являются произведения художественной литературы [Горбаневский 1988: 4].

Выбор имени играет значительную роль в создании художественных образов. «Имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Они могут нести ярко выраженную

смысловую нагрузку, и обладать скрытым ассоциативным фоном, и иметь особый звуковой облик; имена и названия способны передавать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху, к которой относится действие романа, повести, рассказа, обладать социальной характеристикой», – справедливо отмечал М.В. Горбаневский [Горбаневский 1988: 4].

“В художественном произведении личное имя, его смысл и форма, ситуации его употребления и даже его отсутствие никогда, собственно, не бывают случайными, незначимыми. Ведь писатель отобрал (или создал) почему-то именно это имя!” – говорит Карпенко [Карпенко 1970: 5].

В.В. Виноградов отмечает, что имя собственное в художественном тексте выступает как «своеобразный троп, равнозначный, в известной степени, метафоре и сравнению и использующийся в стилистических целях для характеристики персонажа или социальной среды» [Виноградов 1963: 223].

О.И. Фонякова выделяет следующие признаки литературной ономастики: литературная ономастика прежде всего «говорит», т.е. выполняет стилистическую функцию. Имя собственное в обычной речевой коммуникации называет, чтобы различать объекты, а имя собственное в художественной речи эту дифференцирующую функцию совмещает с эстетической, изобразительной функцией и как бы подчиняется ей. Всякое имя собственное как имя композиционно значимого персонажа всегда соотнесено с содержанием целого художественного текста, где оно является ключевым, а также – с тематически однородными или контрастными рядами параллельных имен других персонажей. О.И. Фонякова указывает также на то, что в сознании читателя – носителя языка имя главного героя может выступать обобщенным знаком целого большого художественного текста. Ср.: «Обломов», «Анна Каренина», «Отелло», «Дон-Жуан» и мн. др. «Хотелось бы подчеркнуть, что благодаря огромной типизирующей силе художественного образа его имя может стать не только таким обобщённым знаком целого текста, но и начать параллельно большую «послетекстовую» жизнь в общей речи и языке в связи с процессом

деонимации – перехода имени собственного в нарицательное» [Фонякова 1990: 8–9].

Исследуя собственные имена в прозе А. Белого, Н.А. Кожевникова говорит о проблеме взаимосвязи имени с пониманием человеческой сущности. Если имя осмысливается как выражение детского начала, то фамилия является воплощением того, во что превратился человек. Также указывается на связь имени с определенной идеей. «Собственное имя фиксирует не характерную черту определенного персонажа, а некоторую идею, которая в той или иной форме выражается через изображение разных персонажей, объединяя их. Так, идея смерти, которую воплощают разные персонажи «Серебряного голубя» – и купец Еропегин, и столяр Кудяров, прямо выражена только в фамилии Тодрабе-Граабен и в названии Мертвый Верх. Та же фамилия Тодрабе-Граабен и фамилия Шмидт выражают идею Запада в противоположность именам других действующих лиц, объединенных идеей Востока» [Кожевникова 1981: 225].

«Разным качествам персонажа, разным идеям, в нем воплощенным, соответствуют и разные имена. В связи с этим, – отмечает Кожевникова, – Белый широко пользуется чужими собственными именами, в первую очередь обозначениями мифологических персонажей, которых особенно много в «Петербурге», и именами литературных героев, окружая своих персонажей множеством двойников. Имя и фамилия, имя и прозвище, кличка, имя и псевдоним вступают в сложные отношения друг с другом. Противопоставление имен осознается как противопоставление разных начал, сосуществующих в человеке» [Кожевникова 1981: 226].

Неразрывность связи имени и сущности самого персонажа доказывает Э.Б. Магазаник, приводя выводы видных зарубежных писателей. Например, Эмиль Золя утверждает, что имя становится в наших глазах как бы душою... персонажа. Не боясь обвинений в преувеличении, он рискует прибавить, что в имени “нередко даже в сочетании слогов мы видим весь характер человека”. Другой мастер, исключительно чуткий к слову Флобер, придавал столь важное значение собственным именам в творчестве писателя, что восклицал: “Когда

нет имени (опять-таки имеется в виду “соответствующее” герою, отвечающее образу имя. – Э.М.) – нет и романа”.

«Воздал должное роли имени собственного в литературном произведении и великий наш критик В.Г. Белинский, – подчеркивает Э.Б. Магазаник, – пронизательно отметивший, что «в самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная необходимость». Если Э. Золя имеет в виду сознательный выбор имени писателем и размышляет, какими принципами должен руководствоваться художник, нарекая героя, то Белинский указывает на возможность и неосознанной, интуитивно возникающей целесообразности в выборе писателем имени [Магазаник 1978: 8].

Многие исследователи обращают также внимание на тот факт, что личные имена в произведении играют важную стилистическую роль, создают особый колорит, ту или иную окраску произведения. У каждого писателя собственные имена, ономастический рисунок произведения существенны, важны для этого произведения.

Как известно, единственно обязательным значением личного имени является антропонимическое значение, а единственно обязательной его функцией – номинативная, назывная. Что касается литературных антропонимов, то в них значения имен претерпевают значительные трансформации. По мнению М.В. Карпенко, основная для общенародных личных имен сторона значения – антропонимическая и их номинативная функция теряют в художественном произведении свою первостепенную важность. Различие персонажей в произведении достигается гораздо проще, чем различие людей в жизни, так как персонажей значительно меньше.

Для примера М.В. Карпенко приводит рассказ Л.Н. Толстого «Рубка леса», в котором действующими лицами являются 14 солдат и 10 офицеров. Каждый из них как-то именуется – по фамилии, иногда имени и отчеству. Но два персонажа именами не наделены: это молодой рекрут, так и называемый в рассказе «рекрутиком», и батальонный адъютант, молодой прапорщик, который именуется просто «адъютант».

Отсутствие имен у двух персонажей «Рубки леса» со всей очевидностью убеждает, что антропонимическое значение, номинативная функция личного имени в художественном произведении не являются самыми важными. Два безымянных персонажа рассказа охарактеризованы Л. Толстым не менее полно, чем, скажем, солдат Чикин, «милый человек», «забавник», или капитан Тросенко. Их роль в рассказе так же существенна и важна, а имен они лишены в соответствии с художественным замыслом автора: они молоды, и не стал еще своим ни рекрут в солдатской среде, ни адъютант среди офицеров.

«В литературе такие антропонимы называются обычно именами-характеристиками, – пишет Карпенко. – Естественно, что в художественном тексте они выполняют описательную, или (точнее) характеризующую, функцию, которая и становится главной. Имя может характеризовать героя прямо, что называется в лоб. Такой прием особенно популярен в сатире, где цепочка традиции тянется от фонвизинского Скотинина до литературного критика, который подписывал свои сочинения Гав. Цепной (И. Ильф и Е. Петров) [Карпенко 1970: 18-19].

По наблюдениям Э.Б. Магазаника, есть множество фамилий, основы которых сами по себе не предполагают оценочного отношения, но которые в контексте воспринимаются как «значащие». Таковы, например, фамилии у Островского: Юсов (в контексте – крючоктвор), Кукушкина (в контексте – мать, стремящаяся сбыть с рук дочерей), у Чехова: Градусов (в контексте – «темпераментный» самодур); Узелков (в контексте – ассоциация с «памятным узелком»). Чем богаче и тоньше используются художественный контекст и словарно-семантические ассоциации, тем многообразнее и богаче поэтическая ономастика.

Э.Б. Магазаник заключает, что наиболее обычные в произведении литературы «значащие» собственные имена, содержащие в себе прозрачную основу с определенной оценочной установкой, характеристичны «сами по себе», т.е. способны непосредственно, вне конкретной зависимости от контекста «осмысляться» читателем на почве ассоциаций родного языка.

Использует ли писатель достаточно ясное «говорящее имя или имя, символизирующая роль которого в большей или меньшей мере приглушена, – в том и в другом случае «значимость» собственного имени оттеняет тенденцию, идейную направленность произведения. Да и не просто служит тенденции, а является одним из тех стилистических средств, в которых последняя с наибольшей непосредственностью и обнаженностью воплощается. Ведь «говорящие» имена для того только и наделены способностью «говорить», в отличие от обычных, «немых» имен, чтобы акцентировать соответствующую тенденцию [Магазаник 1978: 44-45].

«Разумеется, отнюдь не каждое имя, название, живущее на страницах произведений литературы, является “говорящим” в прямом смысле, – отмечает М.В. Горбаневский. – Эпоха, близкая тому или иному художнику слова, запечатлевается им во всех проявлениях. В рассказах и повестях, романах и новеллах живут, работают, творят, мечтают люди, текут реки, бушуют штормы в морях и океанах, вырастают и исчезают деревни, посёлки, города, светят звёзды – всё так, как в реальной жизни. Поэтому, конечно, писатели не могут в своей работе обойтись и без использования имён собственных, причём практически всех разновидностей: от имён и фамилий до географических названий, от наименований планет до кличек животных» [Горбаневский 1988: 4].

В художественной литературе нередко прибегают также к приему использования собственного имени как своеобразного воплощения в образе-персонаже «цитаты» из поговорки и пословицы. Тогда имя персонажа становится намеком на соответствующий фразеологизм. Иногда имена собственные в литературном произведении ассоциируются и с пословицами, поговорками или присловьями, не заключающими в себе имен. Имя совершенно обычное, отнюдь не условное имя-бирка, подобное именам героев классицизма, оказывается художественным, характеристическим средством, обретает некий художественный смысл, подразумевая определенный фразеологизм, с которым связывается данный образ-персонаж. Это – один из

важных приемов поэтической антропонимии, т.е. художественного использования собственных имен [Магазаник 1969: 162].

«Нет сомнения: в литературном творчестве имена – суть категории познания личности», – утверждает П. Флоренский.

А.В. Чигирева, В.А. Бондарь считают, что антропонимы в произведениях, будучи стилистически насыщенными, не только отражают характер, душевные качества персонажа, но и способны создавать сатирико-иронический эффект, раскрывать национальную принадлежность героя, обладать мотивировочными характеристиками, связанными с профессиональными или социальными отличительными признаками носителя имени. Выполняя стилистические функции в художественном произведении, антропонимы способствуют более полному и четкому выявлению сущности именуемого персонажа.

Писатель свободен при выборе имен для своих персонажей, формируя определенную систему собственных наименований, специфика которых во многом зависит от жанра художественного произведения. Жанр влияет как на способы введения антропонимов в художественный текст, так и на их стилистическое функционирование. В силу определённых семантических связей и фонетического оформления антропонимы могут формировать у читателя то или иное отношение к персонажу, воздействовать на его эстетические оценки, порождая тем самым симпатии или антипатии к герою произведения [Чигирева, Бондарь 2001: 104-105].

А.В. Суперанская считает, что благодаря своей экспрессивности и стилистическому потенциалу имена могут вызывать самые разнообразные эмоции, они способны «огорчать и радовать, нравиться или вызывать отвращение, быть предметом досады или гордости» [Суперанская 1964: 95].

А.В. Чигирева, В.А. Бондарь, исследовавшие стилистические функции антропонимов в романах Ч. Диккенса, отмечают, что особый интерес представляют случаи, когда в реалистическом произведении актуализируется символическое значение тех антропонимов, этимологическое значение которых обычно не коррелирует с образом персонажа. В этом случае подобная

актуализация превращается в важный фактор текстообразования, выражения идейного смысла произведения. Популярность того или иного имени определяется симпатиями или антипатиями к нему, в основе которых часто лежат глубокие, имеющие общественно-исторический характер, причины. Так, одна из героинь романа «Домби и сын» носит имя Эдит (Edith). Его этимологическое значение – «битва за собственность» никак не может быть прямо связано с самим образом, так как в системе общеупотребительной антропонимической лексики имя Edith считалось неким символом обречённости, одиночества, отсутствия семейных радостей, что и попытался подчеркнуть Чарльз Диккенс в образе этой героини. Эдит Грейнджер действительно чувствовала себя одинокой, обречённой на отсутствие в её жизни настоящей любви и привязанности, порабощённой властным «хозяином» Полем Домби, который никогда не интересовался реальными чувствами [Чигирева, Бондарь 2001: 106-107].

Наряду с социальными и стилистическими, о которых говорилось выше, в художественной литературе используются эстетические оценки имени персонажа (как «красивого»). В литературе распространён прием подчеркивания «эстетичности» имени – противопоставление «красивым» именам «будничных» отчеств и фамилий (для создания контраста). Одним из признаков «эстетичности» личного имени принято считать его благозвучие (или «звучность») [Шварцкопф 1976: 56-58].

Так, в романе Р. Мухаметзянова «Бүре сагышы» («Волчья тоска») герой обращает внимание на звучность фамилии своего собеседника:

« – ... утыз алтынчы елларда СССР Испаниянең бик күп ятимнәрен кабул иткән. Минем әти шулар арасында булган. Шулай итеп, әти Сергей Исабельгә әверелгән; ә мин , Исабель дип әйтергә кыенрак булгач, тоттым да хатын фамилиясен алдым.

– Фамилиягезне юкка үзгәрткәнсез. Исабель ничектер, ошыйрак төшә, яңгырашы матур» [Мөхәммәтҗанов 1992: 10].

Таким образом, имя в художественном произведении заключает в себе социальный, стилистический и эстетический аспекты.

3.3. Роль звукового облика имен в литературных произведениях.

При выборе или создании имени литературному герою немаловажную роль играет звуковое оформление. Не только этимологическое значение имени, но и фонетическая ассоциация может способствовать раскрытию характера персонажа, передать его суть.

П.А. Флоренский утверждает, что для многих писателей звук имени и вообще словесный облик имени открывает далекие последствия в судьбе носящего это имя. О небезразличности писателей к выбору имен свидетельствует множество историко-литературных фактов. Например, как за парадным обедом побледнел и почувствовал себя дурно Флобер при рассказе Эмиля Золя о задуманном романе, действующие лица которого должны были носить имена Бювара и Пекюшэ. Ведь он, кажется, не дождавшись конца обеда, отвел Золя в сторону и, задыхаясь от волнения, стал буквально умолять его уступить ему эти имена, потому что без них он не может написать своего романа. Золя оказал это одолжение. Но это было именно одолжение, и сам Золя был далеко не безразличен к именам. Третий из этой плеяды натуралистов, Оноре де Бальзак, тоже считался с выбором имени. Когда он создавал действующее лицо, то был озабочен, чтобы имя подходило к герою, «как десна к зубу, как ноготь к пальцу» [Флоренский 1998: 451-452].

Закон социальной и характеристической мотивировки имени персонажа реалистического искусства всегда присутствует в ономастическом творчестве всех крупных мастеров прозы, драматургии и поэзии. Тем экспрессивнее действует на читателя исключение из этого правила, когда выбор ономастической номинации для каждого случая подчиняется лишь индивидуальным ассоциативным импульсам, возникающим как бы вне конкретной национальной модели и нормы речевого узуса. При этом главным в именовании становится его звуковая экспрессия, обнаженная звукопись,

которая очень отдаленно и неосознанно может вызывать оценочные ассоциации (положительные или отрицательные) [Фонякова 1990: 51].

По мнению М.В. Горбаневского, при выборе имени литературному герою иногда на первый план выступают звуковые ассоциации, музыкальность, необычность звучания собственного имени. В качестве примера он приводит имя героини повести А. Грина «Алые паруса» – Ассоль: «У каждого из нас, читавших эту книгу, вероятно, существует свой образ этой милой девушки, которой выпало в жизни счастье любить и быть любимой честным, добрым, преданным человеком. Надо сказать, что имя Ассоль А. Грину полюбилось рано. Первый раз героиню с таким именем мы встречаем в рассказе «Вокруг света», написанном в 1916 году. Мы еще не знаем, как она выглядит, но уже чувствуем прекрасные черты, близкие писателю-романтику. В 1917 году появляется другой его рассказ – «Враги». Его героиня тоже носит имя Ассоль. Здесь автор обращает наше внимание на «замкнутую грусть», на «улыбку потрясающей радости, которая временами озаряла лицо и глаза, в которых выражалось детское недоумение». О мотивах выбора, создания имени Ассоль образно и точно написала в своих воспоминаниях жена писателя – Н.Н. Грин:

«Для Александра Степановича в имени человека было важно музыкальное ощущение. В придуманном, необычно звучащем имени для него всегда таится внутренний образ человека. Этимология знаменитого имени Ассоль (от испанского *al sol, para el sol* – «к солнцу») мало кому известна и фонетически «смазана» – смысл первоисточника целиком поглощен здесь «странным, однотонным, музыкальным, как свист стрелы или шум морской раковины, звучанием» [Горбаневский 1988: 6-7].

По подсчетам исследователей, в шеститомном собрании сочинений А. Грина около 825 антропонимов. Заметным признаком их выступают одно-двухслоговое построение, обилие двойных согласных и имен с начальным «а»: Ассунта, Агассиц, Алль, Теллурии и др. Как отмечает О.И. Фонякова, основную часть гриновских имен составляют те, где на первое место

выдвигалось экзотическое звучание, музыкальный образ имени, его благозвучие и таинственные ассоциации, своего рода звуковая магия.

Вымышленная звуковая форма внemodelного имени делает его экзотичным и лишает социальных коннотаций, но психологический рисунок образа – носителя имени помогает сохранить связь с той действительностью, от которой писатель отталкивался в своем романтическом ономастическом творчестве [Фонякова 1990: 50].

На особую роль звуков в имени обращает внимание Вяч. Иванов. Разбирая поэму А.С. Пушкина “Цыгане”, он останавливается на имени Мариула. “Это глубоко женственное и музыкальное имя есть звуковая материя, из которой оформляется вся поэма – непосредственное явление стихии цыганства. Фонетика мелодического стихотворения обнаруживает как бы предпочтение гласного у, то глухого и задумчивого, и уходящего в былое и минувшее, то колоритно-дикого, то знойного и унылого; смуглая окраска этого звука или выдвигается в ритме, или усиливается оттенками окружающих его гласных сочетаний и аллитерациями согласных. Для Пушкина имя Мариула служит особым разрезом мира, особым углом зрения на мир, и оно не только едино в себе, но все собою пронизывает и определяет. Но как имя воплощено в звуке, то и духовная сущность его постигается преимущественно вчувствованием в звуковую его плоть” [Флоренский 1998: 454-455].

“Выбор поэтом (писателем) имени персонажа – область ономастических исследований, где измерение фонетического значения слова может оказаться наиболее полезным и необходимым, – говорит А.В. Пузырёв. – А.С. Пушкин, например, не сразу нашёл имя для главной героини «Евгения Онегина»: сначала он назвал её Наташей и лишь затем – Татьяной”.

Используя формулу А.П. Журавлёва, А.В. Пузырёв вычислил фонетические значения данных имён. Результаты вычислений убеждают, что в звукосимволическом аспекте имя Татьяна предпочтительнее:

Наташа – это нечто большое, мужественное, простое, могучее;

Татьяна – нечто хорошее, простое, красивое, величественное, яркое, радостное, храброе [Пузырёв 1984: 124].

Из приведенных примеров видно, что звуковой облик имен является объектом внимания исследователей. В тюркологии, и в татарском языкознании в частности, есть отдельные работы, посвященные изучению семантики и функции имен собственных в литературных произведениях, но звуковая сторона имен мало изучена. Здесь можно отметить работу Р.Х. Гарраповой «Поэтическая ономастика прозы М. Магдеева», в которой автор говорит о четырех видах функциональной мотивированности собственных имен в произведениях М. Магдеева, одной из которых является фонетическая мотивированность. Фонетическая мотивированность предполагает мотивированность символикой составляющих имя звуков [Гаррапова 2000: 11-13].

Таким образом, фоносимволический аспект в именах литературных героев требует дальнейших исследований. Мы думаем, что тот или иной комплекс звуков в имени помогает раскрытию характера персонажа, чему посвящена следующая глава данной работы.

3.4. Фонетические значения имен литературных персонажей (на материале произведений татарских писателей).

Каждому имени присуще определённое значение. При подборе человеку имени часто учитывается, что оно означает, потому что «имя даётся один раз и становится жизненным спутником» [Саттаров-Муллиле 1998: 5], отражает содержание, то есть суть самого человека. Наиболее ярко проявляется это в художественных произведениях. Как известно, выбор имени литературному герою является очень сложным творческим процессом, потому что имя, так или иначе, характеризует героя. Автор может подобрать для персонажа говорящее имя, тогда читатель сразу может определить, какой перед ним герой.

Иногда автор подбирает такое имя, лексическое значение которого соответствует сущности персонажа. А играет ли какую-либо роль фонетическое значение имени?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы решили проанализировать звуковой облик имен литературных героев. Исследования в этой области были начаты доктором филологических наук, профессором Х.Х. Салимовым. Он приводит в качестве примера имена *Лэйлэгөл* и *Хушият* из романа М. Магдеева «Фронтвики». Фонетическое значение имени *Лэйлэгөл* – “нежное”, “лёгкое”, “мягкое”, “доброе”, а имени *Хушият* – “грубое”, “тяжёлое”, “шероховатое”, “злое”. Эти забытые имена с абсолютной точностью подходят к образам М. Магдеева: чистой, девственной, красивой, честной *Лэйлэгөл* и плаксивому, ворчливому доносчику *Хушияту* [Салимов 1999: 49 – 50].

В нашей работе фонетические значения имен персонажей были вычислены с помощью компьютерной программы NameSense. Объектом при проведении эксперимента стали произведения татарских писателей XX века.

Определим степень соответствия фонетического значения имен характеристикам персонажей в произведениях XX века, относящимся к разным литературным периодам.

Из произведений начала XX века рассмотрим повесть **Ф. Әмирхана** “**Хаят**” / “**Хэят**”. Вот как изображает автор главную героиню повести: “*Матур бу кызның озын керфекләре, кара күзләре алсу ак йөзәнә, могҗизалы якутлар шикелле, нур чәчеп торганлыктан, гүзәл башы, хәтта бөтен буе нурда йөзә шикелле күренә иде*” [Әмирхан 2002: 151-152]. Вычисления фонетической значимости слова [*хэйәт*] показывают, что из положительных признаков проявились “хороший” и “быстрый”, а из отрицательных – “грубый”, “темный”, “сложный”. На преобладание отрицательных признаков в этом имени повлиял начальный звук [*x*], имеющий отрицательные значения по вышеперечисленным признакам.

Из произведений периода Гражданской войны возьмем повесть **М. Гафури** “**Кара йөзләр**”. В повести показано, насколько сложный характер

приобретают отношения между людьми в условиях давления религии и законов шариата, с особым мастерством изображена плачевная судьба женщин. Героиня повести – крестьянская девушка Галима. Её трагедия – типичный случай в условиях классового неравенства и религиозного фанатизма. У этой героини были прототипы. Одна из них – родная сестра писателя Сафия. Вот как её описывал М. Гафури: *“Бу апам төскә матур, буйга зифа булып, артык мөлаем табигатьле, нечкә күңелле иде” [Татар әдәбияты тарихы 1989: 60]*. Галима была точно такой же красивой девушкой. Своей красотой, чистотой и трудолюбием она символизировала в этой тяжелой жизни светлое и прекрасное: *“Галимә апа кичә генә нинди шат иде!.. Чәй арасында һәммәбезне жанландырды, бөтен өй эчен матурландырып, нурландырып жиберде. Бер кичә генә түгел, элек тә ул безнең өйгә керү белән, өй эченә матурлык тула, бездә күңеллек арта, берсүзсез генә утырган әти белән әни, ул керү белән, сүзгә керешәләр, шулай итеп, аның керүе безнең өйдә жанлылык артуына сәбәп була торган иде” [Гафури 1981: 32]*. Её любовь к крестьянскому парню Закиру, человеку с такой же чистой душой, оборачивается трагедией.

По фоносемантическим признакам имя *Галима* [галимә] “сильное”, “храброе”, но в то же время “грубое”, “темное”, “шероховатое”, “вялое”. На преобладание отрицательных признаков в этом имени большую роль сыграл звук [Ғ], который по психоэмоциональному восприятию “плохой” (3,5), “грубый” (4,2), “отталкивающий” (4,0).

В имени *Закир* [закир] характерные признаки фонетического значения приобрели только положительную оценку: “хороший”, “нежный”, “красивый”, “сильный”, “светлый”.

По отношению к трагической судьбе героев персонажи произведения делятся на две противоположные группы. С одной стороны религиозные деятели и слепо им доверяющие люди, с другой стороны – не желающие с ними соглашаться простые люди. К таким положительным героям относятся: Бәдри, Хәмидә, Гали. В фонетических значениях данных персонажей только положительные признаки проявились в имени *Бәдри* [бәдри] (“хороший”,

“сильный”, “храбрый”, “простой”). В имени *Хамидә* [хәמידә] и *Гали* [гали], помимо положительных признаков, преобладают отрицательные “грубый”, “темный”, “сложный”. Здесь также большую роль сыграли начальные звуки, в которых преобладают отрицательные признаки, например, [х] характеризуется как “грубый”, “темный”, “шероховатый”, “сложный”, значение которого в абсолютном начале слова учетверяется.

Рассмотрим произведения из литературы 20–30-х годов. В романе **Ш. Камала «Матур туганда»** («Когда рождается прекрасное») интересен образ Каюма. Его индивидуальность раскрывается полнее. По своей природе это сдержанный человек, но несправедливость вызывает в нем резкое неприятие. Он на все смотрит серьезно, опираясь на свою интуицию или знания, полученные из книг. Ш. Камал характеризует его следующим образом: *“Каюм шактый белемле һәм эшлекле. Ләкин аңарда вакыт-вакыт нәрсәдер җитми. Яисә нәрсәдер артыбрак китә шикелле. Реаль шартларга бәя биреп җиткермәү һәм үз-үзенә артык ышаныч – менә нәрсә белән авырый булырга кирәк ул”* [Татар әдәбияты тарихы 1989: 413].

В данном имени проявились как положительные (“сильный”, “храбрый”), так и отрицательные признаки (“грубый”, “сложный”, “злой”), которые подходят к характеристике героя.

В рассказе **Г. Кутуя “Тапшырылмаган хатлар”** (“Неотосланные письма”) главные герои *Искәндәр* и *Галия*. Искандер по своим внешним данным очень красивый, статный. Но по сути это трусливый, эгоистичный человек. Галия в этом произведении предстает сильной, мужественной женщиной, сумевшей преодолеть все трудности жизни. Она достойна восхищения.

Хотя под влиянием начального звука [г] в этом имени преобладают отрицательные признаки, среди положительных выделяются “сильный” и “храбрый”, которые совпадают с характеристикой героини.

Искандер является отрицательным героем, но в звуковом облике этого имени проявились только положительные признаки. *Искәндәр* [искәндәр] –

“хорошее”, “нежное”, “веселое”, “красивое”, “светлое” имя. В данном случае звуковая ассоциация имени совпала с внешней характеристикой героя.

Далее возьмем произведения периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет.

Ф. Хөсни “Йөзек кашы”.

В этой повести большое внимание уделяется внутреннему миру героев. Главный герой Айдар Шаяхметов. Более всего он привлекает внимание читателей своей искренностью, открытостью. Другой герой повести – Госман. Эти два образа противопоставлены друг другу. Если один поражает прямоту и чистотой, то другому характерны только отрицательные качества.

Вычисления фонетического значения имен *Айдар* и *Госман* показывают, что в имени *Госман* [госман] преобладают только отрицательные признаки. А имя *Айдар* [айдар] представлено, как “хорошее”, “красивое”, “светлое”, “сильное”, “храброе”.

Г. Бәширов “Намус” / «Честь».

В романе положительными героями изображаются представители народа. Все присущие татарскому народу черты Г. Баширов воплотил в образе Нафисы. События романа происходят в тылу. Во время Великой Отечественной войны вся тяжесть советского тыла ложится на плечи женщин. Муж Нафисы погиб на фронте, такое же горе постигло тысячи женщин, поэтому этот образ близок читателям. *“Шулай булгач, үзәннән-үзе табигый, солдат хатыны Нәфисә күзгә күренмәс җепләр белән халык йөрәгенә, укучы йөрәгенә тоташа. Ягъни Нәфисә һичбер тартып китерүгә, автор тарафыннан өстәмә аңлатуларга мохтаж түгел, ул – халыкның үз баласы, үз хәсрәте. Нәфисә – ирекле заман хокукларыннан файдалана белүче, төпле акыллы хатын. Үз халкының язмышын ул иптәш кызлары Гөлзәбәрләрдән, Карлыгачлардан тирәнрәк аңлый һәм шуңа күрә дә аларның бригадиры булып күтәрелә. Ягъни ул автор теләгәнчә генә бригадир түгел, укучы аның җитәкчелек сыйфатларын – эш яратуын, бурычларны аңлата белүен, кешелекле һәм зирәк булуын адым саен тоеп тора.*

Мөлаемлеге, сүзгә тапкырлыгы, эчкерсезлеге белән ул укучының рухи дөнъясын баета, күңелләргә сафландырып, омтылышы, канатлы итә” [Татар әдәбияты тарихы 1989: 369].

По фоносемантическим ассоциациям имя *Нәфисә* [нәфисә] обладает только положительными значениями: “хорошее”, “нежное”, “быстрое”, “простое”, “доброе”. Значит, не только лексическое значение передает суть героя, но и звуковой облик слова способствует положительному психоэмоциональному восприятию.

В произведениях периода Великой Отечественной войны, естественно, на первом плане стоит образ солдата. В рассказах **А. Еники** образ солдата раскрывается в разных ракурсах, но они объединены одной целью, одним стремлением, и это делает их похожими друг на друга. Все они: Зариф («Бала» / «Дитя»), Хәсән («Ана һәм кыз» / «Мать и дочь»), Гомәр («Бер генә сәгаткә» / «На одну минуту») – борются за мир, за благополучие своей Родины, за спокойствие близких и родных. Их можно охарактеризовать, как сильные, смелые и мужественные.

Из данных персонажей признак “сильный” проявился в имени *Гомәр* [гомәр]. Только положительными признаками обладает имя *Зариф* [зариф]: “хорошее”, “нежное”, “веселое”, “быстрое”, “легкое”.

Рассмотрим произведения 60–90-х годов. В повести **А. Еники** “**Йөрәк сере**” / “**Тайна сердца**” рассказывается об истории любви девушки по имени *Зәһрә*, которая борется за свое счастье. Автор-рассказчик был поражен её красотой, она была для него идеалом. Вот как описывает её автор: «...Әйе, сүз дә юк, ул чибәр иде. Якыннан аның йөзе бик чиста, тик кечкенә колакларыннан түбән яңак сөяге читендә ак мамык төкләр күзгә чагыла. Ләкин алар аңа бик килешәләр кебек, ничектер аны йомшак итеп, мөлаем итеп күрсәтәләр. Аз гына кайтарылып торган алсу иреннәре дә аның йомшак кебек, бик саф кебек, дорфа-ямьсез сүз әйтә алмыйдыр кебек... Алкаланып колак артларына төшкән куе аксыл чәче дә, ап-ак муены да, хәтта аз гына жәенкерәк борыны да – барысы да аңа тулаем бер сөйкемле йомшаклык биреп тора кебек.

Ачык, аңлаешлы, якты бер кеше булып тоелды ул миңа. Ничектер әсиңел, рәхәт иде аның белән сөйләшүе. Гаҗәп табиғый итеп тотта икән ул үзен. Күп хатыннар шикелле, укам коела күрмәсен дип, бер дә юкка һаваланып маташмый икән. Шул ук вакытта нидер менә – мөлаем гадилегеме, әллә кеше белән тигез хәр була белүеме, әйтә дә алмыйм – әйе, нидер менә аңа соклану-хөрмәт белән карарга мәҗбүр итә иде» [Еники 2002: 287, 295].

Слов нет, она была красивой. Все черты лица придавали ей мягкую обаятельность. Открытым, светлым человеком казалась она ему: удивительно естественно вела себя, как-то легко и хорошо было с ней общаться. Или её милая простота, или умение свободно держать себя заставляли смотреть на нее с почтением и уважением.

Уже в самом лексическом значении имени содержится основная информация: *Зөһрә* в переводе с арабского буквально означает ‘блеск, красота’. Для этого имени определим содержательность звуковой стороны слова по шкалам: нежный – грубый, красивый – отталкивающий, светлый – темный.

Результаты вычислений показали, что по шкале *нежный – грубый* преобладает признак “нежный” (2,6); по шкале *красивый – отталкивающий* проявляется признак “красивый” (2,5), по шкале *светлый – темный – “светлый”* (2,4).

Ә. Еники “Рәшә” / “Марево”.

Главные герои повести Зөфәр и Рәшидә. Зөфәр Сабитов целеустремленный, двуличный человек, у которого свои жизненные принципы. Автор создал образ, вобравший в себя многие отрицательные качества людей. Для него на первом месте стоит материальное богатство. Все его поступки основаны на холодном расчете. *“Һәр эштәге шикелле хиссият мәсьәләсендә дә үлчәү-чаманы ярата иде”* [Еники 1971: 9]. / «Зуфар был очень осторожен, никогда не говорил лишнего, не старался умничать и с удовольствием слушал Рашиду, но о своих мыслях и желаниях не распространялся – нежный, любящий, ласковый, он всегда сохранял трезвость рассудка», – пишет А. Еники [Еники 1974: 278]. Хотя на первый взгляд он кажется вполне хорошим

человеком. “...Зөфәр, болай өстән караганда, әйбәт кеше иде, аннары, кирәксә, гомумән ул үзен иң уңай яктан күрсәтә дә белә иде. Рәхим ит, ул игътибарлы да, ачык йөзле да, йомшак телле да, тыйнак, сабыр да, кыскасы – милый человек!” [Еники 1971: 72]. / «Зуфар действительно казался порядочным человеком. Внимательный, лицо открытое, говорит мягко, выдержанный, терпеливый,— словом, милый человек!» [Еники 1974: 278].

Рәшидә совершенно противоположный человек. Её жизненные принципы далеки от денежного расчета. Она живет чувствами и, полюбив, полностью отдается своим чувствам. “Гүзәл, ак хыяллы, нечкә, пакъ жәнлы бер хатын, – так описывает ее А. Еники. – Сылу-чибәр артистка. Рәшидә!.. Күпме мөлаемлык, жылылык, нәфислек, хәйләкәрлек, иркәлек бөркелеп тора аңардан!..” [Еники 1971: 19]. / «Рашида!.. Она и обаятельная, милая, нежная, и лукавая, своевольная. Как быстро меняется у неё выражение лица, каким светом оно вдруг вспыхивает...» [Еники 1974: 236].

Именно она смогла затронуть сердце Зуфара, но рационалистические взгляды на жизнь не позволяют ему признаться в своих чувствах. Он оценивает Рашиду, в первую очередь, только как дорогую “вещь”. Рядом с чистосердечной, прямодушной Рашидой расчетливый Зуфар кажется намного ниже с нравственной стороны.

Имя *Рәшидә* вызывает у читателей ассоциацию со словом *рәшә / марево*. Лексическое значение этого слова и сочетание звуков дополняют образ. Для раскрытия образа героя большую роль играет здесь и этимологическое значение. *Рәшидә* в переводе с арабского означает “идущая по правильному пути”. Значение имени помогает раскрыть идеологическую функцию образа. “Дөнъяда бары рухи кыйммәтләр (тугърылык, эчкерсезлек һ.б.) маңгелек, һәм шуларны үзенә яшәү принцибы итеп алган кеше генә беркайчан да туры юлдан (намусың, йөрәгең кушкан юлдан) тайпылмаячак. Рәшидә исә нәкъ шундый кеше: аның күңеле, жәнаны акча-мал мәсьәләләре белән керләnmәгән; ул үзеннән бигрәк, кешеләрне бәхетле итеп күрергә тели һәм гомерен дә шул юлда үткәрергә риза ул” [Зиннатуллина 2005: 98].

Человек, жизненные принципы которого основываются на духовных ценностях, никогда не свернет с правильного пути. Рашида именно такой человек. Она прежде всего хочет видеть людей счастливыми и стремится свою жизнь посвятить этому.

В фонетическом значении имени *Рәшида* [рәшида] проявились признаки “хороший”, “простой”, “сильный”, “красивый”, “храбрый”, что вполне подходит характеристике героини.

Имя *Зөфәр* [зөфәр] по звуковым ассоциациям воспринимается как “простое”, “хорошее”, “нежное”, “светлое”, “доброе”. Здесь видно несоответствие между звуковым оформлением и характеристикой героя.

Привлекает внимание ещё один персонаж этой повести – Гамбәр. Уже само столь редкое имя вызывает интерес к этой героине. Вот что думает о ней Зөфәр: *“Гамбәр туташ! Бу исемнең үзендә үк ниндидер хыялны котырта, күңелне тарта торган бер сихер бар кебек. Мондый исемле кыз чынлап та бик оригинальный булырга тиештер инде ул...”* [Еники 1971: 143]. / «Мысли его невольно обратились к Гамбер. Имя было необычное. Девушка с таким именем, наверное, и сама необычна, оригинальна» [Еники 1974: 336].

Гамбәр – скромная, милая, красивая девушка. Первое, на что обратил внимание Зөфәр при встрече с ней, – это стройная фигура и дорогая, со вкусом подобранная одежда. *“Иң элек Зөфәрнең күзенә ташланган нәрсә шул булды – кыз буйга кечкенә, гәүдәгә бик жыйнак – миниатюрный иде. Аңа әле “туташ” дип дәшәргә дә иртәрәк кебек иде. Әмма ул яшь ханымнардай бик бай, бик зәвыклы итеп киенгән иде. Өстендә аның, фигурасына спай ятып, туры гына төшкән, шунлыктан буен озынрак та, нәфисрәк тә итеп күрсәткән бик затлы яшел йон күлмәк. Аякларында биек үкчәле, көзгедәй кара “лодочкалар”. Колакларында жем-жем уйнаган кечкенә бриллиант алкалар, ә ап-ак муенында вак кына энжәләрдән өч рәтләп тезгән кыйммәтле муенса. Һәм болар барысы да аңа бик килешеп, ничектер бөтен кыяфәтен яктыртып тора иде”* [Еники 1971: 171]. / «Зуфару прежде всего бросилось в глаза, что девушка очень маленькая и стройная – миниатюрная, скорее примешь её за девочку, чем за

взрослую девушку. Но одета она была богато и модно, как одеваются молодые женщины. Облегающее фигуру зеленое шерстяное платье подчеркивало стройность Гамбер. Обута она была в черные лакированные лодочки. В ушах сверкали бриллиантовые серёжки, а шею обвивало в три ряда дорогое жемчужное ожерелье. И надо сказать, что все это было ей к лицу, шло ей» [Еники 1974: 358].

Вычислим фонетическое значение имени *Гамбэр* [*гамбэр*] по шкалам: *нежный – грубый, светлый – темный, красивый – отталкивающий*. Результаты вычислений показывают, что по всем этим шкалам проявились отрицательные признаки: “грубый” (3,7), “темный” (3,6), “отталкивающий” (3,4).

Скорее всего, нарекая красивую и милую героиню из богатой семьи именем *Гамбэр*, А. Еники ставил на первое место лексическое значение имени. *Гамбэр* в переводе с арабского означает: “1. Выхухоль. 2. Духи” [Саттаров 1998: 351]. Эти два значения: водяное животное с высоко ценящимся мехом темно-бурого цвета и духи, - являются прямой характеристикой мещанской семьи.

Ә. Еники “Төнге тамчылар” / “Ночная капля”.

В рассказе проитвопоставлены два образа: Лэйлэ и Мэрвэр. Профессор Хэлил Ишмаев когда-то был влюблен в красивую и милую девушку по имени Лэйлэ. *“Кызның исеме Лэйлэ иде. Гаҗәп, кайчагында кешенең исеме үзенә ничектер бик туры килеп, бик килешеп тора. Гүя менә бу кыз да ак күбәләк кебек нәфис, әңгел, нечкә җанлы булганга күрә Лэйлэ исемле иде. Лэйләдән башка бүтән бер исем дә аңа һич туры килмәс кебек иде. Һәм, әйтерсең, ак күбәләккә охшаганга күрә дә аңардан чәчәкләр дөнъясына хас табигый садәлек, назлы-нәфис сөйкемлелек аңкып тора иде”* [Еники 1971: 282]. / «Это удивительно, как иногда имя подходит к человеку. Казалось, что за эту её лёгкость, лёгкость белокрылой бабочки, за непередаваемую грацию, тонкость души и назвали её Лейлой. Никакое другое имя, казалось, не подошло бы ей. Простота и естественность очаровательно сочетались в ней с милым кокетством» [Еники 1974: 87]. Несмотря на огромную любовь к ней, Халил Ишмаев связывает свою судьбу с другой девушкой, имеющей влиятельных

родственников, надеясь тем самым достичь карьерных высот. В рассказе нет подробных внешних описаний Мэрвэр, дается только небольшая характеристика: *“Тынгы белмәс активист, сизгер-уяу, сүзгә оста, өркөтергә ярата, – кыскасы, яшьләр арасында бик ялтырап йөрүче кызларның берсе иде ул...”* [Еники 1971: 283]. / «Неустанная активистка, бойкая на язык, она была на виду...» [Еники 1974: 88].

Но любовь к девушке Лэйлэ всегда жила в его сердце и вновь вспыхнула спустя двадцать пять лет: *“Ниндирәк икән ул? Кайчандыр күбәләктәй әсиңел-сылу кыз хәзер кырыктан узган хатын булгач нинди кыяфәткә керде икән? Бер күрүдә таный алыр идеме икән ул аны? Бик нәфис, бик чибәр иде бит ул, шайтан алгыры! Керфекләре кара, ә күзләре якты-соры иде, шунлыктан кара каймалы булып күренәләр иде ул күзләр. Озаграк карап торсаң, шул күзләрнең төбөндә акрын гына эреп югалган шикелле тоя идең үзеңне... Хәзер ничек икән? Сакландымы икән аның кара каймалы якты күзләре, нурда югандай бик чиста көрәнсу йөзе, жиргә тияр-тимәс кенә йөргән камыштай нечкә, зифа гәүдәсе?.. Хәер, энә күргән хатыннар аны бик сакланган, хәзер дә шундый ук сылу-чибәр дип әйтәләр. Гаҗәп түгел. Ул бит явызлыгыннан чыбыктай кибә яки ваемсызлыгыннан камырдай күперә торган хатын булмаска тиеш иде. Нәфислекне бик нечкә тоя торган гаҗәп сизгер әсан бар иде аңарда...”* [Еники 1971: 287]. / «Какая она теперь? Как она выглядит, перевалив за сорок, та милая легкая белокрылая бабочка? Узнает ли он ее? Сколько было в ней красоты, грации, черт побери!

Светлые серые глаза ее, в густых, черных ресницах, были словно обведены темной каемкой. Бывало, заглядишься в эти глаза и чувствуешь, как растворяешься, исчезаешь где-то в самой глубине их... Так ли теперь?.. Сохранились ли — и этот свет в ее глазах, и чистота ее смуглого лица, словно бы обласканного лучами солнца, и легкость ног, едва касавшихся земли, гибкость стройного стана?.. Впрочем, женщины и сейчас говорят, что она удивительно сохранилась, что она по-прежнему очаровательна» [Еники 1974: 90-91].

И вот долгожданная встреча состоялась. Он вновь увидел свою первую любовь. Лэйлэ очень сильно изменилась, стала ещё красивее. *“Дәрес, шактый нык үзгәргән, әмма матур булып үзгәргән Лэйлэ бу... Ничектер буйга үсә тәшеп, берәз тулыланып киткән. Кыз чагындагы самими нәфислегенә үзен бик карый белә торган хатыннарга гына хас нәзакәтле гүзәллек өстәлгән... Хәзер аны гамьсез ак күбәләккә түгел, ә горур аккошка охшатырга мөмкин булып иде... Ә йөзе шул ук тулы иренле, бик чиста йөз, күзләре дә шул ук кара каймалы якты күзләр...”* [Еники 1971: 295]. / «Теперь её можно было бы сравнить не с белокрылой бабочкой, а с белой лебедью... А лицо у неё по-прежнему чистое, губы полные и глаза те же – светлые с темной каемкой... Ах, ему же, ему могли принадлежать этот стан, это прекрасное лицо и эти светлые глаза!» [Еники 1974: 98].

Проверим, насколько фонетические значения имен соответствуют характеристикам персонажей. Имя *Лэйлэ* характеризуется как “красивое”, “нежное”, “хорошее”, “светлое”, “простое”, “легкое”. А в имени *Мәрвәр*, кроме положительных, проявился отрицательный признак – “шероховатый”. Значит, уже по своему звучанию имя Лэйлэ превосходит Мәрвәр.

В повести **М. Магдеева** “**Ут чәчәге**” своей красотой отличается девушка по имени Сылу. В переводе с татарского это слово означает ‘красивая’, ‘изящная’. Имя очень точно подходит героине. В фонетическом значении имени по шкале *красивый – отталкивающий* также проявился признак “красивый”.

Другой персонаж этой повести Минжан карт изображается человеком неприятной внешности, некрасивым. *“Минжан карт тышкы кыяфәте белән бик ямьсез кеше иде: яньчек борынлы, йөнтәс кашлы, черек тешле, чыгынкы яңакларына төк үскән, чепи күзле мондый иләмсез адәм якын-тирә авылларда берәү генә...”* [Мәһдиев 1995: 387].

Но в фонетическом значении данного имени также проявился признак “красивый”. Здесь большую роль сыграл первый слог, в котором звучные, “красивые” звуки.

Возьмём для примера роман А. Абсалямова “Белые цветы” / “Ак чәчәкләр”. Героями романа являются Абузар, Гульшагида, Фазылджан, Мадина, Асия, Самат и др. Дадим небольшие характеристики героям и сопоставим их с фонетическими значениями имён.

Гульшагида – главная героиня романа, человек с открытым сердцем, добрая, заботливая и отзывчивая. Преданна своей профессии, любит свою работу и людей, ей доверяют, всегда приветлива. Она высокая, стройная, красивая. Характер сильный, независимый. Она человек чувства. Вот что мы читаем о ней в произведении: «Её иссиня-чёрные, как вороново крыло, волосы уложены в высокую причёску. Чёрные брови и глаза, свежее, розовое лицо, открытая шея – всё было красиво и женственно в ней. Хорошо сшитое платье, туфли на высоком каблучке подчёркивали стройность её фигуры» [Абсалямов 1993: 164]. / *“Кара чәч, кара күз һәм кара каш, алсу ак йөз, нәфис ачык муен, зифа буена килешеп торган кара йон күлмәк, биек үкчәле түфли кигән матур аяклар аны башка хатын-кызлардан шактый аерып тора иде”* [Әпсәләмов 1989: 174].

Вычислив с помощью компьютерной программы фонетическое значение имени *Гәлишәнидә* [гәлишәнидә], обнаруживаем, что преобладающими являются признаки “хороший”, “красивый”, “легкий”, “добрый”, “подвижный”. Фоносемантическая характеристика имени полностью совпадает с образом.

Далее по тексту читаем характеристику следующего героя: «...у Фазылджана Джангировича солидная фигура, располагающее лицо, на щеках играет здоровый румянец. Немножко начало расти брюшко, но под длинным, в меру просторным больничным халатом оно почти незаметно. Трудно определить точно, сколько ему лет. Бывают ведь мужчины, которым можно дать и сорок, и пятьдесят. Янгура был одним из таких счастливицков. Прядь седых волос над широким, выступающим вперёд лбом нисколько не старила Фазылджана, казалось, придавала лицу его больше благородства» [Абсалямов 1993: 51]. / *“Хирургларның күбесе кебек Фазылжан да буйга-сынга мәһабәт, йөзгә чибәр, яңакларында сәламәт алсулык уйнап тора. Корсагы калыная*

башлаган, эмма озын халат астында сизелми диярлек. Аның ничә яшьтә икәннен тагаен әйтү дә читен. Кырыкны да, иллене дә биреп була торган билгесез яшьтәге ирләр була бит. Яңгура шундыйларның берсе иде. Киң һәм алгарак чыгып торган маңгае өстендәге бер тотам ак чәче дә шул билгесезлекне арттыра төшә шикелле” [Әпсәләмов 1989: 54].

Фазылджан – сильный, здоровый, крепкий. Расчётливый и эгоистичный человек. Очень хитрый, Фатихаттай прозвала его «мышинные глазки». Готов на любую подлость. Очень высокомерный и надменный.

Вычисления фонетической значимости имени Фазылжан [фазылҗан] показывают, что здесь проявляются признаки “хороший”, “быстрый”, “легкий”, “подвижный”.

Абузар – строгий, справедливый, человечный, добрый, искренний. / *“Профессор Әбүзәр Таһиров Казанда йөрәк авырулары буенча иң зур белгечләрнең берсе санала. Аңа күренер өчен төрле шәһәрләрдән һәм авыллардан йөзләрчә кешеләр килә. Халык арасында аның абруе, дан-шөһрәте бик зур. Аның ягымлы, игътибарлы булуы һәм сәләте турында хәтта легендалар йөри” [Әпсәләмов 1989: 29].*

В имени Әбүзәр [әбүзәр] проявилось 11 положительных признаков, из которых подходят характеристике героя следующие: “хороший”, “красивый”, “светлый”, “сильный”, “добрый”.

Мәдинә – нежная, любящая, ласковая, добрая, тихая, заботливая. Содержательность звуковой формы этого имени составляют признаки: “хороший”, “нежный”, “красивый”, “простой”, “легкий”, – дополняющие характеристику, данную нами.

Асия – весёлая, добродушная, жизнерадостная, увлекается музыкой. По фоносемантическим характеристикам это имя “хорошее”, “нежное”, “веселое”, “красивое”, “светлое”, “сильное”. Юматша – верный и надёжный друг, отстаивает правду, искренний, любящий, жизнерадостный, готов на самопожертвование, «хороший джигит» [Абсалямков 1993: 12]. Фонетическая

значимость данного имени – “хороший” и “злой”, где первый признак отражает характеристику героя.

В повести **Х. Сарьяна “Пять сыновей одной матери” / “Бер ананың биш улы”** показана история одной семьи. Героями повести являются Раббани, Мирза, Хэвадис, Сирина, Эдрэн. На их долю выпало множество испытаний. Когда старшему было семнадцать, а младшему – семь, умирает отец. Страшие сыновья продолжают дело отца, работают в кузнице. Не обошла их стороной и Великая Отечественная война. Повествование ведётся от лица одного из сыновей. Перед читателем проходит судьба детей. Все они высокие, сильные, мужественные, только средний сын Хэвадис отличался болезненностью. Это человек тонкой души, хороший музыкант. В повести читаем следующую характеристику: *“Хэвадис абый бездэн бик нык аерылып тора иде. Без дүртебез этигә охшаган: жэенке каш, киңчә борын, коңгырт йөз; хэтта тавышыбыз да бердэй – ачылып ук житмэгән күк иде. Без гәүдәгә дә бердэй таза, калын жылкәләрдә кайвакыт каннарны язып жиберәсе килгән ят бер көч бар иде. Хэвадис абый гына берүзе эни ягына тартым: зәңгәр күзле, озынча матур йөзле, аксыл житү чәч; ул буйга да Ниязкул камышыдай төз, шуның аркасында, бездэн озын булмаса да, безнең янда ничектер калкып торган төсле иде. Эни яклары жырычы да, гармунчы да булып, Хэвадис абый да шулар ягына китте. Клубның сигез телле саратский гармуны бар иде, шуны кай арада өйрәнгәндер, өздөрөп бер уйнап жиберсә, бармакларын жән йөртәдер моның, диерләр иде”* [Сарьян 2000: 15-16].

По психоэмоциональному восприятию имя *Хэвадис* [хэвадис] “грубое”, “темное”, “шероховатое”, “сложное», но в то же время и “хорошее”. На проявление отрицательных признаков повлиял здесь начальный звук [х], который имеет соответствующие характеристики.

Имена Мирза [мирза], Эдрэн [эдрэн], Сирина [сирина] обладают только положительными признаками, из которых “хороший” и “красивый” проявляются во всех трех именах и соответствуют характеристикам, данным в повести.

Полностью соответствует характеристике персонажа фонетическое значение имени Раббани [*раббани*]: “большой”, “красивый”, “сильный”, “храбрый”.

Наиболее ярко соответствие характеристики литературного героя фонетическому значению имени проявляется в романе **Р. Мухамадиева «Львы и канарейки»**. В этом романе можно выделить любовный треугольник: Арслан – Асия – Фидаиль. Центральной фигурой романа является Арслан. Вот как автор представляет своего героя: *«Высокий, крепкий мужчина лет сорока. Уверенный, гордый, полный самоуважения и даже самонадеянности. Одеждой, ростом, спокойным видом и всей повадкой, в которой вместе с достоинством была лёгкая, чем-то даже приятная заносчивость, он сразу бросался в глаза»* [Мухамадиев 1992: 3-4]. Далее читаем, что он *«сильная личность»*, *«потому его и называют Арсланом Сахиповичем, уважают и ходят перед ним по ниточке, что он сильный, смелый и решительный»* [Мухамадиев 1992: 165, 191]. Автор неслучайно выбрал такое имя герою: *Арслан* в переводе с тюркского – ‘лев’. Определим его фонетическое значение. Вычисления показали, что звуковое оформление имени соответствует признакам “большой”, “красивый”, “сильный”, “храбрый”, “злой”.

Главная героиня романа – Асия. Она характеризуется как красивая, легкомысленная девушка. Основное фонетическое значение имени – “нежное”, “веселое”, “красивое”, “простое”. Эти признаки также подходят к данному образу.

Фидаиль, муж Асии, крепкий, чуть выше среднего роста; крутые скулы придают его лицу мужскую твёрдость. Он спокойный, сдержанный, тихий, уравновешенный. Психоэмоциональное восприятие имени – “хорошее”. Значение имени также отражает суть персонажа: *Фидаил – яхишылык эшләүче, яхишы сыйфатлы; дәрәжәле*. Все это помогает полнее передать замысел автора.

Обратимся к литературе наших дней. Для примера возьмем повесть **Набиры Гиматдиновой “Парлы ялгыз” / “Одинокая”**. В этой повести также можно выделить любовный треугольник: Бакир – Вәсилә – Гали. Бакир очень

сильный, здоровый на вид. Вот как описывает его автор: «*Озын буй, киң жылкэлэр... Чандыр, ябык Бакир малай белән Бакир егет арасында уртаклык та юк сыман*» [Гыйматдинова 2003: 94]. Он всегда привык добиваться своего, что подтверждает значение его имени: *Бакир (г.) - өйрәнүче; ирешүче* [Саттаров 1998: 56]. Но, став рабом денег, он навсегда теряет любимую женщину.

Признаки фонетического значения в имени *Бакир* [бакир] получили положительную оценку. Из проявившихся признаков можно выделить такие, как “красивый”, “сильный”, “быстрый”, “храбрый”, которые вполне подходят герою.

Вәсилә – гордая, сильная, красивая женщина. Вся мужская работа по дому ложится на её плечи. Она стойко переносит все тяготы жизни, выпавшие на её долю. Её муж, Гали, очень слабый, хилый, безропотный. Хотя своей бездеятельностью и робостью он порой вызывает гнев, все же его можно назвать хорошим человеком.

Фонетические значения этих имен следующие: в имени *Вәсилә* [wәсилә] преобладают признаки “гладкий” “сложный”, “легкий”; *Гали* [гәли] характеризуется как “грубый”, “отталкивающий”, “темный”, “сильный”, “храбрый”, “шероховатое”, “сложный”, “вялый”. В последнем случае только признак “вялый” подходит образу героя.

Нур Әхмәдиев “Гречанкам минем” / “Моя гречанка”.

В повести Н. Ахмадиева «Моя гречанка» представлены образы двух девушек. Первая героиня, которая предстает в повести, – Рамиля – первая и единственная любовь Джамиля Вазыхова, героя повести. Это была любовь с первого взгляда. Он увидел её в театре, она тоже обратила на него внимание, и словно какие-то биотоки прошли между ними. *“Аңардан ике генә рәт алда Ул утыра иде. Шул минуттан Жәмил таи сынга әверелде. Әйләнә-тирәдәгеләр яшәүдән туктады, Жәмил хәтта дөнъяда үзе барын да онытты, театрның йөзләгән тамашачысы арасында Ул, бары тик Ул гына калды.*

Эллә үзенә төбәлгән карашы тойды (биотоклар күчә ди бит), эллә алга гына карап тору туйдырды, кыз бер мизгелгә генә башын кырыйга борды. Саран яктылыкка да карамастан, шул да эжитте: Жәмил кызның япъ-яшь сылу йөзен, грек алиһәләренекенә тартым классик борынын күреп алырга өлгерде. “Гречанка!” – дип баяләде ул кызны” [Әхмәдиев 2003: 125].

Это была красивая любовь, и жизнь друг без друга они не могли себе представить. Но судьба распорядилась иначе. Джамиль был вынужден жениться на другой. Её звали Муслима, она также была красива. Но только не своей красотой пленила она его, а обманом женила на себе. *“Төскә-биткә төшеп калганнардан түгел. Түгәрәк йөзенең бит урталары уйсуланып тора, елмайганда ул уйсулык, тирәнәеп, нәни генә чокырчыкка әверелә һәм кызга аерым бер сөйкемлелек өсти” [Әхмәдиев 2003: 130].*

Джамиль и Рамиля вновь встретились спустя восемь лет. Рамиля несколько не изменилась. Он тут же узнал свою Гречанку. *«Сигез ел! Сигез жәй, сигез кыш, ләйсән яңгырлы язлар, моңсу көзләр. Ә Рәмилә бөтенләй үзгәрмәгән диярлек. Толымлап үреп куйган шундый ук чәчләр, нур уйнап торган шул ук ягымлы күзләр...» [Әхмәдиев 2003: 118].*

По фоносемантическим восприятиям имена Рәмилә [рәмилә] и Мөслимә [мөслимә] обладают только положительными признаками. Признак “красивый” проявляется и в том, и в другом имени.

М. Хужин “Айның уты сүнгән” / “Угасшая луна”.

Героями рассказа являются Жангәрәй и Иоланта / Илаһия. Жангәрәй восхищен красотой доброй учительницы. Её зовут Иоланта. Для него это самое красивое имя в мире. *“Иоланта... Бу дөнъяда шуннан да матур исем юктыр! Шушы исемнең сихрилеген белгәч, тормышымдагы һәрнәрсәне күңелемә төгәл сеңдерергә гадәтләндем, уй дәръясына чумуның рәхәтен татыдым. Хыял дөнъям Иолантаның мәгърур матурлыгына, күңеле олылыгына тиң идедер!..” [Хужин 2004: 117–118].* В фонетическом значении данного имени проявились в основном положительные признаки: “хороший”, “красивый”, “светлый”, “сильный”, “простой”, “гладкий”, а из отрицательных – “медленный” и “злой”.

Жангэрэй называет её по-своему, созвучно татарскому языку – *Илаһия*.

Если вычислить фонетическое значение этого имени по формуле теоретического расчета фонетической значимости слова, то обнаружим, что имя Илаһия [*илаһийә*] “хорошее”, “светлое”, “красивое”, здесь также имеются признаки: “нежный”, “легкий”, “добрый”. Отрицательных признаков нет.

Вычислив фонетические значения имен литературных персонажей и сопоставив их с характеристиками художественных образов, мы обнаружили, что фонетические значения 78 % имен совпадают с основными характеристиками героев.

Значит, в антропонимах звуковое оформление слова уже содержит в себе некоторую информацию, значение, что дает основание выделить отдельным аспектом изучения в литературных антропонимах фонетические значения имён.

Таким образом, фонетическое значение в определенной степени предопределяет выбор имени персонажа. Звуковой облик имени литературного героя может способствовать раскрытию художественного образа и замысла автора.

3.5. Психолингвистический эксперимент.

С целью определения роли звукового оформления при выборе имен нами был проведен психолингвистический эксперимент.

Любой психический процесс, как утверждает А.А. Залевская, всегда формируется одновременно на разных уровнях осознаваемости; всякое осознанное содержание обычно включает в себя не до конца и не полностью осознанные зависимости и соотношения, т.е. имеет место непрерывность осознанного и неосознанного как одно из фундаментальных свойств психического как процесса, при котором бессознательное существует столь же реально, как и осознаваемое [Залевская 1999: 33].

Для проведения психолингвистического эксперимента нами были взяты произведения А.Еники “Марево”, “Ночная капель”, Н. Ахмадиева “Моя гречанка”.

Информантам не назывались сами произведения, им необходимо было по предложенным характеристикам определить имена героев. В эксперименте участвовали студенты 1 и 2 курсов Альметьевских институтов Академии Управления ТИСБИ и Академии ВЭГУ.

Для сравнения фоносемантических ассоциаций опрос проводился как в русскоязычных группах, так и в татарских. Всего 400 респондентов.

Информантам были предложены следующие вопросы:

❖ Какую из девушек-героинь зовут Рашида, а какую – Гамбер?

Кайсы героиняның исеме Рәшида, кайсыныкы – Гәмбәр?

1. Красивая артистка. Она и обаятельная, милая, нежная, и лукавая, своевольная.

1. “Гүзәл, ак хыяллы, нечкә, пакъ жанлы бер хатын. Сылу-чибәр артистка. Күпме мөлаемлык, жылылык, нәфислек, хәйләкәрлек, иркәлек бөркелеп тора аңардан!..”

2. Имя её необычное. Девушка с таким именем, наверное, и сама необычна, оригинальна.

2. “Бу исемнең үзендә үк ниндидер хыялны котырта, күңелне тарта торган бер сихер бар кебек. Мондый исемле кыз чынлап та бик оригинальный булырга тиештер инде ул...”

❖ Какую из девушек-героинь зовут Лейла, а какую – Мервар?

Кайсы героиняның исеме Ләйлә, кайсыныкы – Мәрвәр?

1. Это удивительно, как иногда имя подходит к человеку. Казалось, что за эту её лёгкость, лёгкость белокрылой бабочки, за непередаваемую грацию, тонкость души и назвали её этим именем. Никакое другое имя, казалось, не подошло бы ей. Простота и естественность очаровательно сочетались в ней с милым кокетством.

1. Гаҗҗәп, кайчагында кешенең исеме үзенә ничектер бик туры килеп, бик килешеп тора. Гүя менә бу кыз да ак күбәләк кебек нәфис, жиңел, нечкә жанлы

*булганга күрә шул исемле иде. Шушы исемнән башка бүтән бер исем дә аңа
нич туры килмәс кебек иде. Һәм, әйтерсең, ак күбәләккә охшаганга күрә дә
аңардан чәчәкләр дөньясына хас табигый садәлек, назлы-нәфис сөйкемлелек
аңкып тора иде.*

2. «Неустанная активистка, бойкая на язык, она была на виду...»

2. *“Тынгы белмәс активист, сизгер-уяу, сүзгә оста, өркәтергә ярата, –
кыскасы, яшьләр арасында бик ялтырап йөрүче кызларның берсе иде
ул...”*

❖ Определите по имени, какая героиня положительная, какая
отрицательная?

Исеме буенча билгеләгез, кайсы героиня уңай, кайсы – тискәре?

1. Рамиля / Рәмилә

2. Муслима / Мөслимә.

Эксперимент показал следующие результаты:

- 1) девушку с “необычным” именем назвали Гамбер
 - в русскоязычной аудитории – 87%
 - в татарскоязычной аудитории – 85%.
- 2) по данной характеристике именем Лейла назвали
 - в русскоязычной аудитории – 96 %
 - в татарскоязычной аудитории – 92 %.
- 3) положительной героиней назвали Рамилю
 - в русскоязычной аудитории – 64 %
 - в татарскоязычной аудитории – 43 %.

Оказалось, что в большинстве случаев характеристика героя совпадает со звуковой ассоциацией имени. Только в последнем эксперименте есть существенные несоответствия, так как здесь не наблюдаются ярко выраженные звуковые ассоциации. А определение татарскоязычной аудиторией *Муслиму* положительной героиней связано, прежде всего, с лексическим значением имени.

Таким образом, исходя из проведенного исследования, мы можем сделать вывод о том, что существует некоторое соответствие между звуковым оформлением имени и характерными особенностями образа.

Выводы по III главе.

Значительное место в поэтической ономастике занимает литературная антропонимика. Выбор имени играет значительную роль в создании художественных образов, так как проникновение в сущность имени персонажа значительно содействует раскрытию идейного замысла произведения.

При выборе или создании имени литературному герою немаловажную роль играет звуковое оформление. Не только этимологическое значение имени, но и фонетическая ассоциация может способствовать раскрытию характера персонажа, передать его суть.

Имена в художественной литературе выполняют стилистическую, социальную и эстетическую функцию. Эстетическая функция связана с противопоставлением «красивых» имен «обыденным». Одним из признаков «эстетичности» личного имени принято считать его благозвучие, или звучность. Имя должно не просто называть героя, но также вызывать у читателя определённые ассоциации, при этом важную роль играет звуковое оформление слова.

Фонетическое значение имени может полностью совпадать с лексическим значением или характеристикой героя. В этом случае фонетическое значение полнее раскрывает образ героя, помогает понять замысел автора.

Так как в антропонимах звуковое оформление слова уже содержит в себе некоторую информацию, это дает возможность выделить фонетические значения имен отдельным аспектом изучения в литературной антропонимике.

Заключение

Появление в середине XX века ряда работ, посвященных изучению символического значения звуков речи экспериментальным психометрическим методом, существенно повлияло на становление фоносемантики как отдельной отрасли языкознания.

Фоносемантика зародилась на стыке фонетики, семантики и лексикологии и представляет собой учение, в котором звук интерпретируется в качестве мотивированного языкового знака.

С развитием фоносемантики как науки стало возможным говорить о значении звуковой стороны слова. Рассматривая взаимосвязь звуков и значений, ученые пришли к выводу, что звуки речи обладают некоторой содержательностью. Соответственно каждое слово представляет собой единство содержания и формы. Звуковое оформление слова, будучи внешней формой, способно отразить само содержание.

Экспериментальные исследования в области изучения звука способствовали подтверждению идеи о том, что звук имеет собственное значение. Звук, являясь значимой единицей языка и обладая определённым значением, способствует некоторым образом восприятию слова. Зная фоносемантическое значение отдельных звуков, можно вычислить фонетическое значение всего слова. Значит, слово обладает не только лексическим значением, но и фонетическим.

Под фонетическим значением принято считать символику звуков речи. Фонетическое значение имеет признаковый характер, признаки в применении к звукам речи нельзя понимать буквально.

В современном языкознании все большее внимание уделяется фоносемантической характеристике слова, так как звуковая ассоциация способствует дальнейшему её восприятию. Особый интерес в этом плане представляют собственные личные имена и имена литературных героев.

Звуковое оформление имени важно для всей антропонимической системы языка. В зависимости от звуковой сочетаемости складывается позитивное или негативное восприятие.

Антропонимическая система любого языка фиксирует социально-историческое, этнографическое и культурное состояние народа и представляет собой результат длительного развития. С изменениями общественной жизни меняются мотивы выбора имен. В настоящее время одним из главных факторов, влияющих на выбор имен, является его благозвучие. Фонетическое звучание имён включает такие понятия, как звучность, музыкальность, которые достигаются преобладанием высоких звуков над низкими, наличием определённых гласных, большим числом сонорных согласных.

В поэтической ономастике литературная антропонимика занимает значительное место. В художественных произведениях собственные имена являются объектом пристального внимания исследователей. Выбор имени играет значительную роль в создании художественных образов, так как проникновение в сущность имени персонажа значительно содействует раскрытию идейного замысла произведения. Собственные имена выполняют стилистическую, социальную и эстетическую функцию. Эстетическая функция связана с противопоставлением «красивых» имен «обыденным». Одним из признаков «эстетичности» личного имени принято считать его благозвучие, или звучность. Имя должно не просто называть героя, но также вызывать у читателя определённые ассоциации, при этом важную роль играет звуковое оформление слова.

Фоносемантическая характеристика слова позволяет определить наличие положительных и отрицательных признаков, от которых зависит благозвучность и неблагозвучность имени.

В данной работе, исследовав фоносемантические особенности личных имён татарского языка, мы пришли к следующим выводам:

1. Соответствие значения имени фонетической значимости зависит от характерных особенностей звуков, составляющих данное имя. Фонетическая

значимость “грубый”, “плохой”, “отталкивающий” и т.п. проявляется в словах, содержащих звуки с соответствующими фонетическими значениями. В татарском языке на проявление отрицательных признаков оказывают влияние звуки [Ғ], [к], которые по психоэмоциональному восприятию “плохие”, “грубые”, “отталкивающие”, “темные”, “сложные”, “тяжелые”. И наоборот, слово имеет положительную фонетическую значимость, если в нем преобладают звуки с положительной оценкой. В татарском языке это такие звуки, как [ә], [и], [ү], [з], [к], [л], [м], [н].

2. В проанализированных татарских именах, распространенных в XIX – нач. XX вв., положительную фонетическую значимость имеют 18,8% мужских имен и 24,4% женских имен; отрицательной фонетической значимостью обладают 12,5% мужских имен и 10% женских имен.

В именах, преимущественно арабского происхождения, распространенных в настоящее время, процентное соотношение следующее: в мужских именах положительные признаки составляют 33,1%, в женских именах – 48,1%, отрицательные признаки соответственно – 12,5% и 4,4%.

В распространенных современных именах положительные признаки составляют в мужских именах 53,8%, в женских – 52,5%; отрицательные – 6,3% (в мужских именах) и 0,6% (в женских именах).

3. В фонетическом значении татарских личных имен преобладают положительные признаки, т.е. по психоэмоциональному восприятию многие татарские личные имена характеризуются как хорошие, нежные, красивые, светлые и т.п.

4. Имена с положительными фонетическими значениями получают большую степень распространенности. В связи с этим можно сделать вывод о том, что содержательность звуковой формы является одним из факторов влияния на степень распространенности имен.

5. При выборе имени литературному герою значительную роль играет звуковое оформление. Не только этимологическое значение имени, но и фонетическая ассоциация способствует раскрытию характера персонажа.

6. Существует определенное соответствие между звуковым оформлением имени и характерными особенностями образа. По данным психолингвистического эксперимента, в 73% характеристики героев совпадают со звуковыми ассоциациями имен.

7. Фонетическое значение в некоторой степени предопределяет выбор имени персонажа. Звуковой облик имени литературного героя может способствовать раскрытию художественного образа и замысла автора.

8. Вычисления звуковой содержательности имён литературных персонажей показали, что в 78% фонетические значения имен соответствуют характеристикам героев.

9. В литературной антропонимике отдельным аспектом изучения можно выделить фонетические значения имён персонажей, что позволит определить степень соответствия фонетического облика имени образу персонажа, выявить роль звукового оформления имени в создании образа героя.

Список использованной литературы

1. Айтбаева, Л.Х. Историко–лингвистическое исследование антропонимии татар междуречья нижней Оби и Иртыша (XX век) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 : защищена : 30.11.2004 / Л.Х. Айтбаева. – Тюмень, 2004. – 24 с.
2. Алишина, Х.Ч. Историко–лингвистическое исследование ономастикона сибирских татар (на материале Тюменской области) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.06. / Х.Ч. Алишина. – Казань, 1999. – 48 с.
3. Алпаров, Г.Х. Сайланма хезмәтләр: Татар грамматикасы һәм гомуми тел мәсьәләре / Г.Х. Алпаров. – Казан: Татгосиздат, 1945.
4. Андреева, Л.И. Персонажи А.Н. Островского об именах собственных / Л.И. Андреева // Ономастика Поволжья : Материалы III конф. по ономастике Поволжья. – Уфа, 1973. – С. 393–397.
5. Анисимова, В.В. Развитие русской антропонимики в современном русском языке (на примере личных имён): дис. ...канд. филол. наук [Электронный ресурс] : электронная версия диссертации / В.В. Анисимова. – М., 2003. – 155 с.
6. Антышев, А.Н. Имена-обереги у башкир и других народов / А.Н. Антышев, А.Ф. Азнабаева // Ономастика Поволжья : Матер. X Междунар. конф. Уфа, 12-14 сент. 2006г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 18–22.
7. Әмирхан, Ф. Сайланма әсәрләр. VI том / Ф. Әмирхан. – Казан : Хәтер, 2002. – 386 б.
8. Әпсәләмов, Г. Ак чәчәкләр : Роман / Г. Әпсәләмов. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1989. – 510 б.
9. Әхмәдиев, Н. Амбирак: Повестьлар, хикәяләр / Н. Әхмәдиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 367с.
10. Байчура, У.Ш. Гласные татарского языка в свете экспериментальных данных : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / У.Ш. Байчура. – М.-Л., 1953 – 18 с.

11. Байчура, У.Ш. Звуковой строй татарского языка / У.Ш. Байчура. – Казань: Изд-во КГУ, 1959. – 186 с.
12. Бальмонт, К. Поэзия как волшебство / К. Бальмонт. – М. : Скорпион, 1915. – 93 с.
13. Баранникова, Л.И. Факторы, определяющие выбор личных имён / Л.И. Баранникова, З.А. Данилова, Н.П. Чернева // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М. : Наука, 1970. – С. 177–182.
14. Баязитова, Ф.С. Личные имена в говорах крещеных татар / Ф.С. Баязитова // Ономастика Татарии. – Казань : Изд-во АН СССР, 1989. – С. 66–71.
15. Бестужев-Лада, И.В. Историческая тенденция развития антропонимов / И.В. Бестужев-Лада // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М. : Наука, 1970. – С. 24–33.
16. Богородицкий, В.А. Заметки по экспериментальной фонетике. Вып. I / В.А. Богородицкий. – Казань : Типография Императорского Университета, 1896. – 31 с.
17. Богородицкий, В.А. Заметки по экспериментальной фонетике. Вып. II / В.А. Богородицкий. – Казань : Типография Императорского Университета, 1907. – 21 с.
18. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию : В 2 т. – М. : Наука, 1963.
19. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учебное пособие для студентов пед. ин-тов / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
20. Бузанова, Т.В. Фоносимволизм в современной литературе / Т.В. Бузанова // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики : Материалы Всероссийской конференции (Пенза, 8-11 декабря 1999 г.). – М.; Пенза : Институт психологии и Институт языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1999. – С. 125–127.
21. Булгаков, С.Н. Философия имени / С.Н. Булгаков. – СПб : Наука, 1998. – 446 с.

22. Вагапова, Ф.Г. Историко-лингвистический анализ личных имен нижегородских татар XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 : защищена 27.06.2002 / Ф.Г. Вагапова. – Казань, 2002. – 29 с.
23. Васильева, Е.А. Фоносемантическая характеристика основных лексических категорий (антропонимия и синонимия) : дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] : электронная версия диссертации / Е.А. Васильева. – Тула, 2004. – 171 с.
24. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 254 с.
25. Волков, А.Г. Язык как система знаков / А.Г. Волков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 87 с.
26. Вопросы антропонимики. Выпуск 3. Сб. статей / Составитель и редактор А.И. Назаров. – Алматы, 2005. – 100 с.
27. Воронин, С.В. Основы фоносемантики / С.В. Воронин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.
28. Воронин, С.В. Фоносемантика: Основные положения / С.В. Воронин // Фоносемантические исследования : Межвузовский сборник научных трудов. – Пенза : Изд-во Пензенского ГПИ, 1990. – С. 5–24.
29. Воронин, С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: Очерки и извлечения / С.В. Воронин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 200 с.
30. Галиуллина, Г.Р. Антропонимия татар города Казани в XX веке (на материале личных имен): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.06 / Г.Р. Галиуллина. – Казань, 1993. – 20 с.
31. Галиуллина, Г.Р. Личные имена татар в XX веке / Г.Р. Галиуллина. – Казань : Матбугат йорты, 2000. – 112 с.
32. Ганеев, Б.Т. Язык : учебное пособие. 2-е изд., переработ., доп. / Б.Т. Ганеев. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2001. – 272 с.
33. Гараева, Л.К. Тюркизмы в русской исторической антропонимии (на материале личных имён) / Л.К. Гараева // Ономастика Татарии. – Казань : Изд-во АН СССР, 1989. – С. 109–117.

34. Гарипова–Хасаншина, В.М. Поэтическая ономастика прозы Г. Баширова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / В.М. Гарипова–Хасаншина. – Казань, 2004. – 24 с.
35. Гаррапова, Р.Х. Поэтическая ономастика прозы М. Магдеева : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. защищена 8.06.2000 / Р.Х. Гаррапова. – Елабуга, 2000. – 264 с.
36. Гаррапова, Р.Х. Поэтическая ономастика прозы М. Магдеева: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 02 : защищена 8.06.2000 / Р.Х. Гаррапова. – Казань, 2000. – 24 с.
37. Гафури, М. Әсәрләр. Дүрт томда. IV том. Совет чоры прозасы / М. Гафури. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1981. – 496 б.
38. Гафуров, А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков / А. Гафуров. – М. : Наука, 1987. – 221 с.
39. Горбаневский, М.В. В мире имён и названий / М.В. Горбаневский. – М. : Знание, 1987. – 208 с.
40. Горбаневский, М.В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды / М.В. Горбаневский. – М. : Изд-во УДН, 1988. – 88 с.
41. Гумбольдт, В. Звуковая система языков. Распределение звуков между понятиями / В. фон Гумбольдт // Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – С. 16–18.
42. Гумбольдт, В. О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В.О. Гумбольдт // Хрестоматия по истории языкознания XIX – XX веков. – М. : Учпедгиз, 1956. – С. 68–86.
43. Гыйматдинова, Н. Парлы ялгыз : Повестьләр, хикәяләр / Н. Гыйматдинова. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2003. – 191 б., рәсеме белән.
44. Данилова, З.А. К вопросу о мотивах выбора личных имён / З.А. Данилова // Ономастика Поволжья : Материалы II поволжской конф. по ономастике. – Горький, 1971. – С. 18–22.

45. Долотова, Т.Н. Имя собственное в интерпретации носителей языка / Т.Н. Долотова // Ономастика Поволжья : Матер. X Междунар. конф. Уфа, 12-14 сент. 2006г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 45–48.
46. Еники, А.Н. Глядя на горы. Повесть. Рассказы. Перевод с татарского / А. Еники. – Москва : Современник, 1974. – 380 с.
47. Еники, Ә. Сайланма әсәрләр / Ә. Еники. – Казан : Хәтер, 2002. – 416 б.
48. Еники, Ә. Сайланма әсәрләр. Ике томда. Икенче том / Ә. Еники. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1971. – 513 б.
49. Жанузаков, Т. Ж. Лично-собственные имена в казахском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Ж. Жанузаков. – Алма-Ата, 1960. – 19 с.
50. Журавлёв, А.П. Звук и смысл / А.П. Журавлёв. – М. : Просвещение, 1981. – 160 с.
51. Журавлёв, А.П. Фонетическое значение / А.П. Журавлёв. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 160 с.
52. Зайченко, М.А. Философский аспект проблемы смысла в фоносемантике: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01. : защищена 28.03.2003 / М.А. Зайченко. – Чебоксары, 2003. – 23 с.
53. Залевская, А.А. Актуальные подходы к психолингвистическому исследованию лексики / А.А. Залевская // Проблемы психолингвистики : слово и текст. Сб. научных трудов. – Тверь, 1993 – С. 5 – 18.
54. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений / А.А. Залевская // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6.–С. 31-43.
55. Зиннатуллина, Г.Х. Поэтическая ономастика прозы А. Еники : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 : защищена 23.09.2005 / Г.Х. Зиннатуллина. – Казань, 2005. – 214 с.
56. Зиннатуллина, Г.Х. Поэтическая ономастика прозы А. Еники: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 : защищена 23.09.2005 / Г.Х. Зиннатуллина. – Казань, 2005. – 25 с.
57. Ибрагимов, Ф. Исем гомерлеккә кушыла / Ф. Ибрагимов // Мәгариф. – 1994. – №7. – С. 54–55.

- 58.Иванова–Лукьянова, Г.Н. О восприятии звуков / Г.Н. Иванова–Лукьянова // Развитие фонетики современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 136–143.
- 59.Ивашко, В.А. Как выбирают имена / В.А. Ивашко. – Минск, 1988. – 239с.
- 60.Каражаев, Ю.Д. Фоносемантический аспект происхождения языка / Ю.Д. Каражаев // Фоносемантические исследования : Межвузовский сборник научных трудов. – Пенза : Изд-во Пензенского ГПИ, 1990. – С. 36–44.
- 61.Карнеги, Д. Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей / Д. Карнеги; пер. с англ. С.Г. Бирюков. – Х.: Дельта, 1995. – 624с.
- 62.Карпенко, М.В. Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса / М.В. Карпенко. – Одесса : Одесская гор. типогр., 1970. – 42 с.
- 63.Ковалёв Г.Ф. Писатель. Имя. Текст / Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – 340 с.
- 64.Кодухов, В.И. Значение как лингвистическое понятие / В.И. Кодухов // Языковые значения: Сб. научн. трудов под ред. проф. В.И. Кодухова. – Л.: ЛГПИ, 1976. – С. 7–20.
- 65.Кожевникова, Н.А. Заметки о собственных именах в прозе А. Белого / Н.А. Кожевникова // Ономастика и грамматика. – М. : Наука, 1981. – С. 222–229.
- 66.Кондратов, А. Звуки и знаки / А. Кондратов. – М. : Знание, 1966. – 208 с.
- 67.Кошевая, И.Г. К проблеме знака и значения в языке. Учебное пособие / И.Г. Кошевая. – М. : Моск. гос. пед. инст., 1976. – 142 с.
- 68.Кулешова, О.Д. Фонетическая содержательность звуков английского языка / О.Д. Кулешова // Фоносемантические исследования : Межвузовский сборник научных трудов. – Пенза : Изд-во Пензенского ГПИ, 1990. – С. 120–127.
- 69.Кульдеева Г.И. Антропонимическая система современного казахского языка : Монография. – Казань : ДАС, 2001. – 239 с.
- 70.Кутуй, Г. Сайланма эсэрлэр / Г. Кутуй. – Казан : Татгосиздат матур әдәбият редакциясе, 1953. – 312 б.

71. Левицкий, В.В. Звуковой символизм в четырех неродственных языках / В.В. Левицкий // Проблемы психолингвистики : слово и текст. Сб. научных трудов. – Тверь, 1993 – С. 91 – 96.
72. Левицкий, В.В. Фонетическая мотивированность слова / В.В. Левицкий // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 26–37.
73. Левицкий, В.В. Экспериментальные методы в семасиологии / В.В. Левицкий, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.–191с.
74. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
75. Лосев, А.Ф. Имя / А.Ф. Лосев. – СПб. : Алетея, 1997, – 614 с.
76. Магазаник, Э.Б. Ономапозитика, или «Говорящие имена» в литературе / Э.Б. Магазаник. – Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1978. – 148 с.
77. Магазаник, Э.Б. Роль антропонима в построении художественного образа / Э.Б. Магазаник // Ономастика : сб. ст. под ред. В.А. Никонова. – М. : Наука, 1969. – С. 162–163.
78. Максимов, Н.В. Татар теленнән кулланма. Фонетика. Кит.1 / Н.В. Максимов. – Казан: Казан дәүләт технол. ун-ты, 2002 – 75 б.
79. Мәһдиев, М. Сайланма әсәрләр. 3 томда. 1 том : Повестьләр / М. Мәһдиев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1995. – 534 б.
80. Михайлов, В.Н. Роль ономастической организации художественного текста / В.Н. Михайлов // Русская ономастика. – Одесса: ОГУ, 1984. – С.101–109.
81. Михайлов, В.Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе / В.Н. Михайлов. – Луцк, 1965. – 129 с.
82. Морозов, В.П. Тайны вокальной речи / В.П. Морозов. – Л. : Наука, 1967. – 204 с.
83. Мөхәммәтжанов, Р.С. Бүре сагышы : Роман / Р.С. Мөхәммәтжанов. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1992. – 207 б.

84. Мухамадиев, Р.С. Львы и канарейки, или Невинные забавы мафии...: Роман / Пер. с татар. И. Каримова / Р.С. Мухамадиев. – М. : Современник, 1992. – 303с.
85. Никонов, В.А. Задачи и методы антропонимики / В.А. Никонов // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М. : Наука, 1970. – С. 33–46.
86. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 278 с.
87. Никонов, В.А. Ищем имя / В.А. Никонов. – М. : Сов. Россия, 1988. – 128 с.
88. Нироп, К. Звук и его значение / К. Нироп // Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – С. 142–146.
89. Орлова, Е.В. О восприятии звуков / Е.В. Орлова // Развитие фонетики современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 144–154.
90. Панов, М.В. Современный русский язык. Фонетика / М.В. Панов. – М. : Высшая школа, 1979 – 256 с.
91. Петровский, Н.А. Словарь личных имён / Н.А. Петровский. – М. : Рус. яз., 1980. – 384 с.
92. Полякова, Е.Н. Из истории русских имён и фамилий / Е.Н. Полякова. – М. : Просвещение, 1975. – 160 с.
93. Психолингвистика : Учебник / В.П. Белянин. – М. : Флинта : Московский психолого-социальный институт, 2003. – 356 с.
94. Пузырёв, А.В. О фонетической мотивированности собственных имён в стихотворной речи / А.В. Пузырёв // Вопросы стилистики. Стилистические средства русского языка. – Саратов, 1984. – Вып. 19. – С. 122–132.
95. Пузырёв, А.В. Парадигматический и синтагматический аспекты фоносемантических средств языка / А.В. Пузырёв // Фоносемантические исследования : Межвузовский сборник научных трудов. – Пенза : Изд-во Пензенского ГПИ, 1990. – С. 51–69.

96. Рамстедт Г.И. Ономатопоэтические слова (на материале алтайских языков) / Г.И. Рамстедт // Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – С. 107–109.
97. Реформатский, А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А.А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 536 с.
98. Реформатский, А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия / А.А. Реформатский. – М. : Наука, 1970. – 527 с.
99. Реформатский, А.А. Неканоническая фонетика / А.А. Реформатский // Развитие фонетики современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 96–109.
100. Русская грамматика. В 2-х томах. Т.1. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
101. Салимов, Х.Х. Просодическая система татарского языка / дис. ... доктора филол. наук / Х.Х. Салимов. – Елабуга, 1999. – 363 с.
102. Санжаров, Л.Н. Современная фоносемантика: истоки, проблемы, возможные решения / Л.Н. Санжаров. – Тула: Изд-во Тульского госпедуниверситета им. Л.Н. Толстого, 1996. – 36 с.
103. Сарьян, Х. Бер ананың биш улы. Повесть, хикәяләр / Х. Сарьян. – Казан : Тат. кит. нәшр., 2000. – 303 б.
104. Саттар-Мулилле, Г. Татар исемнәре ни сөйли? / Г. Саттар-Мулилле. – Казан : Раннур, 1998. – 487 б.
105. Саттаров, Г.Ф. Исемен матур, кемнәр куйган? / Г.Ф. Саттаров. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1989. – 256 б.
106. Саттаров, Г.Ф. Татар исемнәре сүзлегә / Г.Ф. Саттаров. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1981. – 256 б.
107. Саттаров, Г.Ф. Что в имени твоём?.. / Г.Ф. Саттаров // Идель. – 1991. – №7. – С. 57–60.
108. Сәлимов Х.Х. Татар теле фонетикасы / Х.Х. Сәлимов. – Чаллы : КАМАЗ, 1993. – 31 б.
109. Системы личных имён у народов мира / Отв. ред. В.А. Никонов и др. – М. : Наука, 1986. – 383 с.

110. Смирнова, П.С. Мотивы перемены фамилий, имён, отчеств / П.С. Смирнова // Ономастика Поволжья : Материалы IV поволжской конф. по ономастике. – Саранск, 1976. – С. 48–50.
111. Субаева, Р.Х. Мотивы выбора интернациональных имен у татар / Р.Х. Субаева // Ономастика Поволжья : Материалы II поволжской конф. по ономастике. – Горький, 1971. – С. 22–26.
112. Сулейманова, Р.А. Антропонимы в современном башкирском языке и тенденции их развития / Р.А. Сулейманова. – Уфа, 2006 – 148 с.
113. Суперанская, А.В. Собственные имена в языке и речи / А.В. Суперанская // Ономастика Поволжья : Материалы II поволжской конф. по ономастике. – Горький, 1971. – С. 355–358.
114. Супрун, В.И. Мгновенная ономастическая ситуация / В.И. Супрун // Ономастика Поволжья : Матер. X Междунар. конф. Уфа, 12-14 сент. 2006г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 92–95.
115. Сулова, А.В. О русских именах / А.В. Сулова, А.В. Суперанская. – Л. : Лениздат, 1978. – 216 с.
116. Тамбиева, Ж.М. Межъязыковая фоносемантическая характеристика гуттуральных согласных (на материале русского, английского и абазинского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 [Электронный ресурс] : электронная версия диссертации / Ж.М. Тамбиева. – Пятигорск, 2003. – 169 с.
117. Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. 4 том. Татар совет әдәбияты (1917-1941). – Казан : Татар. кит. нәшр., 1989. – 568 б.
118. Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. 5 том. Бөек Ватан сугышы һәм сугыштан соңгы еллар әдәбияты (1941-1960). – Казан : Татар. кит. нәшр., 1989. – 544 б.
119. Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. 6 том. 60–90 еллар әдәбияты. – Казан : Раннур, 2001. – 543 б.

120. Тимирханова, Г.С. Татарские фамилии – живая история города Набережные Челны / Г.С. Тимирханова. – Набережные Челны, 2002. – 128 с.
121. Тимканова, Г.Ф. Историко–лингвистический анализ личных имен татар г. Тюмени XX в. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 [Электронный ресурс] : электронная версия диссертации / Г.Ф. Тимканова. – Казань, 2005. – 252 с.
122. Тимонина, А.П. Французские лингвисты об экспрессивных возможностях звуков / А.П. Тимонина // Фоносемантические исследования : Межвузовский сборник научных трудов. – Пенза : Изд-во Пензенского ГПИ, 1990. – С. 148–156.
123. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 352 с.
124. Тукай, Г. Исемнәребез хакында / Г.Тукай // Әсәрләр. 5 томда. 4 т. Проза. Публицистика (1907-1913). – Казан: Тат. кит. нәшр., 1985. – 192–197 б.
125. Успенский, Л.В. Слово о словах / Л.В. Успенский. – М. : ЗАО «Изд. дом Русанова», «Изд. дом Пилигрим», 1997. – 25 с.
126. Успенский, Л.В. Ты и твоё имя / Л.В. Успенский. – Л., 1972, – 574 с.
127. Фадеева, Е.Н. Фоносемантическая характеристика индивидуального стиля автора : дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] : электронная версия диссертации / Е.Н. Фадеева. – Тула, 2004.
128. Фәсиев Ф. Исемнәр дөньясына сәяхәт / Ф. Фәсиев // Казан утлары. – 1966. – №10. – 137–144 б.
129. Флоренский, П. А. Имена : Сочинения / П.А. Флоренский. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 912 с.
130. Фомина, Т.Г. Об эстетической оценке звуковой формы языка / Т.Г. Фомина // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики : Материалы Всероссийской конференции (Пенза, 8-11

- декабря 1999 г.). – М.; Пенза : Институт психологии и Институт языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1999. – С. 191–193.
131. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990 – 104 с.
132. Фортунатов, Ф.Ф. Значение звуковой стороны в языке / Ф.Ф. Фортунатов // Избранные труды. Т.1. – М. : Учпедгиз, 1956. – С. 111–125.
133. Хазиева, Г.С. Мужские имена арабского происхождения / Г.С. Хазиева // Фән һәм тел. – 2006. – №2. – С. 14–17.
134. Хазиева, Г.С. Современные мотивы имянаречения в татарской антропонимике / Г.С. Хазиева // Ономастика Поволжья : Матер. X Междунар. конф. Уфа, 12-14 сент. 2006г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 102–105.
135. Хакимзянов, Ф.С. Татарский язык: Фонетика (на татар. языке) / Ф.С. Хакимзянов. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. – 108 с.
136. Хакимзянов, Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1978. – 205 с.
137. Хангилдин, В. Татар халкының исем-фамилияләре / В. Хангилдин // Казан утлары. – 1971. – № 11. – 175–179 б.
138. Хамитова, Л.М. Поэтический ономастикон в татарских детских стихотворениях: (на материале худож. текстов Ш. Галиева и Р. Миннуллина): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Л.М. Хамитова. – Елабуга, 2007. – 25 с.
139. Хәкимжан, Ф. Татар телендәге [а] авазы хакында / Ф. Хәкимжан // Языковые уровни и их анализ. – Казань: Gumanitarna, 2004. – С. 22–26.
140. Хигир, Б. Ю. Энциклопедия имен: Словарь женских и мужских имен / Б. Ю. Хигир. – М.: Изд-во Яуза, 2003. – 480 с.
141. Хлебников, В. Поэзия. Проза. Драматические произведения. Публицистика / Сост. и коммент. А.Е. Парниса / В. Хлебников. – М. : Слово / Slovo, 2001. – 696 с.

142. Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф.П. Филина. – М. : Высшая школа, 1973. – 504 с.
143. Хужин, М. Айның уты сүнгән : Хикәяләр / М. Хужин. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2004. – 383 б.
144. Хусаинов, К.Ш. Звукоизбирательность в казахском языке / К.Ш. Хусаинов. – Алма-Ата, 1988. – 228 с.
145. Чигирева, А.В. Стилистические функции антропонимов в романах Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста», «Домби и сын», «Крошка Доррит» / А.В. Чигирева, В.А. Бондарь // Восточноукраинский лингвистический сборник: Вып. 7. Сборник научных трудов. – Донецк : Донеччина, 2001. – С. 104–118.
146. Шадрина, И.Н. Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода (экспериментальные исследования на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 : защищена 08.12.01 / И.Н. Шадрина. – Горно-Алтайск. – 2001. – 16 с.
147. Шайхиев Г.Ф. Что в имени твоём, Человек? / Г.Ф. Шайхиев. – Казань, 1999. – 107 с.
148. Шайхиев, Г.Ф. Тайна звуков речи, слов и мышления / Г.Ф. Шайхиев. – Казань : Форт Диалог, 1997. – 80 с.
149. Шайхиев, Г.Ф. Физическая лингвистика или происхождение языка / Г.Ф. Шайхиев. – Казань : ЗАО «Новое знание», 2002. – 200 с.
150. Шайхулов, А.Г. К вопросу о лексико-семантической классификации башкирских и татарских личных имен / А.Г. Шайхулов // Аспекты лингвистического анализа. – М.: Наука, 1994.
151. Шайхулов, А.Г. Ономастикон циркумуральского языкового союза / А.Г. Шайхулов // Ономастика Поволжья : Матер. X Междунар. конф. Уфа, 12-14 сент. 2006г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 199–200.
152. Шайхулов, А.Г. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения / А.Г. Шайхулов. – Уфа : БГУ, 1983. – 72 с.

153. Шакирова, Р.Ф. Хәзерге татар теле фонетикасына кереш / Р.Ф. Шакирова. – Казан, 1954.
154. Шараф, Г. Сонорная длительность татарских гласных / Г. Шараф. – Казань, 1928. – 88 с.
155. Шварцкопф, Б.С. О социальных и эстетических оценках личных имён / Б.С. Шварцкопф // Ономастика и норма. – М. : Наука, 1976. – С. 47–59.
156. Щетинин, Л.М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах / Л.М. Щетинин. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1966. – 224 с.
157. Якобсон, Р. Избранные труды / Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.

Приложение

Психозомоциональное восприятие
наиболее употребительных имен.

Женские имена

Айгизэ [а°йгизэ] – хорошее, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, гладкое, простое, легкое.

Айгэл [а°йгэл] – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Айсылу [а°йсылу] – хорошее, светлое, сильное, храброе, гладкое, простое, злое.

Алинэ [а°линэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, гладкое, простое.

Алисэ [а°лисэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, гладкое, простое, легкое.

Алия [а°лийэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, гладкое, простое.

Алма [а°лма] – хорошее, красивое, светлое, сильное, храброе, гладкое, простое, злое.

Алсу [а°лсу] – хорошее, красивое, светлое, сильное, храброе, гладкое, простое, злое.

Асия [а°сийэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, гладкое, простое.

Элсинэ [элсинэ] – хорошее, нежное, горячее, веселое, красивое, светлое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Элфинэ [элфинэ] – хорошее, нежное, веселое, быстрое, гладкое, простое, легкое, доброе, подвижное.

Элфинур [элфинур] – хорошее, нежное, гладкое, легкое.

Элфия [элфийэ] – хорошее, нежное, веселое, быстрое, гладкое, простое, легкое, доброе, подвижное.

Эминэ [эминэ] – хорошее, нежное, горячее, веселое, красивое, светлое, трусливое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Әнисә [әнисә] – хорошее, нежное, горячее, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, гладкое, простое, легкое, доброе, подвижное.

Бану [бану] – хорошее, сильное, храброе, гладкое, простое, злое.

Бибинур [бибинур] – хорошее, красивое, сильное, храброе, гладкое, простое.

Баширә [бәширә] – хорошее, красивое, сильное, храброе, простое.

Вәсилә [wәсилә] – гладкое, сложное, легкое.

Вәсимә [wәсимә] – сложное, легкое.

Гайшә [гәйшә] – грубое, отталкивающее, темное, сильное, храброе, шероховатое, сложное, вялое.

Галия [га^олийә] – грубое, отталкивающее, темное, сильное, храброе, шероховатое, вялое.

Гафифә [гәфифә] – хорошее, легкое.

Гәлжәмал [гәлжәмал] – хорошее, горячее, красивое, быстрое, простое, легкое.

Гәлия [гәлийә] – хорошее, красивое, быстрое, простое, легкое, доброе.

Гәлназ [гәлназ] – хорошее, красивое, быстрое, простое, легкое.

Гәлнара [гәлнара] – хорошее, красивое, сильное, быстрое, храброе, простое, легкое.

Гәлнур [гәлнур] – хорошее, красивое, сильное, храброе, простое, легкое.

Гәлчәчәк [гәлчәчәк] – хорошее, красивое, быстрое, простое, легкое, доброе.

Гәлшат [гәлшат] – хорошее, быстрое, простое, легкое.

Гүзәл [гүзәл] – хорошее, красивое, сильное, быстрое, храброе, простое, легкое, доброе.

Дамира [да^омира] – хорошее, веселое, красивое, сильное, храброе.

Дания [да^онийә] – хорошее, веселое, красивое, храброе.

Дилбәр [дилбәр] – хорошее, веселое, красивое, храброе, простое.

Диларә [диләрә] – хорошее, нежное, веселое, красивое, храброе, простое.

Дилә [дилә] – хорошее, нежное, веселое, красивое, храброе.

Динә [динә] – хорошее, нежное, веселое, красивое, храброе.

Жәмилә [жәмилә] – хорошее, горячее, красивое, светлое, шероховатое, простое, легкое, доброе, подвижное.

Зайнэн [зэйнэн] – хорошее, веселое, красивое, светлое, быстрое, простое.

Зилэ [зилэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, простое.

Зифа [зифа] – хорошее, веселое, быстрое, легкое.

Зэбэйдэ [зэбэйдэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, доброе.

Зэлэйха [зэлэйха] – хорошее, красивое, быстрое.

Зэлфия [зэлфийэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, быстрое, простое, легкое, доброе.

Зэһрэ [зэһрэ] – нежное, веселое, красивое, светлое, быстрое, трусливое, доброе, подвижное.

Илмира [илмира] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, гладкое, простое, легкое.

Илүсэ [илүсэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, трусливое, гладкое, простое, легкое, доброе, подвижное.

Кадрия [қәдрийэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, быстрое, простое, легкое, доброе.

Камилэ [қа^омилэ] – сильное, храброе, злое.

Кэримэ [кэримэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, быстрое, храброе, простое, легкое, доброе.

Ландыш [ландыш] – хорошее, храброе, простое, злое.

Лэйлэ [лэйлэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Лэйсэн [лэйсэн] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Лилия [лилийэ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, гладкое, простое, легкое.

Мэдинэ [мэдинэ] – хорошее, нежное, красивое, быстрое, гладкое, простое, легкое.

Мәликә [мәликә] – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Мәфтүхә [мәфтүхә] – хорошее, быстрое, легкое.

Миләүшә [миләүшә] – хорошее, красивое, легкое.

Миңсылу [миңсылу] – хорошее, красивое, простое.

Мәслимә [мәслимә] – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Наилә [наилә] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, гладкое, простое, легкое.

Нәзилә [нәзилә] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Нәзифә [нәзифә] – хорошее, нежное, веселое, быстрое, легкое, доброе.

Нәсибә [нәсибә] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Нәфисә [нәфисә] – хорошее, нежное, веселое, быстрое, простое, легкое, доброе.

Нурисә [нурисә] – хорошее, нежное, красивое, светлое, сильное, гладкое, простое.

Рабиға [ра^обиға] – хорошее, сильное, храброе, шероховатое, злое.

Рәзилә [рәзилә] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, простое, легкое.

Рәзинә [рәзинә] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, простое, легкое.

Рәйхан [рәйхан] – хорошее, грубое, сильное, быстрое, храброе, шероховатое, сложное.

Рәмзия [рәмзийә] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, простое, легкое.

Рәмилә [рәмилә] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, храброе, простое, легкое.

Рәсимә [рәсимә] – хорошее, нежное, красивое, светлое, сильное, простое, легкое.

- Рахилә [рахилә]* – хорошее, красивое, сильное, храброе, легкое.
- Рахимә [рахимә]* – хорошее, красивое, сильное, быстрое, легкое.
- Рәшидә [рәшидә]* – хорошее, красивое, сильное, храброе, простое.
- Резеда [ризида]* – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, простое.
- Руфинә [руфинә]* – хорошее, быстрое, легкое.
- Сабира [са°бира]* – хорошее, светлое, красивое, быстрое, простое, легкое.
- Саимә [са°имә]* – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое.
- Салиха [са°лиха]* – хорошее, красивое, быстрое.
- Сара [са°ра]* – хорошее, красивое, светлое, быстрое, простое, легкое.
- Сафназ [са°фназ]* – хорошее, быстрое, простое, легкое.
- Сәлимә [сәлимә]* – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое, доброе.
- Сәрвәр [сәрвәр]* – хорошее, красивое, простое, легкое.
- Сәрия [сәрийә]* – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое, доброе.
- Суфия [суфийә]* – хорошее, нежное, быстрое, простое, легкое.
- Сылу [сылу]* – хорошее, красивое, сильное, гладкое, простое.
- Талия [та°лийә]* – хорошее, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое.
- Таңсылу [та°ңсылу]* – хорошее, сильное, простое, злое.
- Тәбрия [тәбрийә]* – хорошее, красивое, светлое, быстрое, простое.
- Тәклимә [тәқлимә]* – хорошее, красивое, быстрое, простое.
- Тәнзилә [тәнзилә]* – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое.
- Тәскирә [тәскирә]* – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, простое, легкое.
- Тәслимә [тәслимә]* – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое.

Тэслия [тэслийэ] – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое.

Фатыйма [фа^отыйма] – хорошее, быстрое, легкое, подвижное.

Фирдина [фирдина] – хорошее, быстрое, трусливое, легкое, подвижное.

Фирүзэ [фирүзэ] – хорошее, быстрое, трусливое, легкое, подвижное.

Фания [фанийэ] – хорошее, нежное, быстрое, трусливое, легкое, подвижное.

Фаридэ [фаридэ] – хорошее, быстрое, трусливое, легкое, подвижное.

Фәһимэ [фәһимэ] – хорошее, веселое, быстрое, трусливое, легкое, доброе, подвижное.

Хәдичэ [хәдичэ] – хорошее, грубое, темное, быстрое, сложное.

Хэйрия [хэйрийэ] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.

Хәкимэ [хәкимэ] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.

Хәлимэ [хәлимэ] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.

Хәмдия [хәмдийэ] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.

Хәнифэ [хәнифэ] – хорошее, грубое, темное, быстрое, сложное, легкое.

Хәния [хәнийэ] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.

Чәчкэ [чәчкэ] – хорошее, горячее, веселое, быстрое.

Чулпан [чулпан] – хорошее, горячее, сильное, быстрое.

Шәмсенур [шәмсэнур] – хорошее, нежное, горячее, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, гладкое, простое, легкое.

Шәмсия [шәмсийэ] – хорошее, простое.

Энжэ [энжэ] – хорошее, нежное, горячее, светлое, простое, легкое.

Мужские имена

Азамат [а°за°мат] – хорошее, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, гладкое, простое, злое.

Азат [а°зат] – хорошее, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, гладкое, простое, тяжелое, злое.

Айгиз [а°йгиз] – хорошее, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, гладкое, простое, легкое.

Айдар [а°йдар] – хорошее, веселое, красивое, светлое, сильное, храброе, гладкое, тяжелое, злое.

Айнур [а°йнур] – хорошее, сильное, храброе, гладкое, злое.

Айрат [а°йрат] – хорошее, красивое, светлое, сильное, храброе, гладкое, простое, тяжелое, злое.

Алмаз [а°лмаз] – хорошее, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, гладкое, простое, злое.

Артур [артур] – хорошее, красивое, сильное, храброе, гладкое, тяжелое, злое.

Асаф [а°саф] – хорошее, быстрое, легкое.

Атлас [а°тлас] – хорошее, красивое, светлое, сильное, храброе, гладкое, простое, злое.

Афзал [а°фзал] – хорошее, быстрое, легкое.

Аяз [а°йаз] – хорошее, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, гладкое, простое, злое.

Әмин [әмин] – хорошее, нежное, горячее, веселое, красивое, светлое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Әхмәт [әхмәт] – хорошее, легкое, доброе.

Бакир [ба°кир] – хорошее, красивое, сильное, быстрое, храброе, простое.

Булат [булат] – хорошее, сильное, храброе, гладкое, простое, злое.

Вадүт [wәдүт] – гладкое, сложное, легкое.

Вәсим [wәсим] – сложное, легкое.

Гадел [гәдәл] – грубое, грустное, отталкивающее, темное, сильное, храброе, шероховатое, сложное, тяжелое, вялое.

Газиз [гәзиз] – грубое, сильное, храброе, шероховатое, вялое.

Гали [гәли] – грубое, отталкивающее, темное, сильное, храброе, шероховатое, сложное, вялое.

Галим [га°лим] – грубое, темное, сильное, храброе, шероховатое, вялое.

Гаяз [га°йаз] – грубое, отталкивающее, темное, сильное, храброе, шероховатое, сложное, тяжелое, вялое.

Дамир [да°мир] – хорошее, веселое, красивое, храброе.

Динар [динар] – хорошее, веселое, красивое, сильное, храброе.

Жәлил [жәлил] – хорошее, горячее, красивое, светлое, шероховатое, простое, легкое, доброе, подвижное.

Закир [за°кир] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, простое.

Зариф [за°риф] – хорошее, нежное, веселое, красивое, быстрое, легкое.

Зиннур [зиннур] – хорошее, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе.

Зәфәр [зәфәр] – хорошее, нежное, веселое, светлое, быстрое, простое, легкое, доброе.

Ибраһим [ибраһим] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, гладкое, легкое, доброе, подвижное.

Илгиз [илгиз] – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое.

Илдар [илдар] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, гладкое, простое.

Илназ [илназ] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое.

Илнар [илнар] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, гладкое, простое, легкое.

Илнур [илнур] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, храброе, гладкое, простое.

Илсаф [илсаф] – хорошее, нежное, веселое, красивое, быстрое, гладкое, простое, легкое, подвижное.

Ирек [ирэк] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое.

Искандар [искандар] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Камил [қа°мил] – грубое, сильное, храброе, злое.

Касыйм [қа°сыйм] – грубое, холодное, сильное, храброе, злое.

Каюм [қа°йум] – грубое, темное, сильное, храброе, сложное, злое.

Карим [карим] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, быстрое, храброе, простое, легкое.

Латып [ла°тып] – хорошее, быстрое, гладкое, простое.

Мансур [ма°нсур] – хорошее, красивое, сильное, храброе, гладкое, простое.

Марат [марат] – хорошее, красивое, быстрое, храброе, простое.

Малик [малик] – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое.

Мөнир [мөнир] – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Надир [на°дир] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, храброе, гладкое, простое.

Наил [на°ил] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, гладкое, простое.

Нәжми [нәжми] – хорошее, нежное, горячее, красивое, светлое, простое, легкое, подвижное.

Нәфис [нәфис] – хорошее, нежное, веселое, быстрое, простое, легкое.

Нияз [нийаз] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое.

Нурислам [нурислам] – хорошее, нежное, красивое, сильное, храброе, гладкое, простое.

Өлфәт [өлфәт] – хорошее, нежное, светлое, быстрое, трусливое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Өмет [өмет] – хорошее, нежное, горячее, красивое, светлое, быстрое, трусливое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Равил [ра°вил] – хорошее, красивое, сильное, храброе, легкое.

Раил [ра°ил] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, храброе, простое, легкое, злое.

Рамазан [ра°ма°зан] – хорошее, красивое, сильное, быстрое, храброе, злое.

Рамил [ра°мил] – хорошее, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, простое, легкое, злое.

Рәдиф [рәдиф] – хорошее, быстрое, легкое, подвижное.

Рәзиф [рәзиф] – хорошее, веселое, быстрое, легкое, подвижное.

Рәис [рәис] – хорошее, нежное, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, простое, легкое.

Рәхим [рәхим] – хорошее, красивое, сильное, быстрое, храброе.

Рәшит [рәшит] – хорошее, красивое, сильное, храброе, простое, злое.

Ризван [ризван] – хорошее, красивое, сильное, храброе.

Ришат [ришат] – хорошее, красивое, сильное, храброе, злое.

Рәстәм [рәстәм] – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое, доброе.

Руслан [руслан] – хорошее, красивое, сильное, храброе, простое, злое.

Рушан [рушан] – хорошее, сильное, храброе, злое.

Сабир [са°бир] – хорошее, нежное, горячее, веселое, красивое, светлое, сильное, быстрое, храброе, гладкое, простое, легкое, доброе, подвижное.

Салават [са°ла°ват] – хорошее, красивое, простое, легкое.

Салих [са°лих] – хорошее, красивое, быстрое, легкое.

Самат [са°мат] – хорошее, красивое, светлое, быстрое, простое.

Сәлим [сәлим] – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое.

Сири́н [сири́н] – хорошее, нежное, красивое, светлое, быстрое, гладкое, простое, легкое.

Таҗи [та°җи] – хорошее, горячее, красивое, светлое, быстрое, простое, подвижное.

Таип [та°ип] – хорошее, красивое, быстрое, простое.

- Таһир* [та^оһир] – веселое, быстрое, трусливое, доброе, подвижное.
- Тэлгәт* [тэлгәт] – хорошее, сильное, быстрое.
- Тимергәли* [тимэргәли] – хорошее, красивое, быстрое, простое, легкое.
- Тимур* [тимур] – хорошее, сильное, храброе, гладкое, злое.
- Урал* [урал] – хорошее, сильное, медленное, храброе, гладкое, злое.
- Фазыл* [фа^озыл] – хорошее, нежное, горячее, веселое, быстрое, легкое, доброе, подвижное.
- Фаил* [фа^оил] – хорошее, быстрое, трусливое, легкое, подвижное.
- Фаяз* [фа^ойаз] – хорошее, быстрое, легкое, подвижное.
- Фәнис* [фәнис] – хорошее, нежное, быстрое, трусливое, легкое, подвижное.
- Фәрит* [фәрит] – хорошее, быстрое, трусливое, легкое, подвижное.
- Фиргәт* [фиргәт] – хорошее, быстрое, легкое, подвижное.
- Харис* [ха^орис] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.
- Хәбир* [хәбир] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.
- Хәйдәр* [хәйдәр] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.
- Хәким* [хәким] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.
- Хәлил* [хәлил] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.
- Хәмит* [хәмит] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.
- Хәсән* [хәсән] – хорошее, грубое, темное, быстрое, шероховатое, сложное.
- Һади* [һа^оди] – веселое, трусливое, сложное, легкое, доброе, подвижное.
- Шакир* [ша^окир] – хорошее, сильное, храброе, шероховатое, злое, вялое.
- Шамил* [ша^омил] – хорошее, храброе, простое, злое, вялое.
- Шәүкәт* [шәүкәт] – хорошее, храброе.
- Шәфәгәт* [шәфәгәт] – хорошее.
- Юныс* [йуныс] – хорошее, гладкое, простое.

